

В. Попов-Попов

КНЯЗЬ ТАРАКАНОВ

16+

Владислав Михайлович Попов

Князь тараканов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65403911

SelfPub; 2021

Аннотация

История одного детского невроза с погонями и перестрелками в декорациях предвоенной Вены.

Владислав Попов

Князь тараканов

В этом романе всё неправда. Все имена, пароли и явки вымышлены. Только кошмар главного героя был в действительности.

Часть 1

1

Все пациенты разные, но появляются у меня одинаково. «Т» не был исключением. Такой же как все. Все они в нерешительности топчутся перед дверью. Все они, то протягивают руку к звонку, то отдергивают ее назад. Моторика хаотичная. Типичные признаки борьбы мотивов. Еще постоянно оглядываются, не заметил ли их кто. Пациент «К», например, смог позвонить в дверь только с пятого раза, а войти в нее, вообще, только с шестого. В последний момент он с ужасом вспоминал, что у него не выключен газ дома, что на это время назначена деловая встреча и т. д... «Т» отличался остальных только тем, что все нерешительные маневры проделывал перед дверью этажом ниже. Он увидел меня, когда я поднимался по лестнице и махом взлетел к моей квартире. Я не принимал в этот день и, вообще, стараюсь не прини-

мать без предварительной записи, поэтому дал ему последний шанс уйти. «Вы ко мне?» – спросил я его. Он с трудом оторвал глаза от таблички под звонком и натужно ответил: «Да, конечно, доктор Фрейд». Затем приподнял шляпу для приветствия.

Я сторонник высокой платы за сеанс. Это придает вес моей работе, а заодно отсеивает тех, кто несерьезно относится к лечению. Пятьдесят крон за посещение – сумма достаточная, чтобы отпугнуть праздно-любопытствующих. Минимальный курс для первичного ознакомления с проблемой – месяц, по 4-5 встреч в неделю. Моего нового знакомого это не смутило. Он тут же согласился, хотя деньги доставать не стал. Пришлось пригласить его в кабинет. Нервозность не спадала. «Т» лег на кушетку только после второго, настойчивого предложения, изображая непонимание. Важная деталь: пациент прошел в кабинет и лег на кушетку, не выпуская из рук какой-то пакет. Только он занял исходное положение, как тут же вскочил и попросился в туалет. Пакет взял с собой. Про себя я отметил его мнительность.

Истории болезни не было, пришлось начинать с самого начала. На мой вопрос, о том, что его беспокоит, «Т» ответил коротко: «желудок». «Что еще?» «Еще почки». Я попросил дать развернутый ответ. Почки или мочевого пузыря? Имея ввиду, что страдающие энурезом часто «облагораживают» свою болезнь, сваливая ее на более «высокую» инстанцию. Это мне говорил еще Брейер. После некоторого сопротив-

ления, пациент признался, что почки, скорее всего, ни при чем. «Детские проблемы часто остаются с нами», – повел я издалека. «Т» начал спорить. Верный признак, что болезнь родом из детства и имеет психическую природу. Как, видимо, и проблемы с желудком. Я попросил описать симптомы, а заодно когда они появлялись в течение последних дней. Как и ожидалось, рассказ получился бессвязный, состоящий сплошь из провалов в памяти. Внутренняя цензура оказалась настолько велика, что вытеснила в бессознательное все мало-мальски важное. На плаву остались воспоминания о панических метаниях по Пратеру в поисках туалета, о публично справляющих нужду бюргерах, чьему бесстыдству и спокойствию пациент завидовал. (Себя он явно считал аристократом). Пятьдесят минут сеанса прошли, из них как минимум пол часа были заняты неловким молчанием. Я успел выкурить сигару. Под конец «Т» предложил себя осмотреть. Акт явно отсылающий к детскому эксгибиционизму или подавленной гомосексуальности. Подсознательная расплата за то, что он не смог, так сказать, «раскрыть душу». Я спросил, зачем ему осмотр. Он не нашелся, что ответить.

Уходя, «Т» естественно забыл об оплате, но после моего напоминания, достал деньги без разговоров. Следующий сеанс я назначил на завтра, в это же время. После «С» и перед «Нормой».

Один храпел. Другой не снимал сапоги. Оба воняли. Один отзывался на кличку Авель, другой, вообще, никак не отзывался. Смотрел волком. Когда неделю назад они появились на перроне у нее за спиной, она коротко ответила: «Это со мной. Так надо». Я даже не успел ее поцеловать, хотя долго готовился к встрече. Все представлял себе, как по-хозяйски притяну ее к себе, поцелую прямо в губы. Ага. Поцеловал. Она вышла из вагона первого класса, но не легко, как прима на сцену, а как-то коряво, по-бабьи. Лицо ее выражало не радость романтической встречи, а какую-то деловую сосредоточенность. Только протянул ей цветы, отмахнувшись от неприятного первого впечатления, как появились эти двое. Вместо поцелуя «так надо». Пошушукались втроем, затем она подошла ко мне и велела взять пролетку. Спрашиваю, куда везти этих двоих. Отвечает, сначала по городу, потом к нам на квартиру. Как обухом по голове. К нам?! Я перешел на немецкий: «Твой покорный слуга квартиру специально для нас снимал. Она, в конце концов, мала...» «Не устраивай сцен, – говорит, – у меня и так вся жизнь на сцене. Поговорим на месте». Едем по Рингу, эти двое по сторонам не смотрят, Вена их не интересуется, только постоянно назад оглядываются. Потом и вовсе велели кучеру верх поднять.

Приехали на квартиру. Один, тот что по мельче, вытер ноги о ковер и завалился по-хамски на диван прямо в сапогах. Второй, по крупнее, сразу направился к буфету и бесцеремонно вытащил оттуда бутылку грюнера. «Это товарищ

Авель», – представила она крупного, который уже успел приложиться к моей бутылке. «А это товарищ с поручением от центральной ячейки», – и указала на хама, пачкающего диван эпохи Терезы. Меня она представить забыла. Я предложил ей пройти в спальню. «А ты думаешь, революция – это приятное рандеву?» – сразу пошла в атаку моя прима, не дав мне слова сказать. «Нет никаких личных интересов, есть только интересы партии! Думаешь, покрасовался на майской сходке, поболтал о справедливости на собрании и это достаточно? Реакция наступает по всем фронтам, партии нужны люди, беззаветно-преданные делу. Ты, кстати, достал деньги?» У меня закружилась голова, ну, образно. «Денег пока нет, – промямлил я, – но они будут». Про себя подумал, что маман ни за что не даст такую огромную сумму. Продавать же свою долю в фабрике, значит идти на открытый разрыв с семьей. Что меня дальше ждет? В Сибирь сошлют или убьют в тюрьме, как Шмитта?

– Сколько у тебя есть? – Немного. – Давай. – Для чего вам? – Меньше знаешь, меньше скажешь полиции. Под пытками. Правило партийной дисциплины. Партия не отчитывается перед рядовым. Мне стало дурно, теперь не образно. Я достал бумажник. В комнату просунулась голова товарища Авеля. – Товарищ Анна сказала, что вы надежный человек. Она поручилась за вас. С этими словами он забрал все деньги из бумажника.

Через неделю мне дали партийное задание. Я должен был сходить на явочную квартиру и передать пакет. Мне долго объясняли, сколько цветочных горшков должно стоять на окне, если все безопасно; сколько – если явка провалена. Сколько раз я должен позвонить в колокольчик и сколько раз постучать в дверь. Какой назвать пароль и какой услышать отзыв. Адрес Берггассе, 19, первый этаж. Только я вышел из дому, как все тут же забыл. Кроме адреса. Вернуться переспросить было стыдно. Боже, за что мне все это?! Почему я здесь?! Коготок увяз, всей птичке пропасть, – вертелось в голове. Чтобы унять панику, решил съездить на Пратер, выпить пива. Трамвай не шел. Подумал, что опоздаю, рванул назад. Трамвай тут же вынырнул из за угла. Снова передумал, сел. Вышел на Пратере с полным ощущением, что уже провалил это дурацкое задание. Выпил. Мало. Взял еще. Все должно как-то устроиться. Подпольщики исчезнут, Анна останется, деньги появятся. Отчаянно захотелось в туалет. По-серьезному. Значит надо идти в ресторан. Но это время. Пока заказ, то да се, опоздаю. Как пить, опоздаю. Надо было дома сходить. Но там эти подпольщики загадили нужник так, что прислуга отказалась убираться. Найду по дороге. Пометался по городу. В конце концов, меня же пустят на квартиру, чтобы взять пакет.

Опоздал на двадцать три минуты. Цветов на окне пропасть. Что они значат, провал или безопасность? Вдруг там охранка. Боже, как хочется в туалет. Пускай хватают. Так да-

же лучше. Что они со мной сделают? Отправят под надзор в имение? Отлично, я сделал для партии все, что мог. И для Анны тоже. Она может приехать ко мне. А подпольщики туда не сунутся... И в туалет схожу. Подошел к двери, стучу. Никого. Звоню. Никого! Ни подпольщиков, ни охранки, ни туалета. Стучу, уже даже не пытаюсь вспомнить, сколько раз надо. Куда бежать? Какой конфуз будет, когда я вернусь с пакетом, с полными брюками, провалив это чертово, будь оно проклято, задание! Спускаюсь вниз. Вдруг послышалось, что за дверью кто-то есть. Возвращаюсь. Стучу. Звоню. Прислушиваюсь. Никого. Бегу снова вниз. Тут послышались шаги. Кто-то поднимается. Боже, свидетель. Свидетелей быть не должно. Все. Провал. Бегу к верхней квартире. Звоню. Господин подходит и с ехидной улыбкой спрашивает: «Вы ко мне?» На табличке под звонком написано «доктор Зигмунд Фрейд». Думаю: «Да мне уже все равно к кому, хоть к черту лысому», а сам говорю: «Да, я к вам, доктор».

3

Жадный докторишко запросил 50 крон. Да я полцарства готов был отдать, чтобы дорваться до нужника. А пообещать так и все царство. В кабинете никаких признаков, что передо мной врач. Ни шкафа с микстурами, ни подноса со всякими пинцетами, молоточками, тубочками. У него даже стетоскопа нет! Все предлагал прилечь отдохнуть. Видимо, я плохо выгляжу. Однако спать – это последнее, что мне хоте-

лось. Забыл спрятать пакет. Да и куда его спрячешь. Доктор не унимался. Я прилег на эту кушетку, чтоб его не расстраивать. Тут же не выдержал, попросился в уборную.

Странный доктор. Не понимаю, что ему нужно. Говорю, что почки беспокоят, а он спрашивает, не мочился ли я в детстве. Какое ему дело до моего детства? Отличное, говорю, у меня детство было. Сухое. Хотя тут же вспомнил, что по семейной легенде я генерала С-ва, того, облил. Прямо на китель с позументом. Да еще папенька все время называл меня «мокрым местом». Правда, это из-за того, что я плакал часто. Кошмары по ночам мучили. Недержание! Ишь ты! Смог бы он мне это прямо в глаза сказать? Сидит у меня за спиной, гадости говорит и дым в затылок мне пускает. Кушетка, наверно, специально так неудобно расположена, чтоб пациенты на этого доктора не смотрели. Надо лицензию у него спросить. Больные почки – это факт. Мне про них знакомый все объяснил. В Карлсбаде. Он уже лет пять там воду пил для здоровья. Мы с ним в пивной познакомились. А доктор знай свое талдычит: «детское недержание, детское недержание». Я давно не ребенок. Не доктор, а провокатор какой-то. Еще имел наглость намекнуть, что это у меня нервное. Нервное! Посмотрел бы я на него, если б у него два нелегала поселились! Причем, такой уголовной наружности! Наверное, курил бы свою сигару уже не так вальяжно. Жужжит над ухом, как оса: «Расскажите, когда у вас появлялись эти симптомы в последнее время. Попробуйте для начала

описать ваш день, неделю». Что я ему расскажу? Что просыпаюсь рядом с революционеркой? Что за стеной храпят еще двое подпольщиков? Про партийное задание? Про игры в конспирацию? Лежу и думаю, как бы не сболтнуть лишнего. Под конец не выдержал, говорю: «Может, вы меня все-таки осмотрите, доктор? Что там полагается на первом приеме». Ответ меня просто убил: «А зачем?» Я аж дар речи потерял. Ничего себе доктор! Что за бред?! Какой-то безумный день! А впереди еще объяснения по поводу невыполненного задания! Собрался уходить. Это светило медицины мне в спину: «Вы ничего не забыли?» Я испугался, думал пакет оставил, но нет, вот он – в руке. «Пятьдесят крон, пожалуйста». У меня чуть не вырвалось: «За что?!?! За что пятьдесят крон? За нелепый разговор? За кушетку? Почему меня все грабят?! Все, кому не лень. Эти «товарищи» деньги из меня вытягивают, теперь вот шарлатан какой-то в карман лезет. Что я за рохля такая, что я за тряпка. Вот возьму и не дам ничего!» Доктор невозмутимо смотрел мне прямо в глаза. «Черт с тобой. Получи. Мы больше не увидимся», – попрощался я мысленно с жадным шарлатаном и достал портмоне.

Домой я вернулся, так и не придумав оправдание моему провалу. Анна встретила меня наигранной веселостью: «Как первое задание?» Я молча протянул пакет. Руки предательски дрожали. Сейчас меня окатят презрительным взглядом, скажут: «все с тобой понятно», потом выйдут два хама, и один другому бросит: «Я же говорил». Мне останется только

застрелиться.

– Дорогой, извини. Мы днем ошиблись. Сегодня там никого не было. На явочную квартиру надо завтра сходить. Понимаешь, эта дурацкая смена календарей вечно подводит. Все время забываю, сколько дней разница. Когда мы придем к власти обязательно введем нормальный календарь!

4

«Т» начал второй сеанс с подробных расспросов о предыдущем пациенте. Они столкнулись на лестничной площадке. Естественно я не рассказываю о своих подопечных никому. Но тут решил подстегнуть любопытство «Т», чтобы быстрее вовлечь в лечение. Не называя имени, рода деятельности, я максимально абстрактно обрисовал «С» и его проблемы. «С» лечился от паранойи. Успешно. Когда он пришел ко мне, ему казалось, что за ним следят какие-то неизвестные люди, и что его жена в сговоре с этими людьми. Достаточно ему было заметить какой-нибудь жест человека, чтобы принять этого человека за преследователя, который подает знак сообщникам. Особенно его пугали субъекты со свертками в руках. Он называл их бомбометателями. Сейчас мы подошли к стадии выздоровления. Есть четкое понимание, что паранойя была вызвана ревностью к жене и страхом, что она снова забеременеет (принесет сверток). Нам осталось докопаться до самых глубоких, бессознательных мотивов: «С» сам испытывает сильнейшую тягу к измене, но не может се-

бе в этом признаться.

Рассказ произвел эффект. «Т» даже повернулся ко мне и впервые выпустил пакет из рук. Пакет, видимо, был чем-то вроде амулета на удачу. Или, как я называю, «компромиссным делом». Дело, которое прикрывает или поддерживает поход к доктору. Пациент принимает решение лечиться, но с условием. Например, он готов пойти к доктору, но только по дороге куда-то еще. Например, в магазин. Пакет из магазина – это награда за лечение. «Т» выпустил пакет из рук, значит готов лечиться без всяких условий. Пользуясь моментом, я рассказал про метод свободных ассоциаций, с помощью которого мы обязательно найдем корень его психологических проблем и решим их. «Боюсь, мои проблемы можно вылечить только кардинальными средствами», – он картинно застрелился из пальца и добавил с патетикой, – «Смерть – лучший доктор, у которого нет неудачных случаев». Такой депрессией нас не обманешь. С одной стороны пациент намекает на суицид, с другой – хвастается знанием немецкой философии. Рисует. Инстинкты вполне живого человека! «О, вы читали Фейербаха!», – похвалил я его. Доверительные отношения с пациентом – фундамент успеха. «Читал, а что толку? Поставить этого Фейербаха на мое место, он бы быстро раскаялся и вернулся к религии!» После этого «Т» признался, что он снова обратился к богу. Стал раздеваться (опять инфантильный эксгибиционизм), чтобы продемонстрировать крест на шее и какой-то амулет «ladanka», ко-

торый ему подарила старушка-няня. Решил не затрагивать тему религиозных ритуалов и прочих навязчивых действий, чтобы не спугнуть пациента. А то замкнется окончательно. Рассказать о своих проблемах конкретно «Т» отказался. Сопротивление лечению остается сильное. Пришла в голову мысль: «А вдруг быть больным психологически удобно?!» Надо обдумать. Я заметил, что мне трудно ему помочь, не располагая никакими сведениями. «Т» сказал, что не может возложить свои проблемы на другого. Для разрядки я предложил обсудить какую-нибудь незначительную, маловажную мелочь. Например, пакет, с которым он пришел. Я собирался показать «Т» работу его бессознательного. Разрядки не получилось. «Т» весь напрягся, затем суетливо засобирались, оправдываясь неотложными делами. Деньги положил на стол, а не отдал в руки.

5

На ошибках учатся. Я решил выйти заранее, чтобы прийти на явку вовремя. К тому же, в моей квартире положительно невозможно находиться. Эти двое хозяйничают, как у себя дома. Недавно заметил, что рылись у меня в бюро. Выразил свой протест. «Мы искали бумагу». Оказывается, на мои деньги они приобрели мимеограф Эдисона и попробовали его освоить. Гремели так, что если б нагрянула полиция, мы бы ее не услышали. Напечатать на русском прокламации не получилось. Машинки с кириллицей не нашлось.

Взялись печатать на немецком. Немецкий у Анны так себе. Развесили сушиться свои безграмотные воззвания прямо в гостиной перед входной дверью. Австро-Венгерская империя – терпимая страна со всеобщим избирательным правом, но за такие орфографические ошибки их точно упекли бы в тюрьму. И меня с ними. В конце концов, моя подпольщица потребовала еще денег на печатную машинку с русским шрифтом. Тут же напомнила про основную сумму. Я сказал, что раздобуду и выскочил за дверь.

На Пратер не заезжал. Пива не пил. Просто опрокинул рюмку ликера по дороге. Для бодрости. Ну, пару рюмок. Где я деньги достану? Уже неделя, как я снова начал играть в рулетку. Как всегда неудачно. Играю и клянусь на чем свет стоит. Если затынет, то опять проиграюсь в пух и прах. Что меня спасет? Только чудо или пиковая дама! Выиграю, рассчитаюсь и уеду куда-нибудь на край света, как Миклухо-Маклай. Иду, шепчу про себя отрывки молитвы, какие смог вспомнить. У нового собора Обета, построенного по случаю чудесного избавления от смерти какого-то эрцгерцога, я даже перекрестился. Я тоже что-нибудь сделаю, если избавлюсь от этого ужаса. Надеюсь, для бога разделение церковей пустая условность. Вдруг замечаю, что за мной пристально наблюдает какой-то субъект. Видимо я так нелепо выгляжу в своей ажитации, что привлекаю внимание. Собрался, сделал повседневное, деловое лицо и двинулся дальше. Смотрю, субъект движется параллельно, не спуская с меня глаз.

Может, показалось? Прошел еще немного по Рингштрассе. Субъект не отстает. Все! Выследили! Охранка или местные? Надо уводить хвост от явки. Пустился петлять по кварталу. Сердце стучит, как механический молот на родной фамильной фабрике. Начинается паника. Боже! Да минует меня чаша сия! – возопил я мысленно и нырнул в пивную. Выпил. Вот ведь. Говорят же, не зарекайся. Сажу у окна, спрятавшись за геранью. Вроде, никого подозрительного. Вокруг беспечные студенты. Вернуться или идти дальше? Решил подождать и выпить еще. Подождал. Выпил. Время. Надо принимать решение. Выпил. Решение не пришло. Выпил. А, была не была. И вот снова Берггассе, 19. Снова опаздываю, но уже только на пять минут. Вот она – нужная дверь. Собираюсь звонить в колокольчик и тут – бац! Сверху спускается шпик, которого я подцепил у собора Обета. В глазах потемнело, колени предательски дрожат. Мигом протрезвел. Неровным шагом прохожу мимо субъекта вверх по лестнице и демонстративно стучу в дверь к этому докторишке.

Служанка раздела и провела меня в кабинет. Не говоря ни слова, я падаю на кушетку. Надо собраться с мыслями. Лежу, молчу. Этот шарлатан тоже молчит. Не выдерживаю, спрашиваю: «Вам, доктор, не знаком господин в светлом костюме, шляпе, слегка полноватый, с крысиным выражением лица, темными маленькими глазами? Буквально только что был в вашем подъезде?» Доктор: «А что такое?» Я неловко вру, благо, лица моего не видно: «Он мне показался знако-

мым». «Скорее всего, вы опознались. Этот господин – мой пациент». Слава богу! К концу истории про одержимого манией преследования мужа я смеюсь чуть ли не в голос. Господи, какая ирония! Я думал, что меня преследует этот человек, а он тоже самое думал про меня! Наверняка он принял меня за сумасшедшего бомбометателя! Правда, получается, что я сам становлюсь параноиком. И мне самому пора к доктору. Стоп, так я же у него и нахожусь! Тут только до меня дошло, что этот доктор – модный психиатр, психолог или как их там. Вот почему у него нет ни микстур, ни инструментов! Мне немного полегчало. Гроза прошла мимо. Я удобно расположился на кушетке и благосклонно выслушал его абракадабру про какое-то бессознательное. Впрочем, про метод свободных ассоциаций я уже где-то слышал. На юридическом факультете кто-то делал доклад новых веяниях в науке допроса. Если преступника спрашивать о первом, что пришло ему в голову по поводу наводящих слов, то он невольно выдаст себя. Эх, если б я доучился в университете до конца, сейчас бы уже был помощником адвоката. А то и самим адвокатом. Принимал бы сейчас пациентов, тьфу, посетителей, просителей в своем кабинете... Нет же, побастовать решил. А потом и уволиться пришлось за компанию, в знак солидарности. Эх. Житие мое... Теперь самому в пору к адвокату идти. Хотя, какой тут адвокат поможет? Что меня спасет? Только милость божия. В слух говорю: «Мои проблемы ассоциациями не решить». И чтоб показать всю

серьезность моего положения, приставил палец к виску и выстрелил. Как-то само получилось. Тут же вспомнилась фраза из спектакля, где играла Анна: «Смерть – это лучший врач, – декламировал седой дядя, изображающий студента, – у этого врача нет неудач!» А Анна такая ему в ответ: «Нет, Ты не прав! Лучший врач – это любовь!» и бросается ему на грудь. Весь зал охнул, и я вместе со всем залом. Еще бы. У Анны тогда было платье с декольте... И тут голос с заднего ряда, то есть из за спины: «О, вы читали Фейербаха?» Оказывается, я в слух что-то ляпнул. Опять начал заговариваться. Я и не знал, что это Фейербах. Думал – это драматург, как там его... то ли Ибсен, то ли Сквозняк-Скиталец... А этим Фейербахом я сыт по горло. Один из ухажеров Анны все тыкал мне: «Это должен прочитать каждый прогрессивно-мыслящий человек!» Так втроем и ходили под аккомпанемент. В ресторане вместо устриц – Фейербах, на море вместо пива – Фейербах. Все уши прожужжал, пока от чахотки не умер. Я боялся, что тоже умру, послушавшись этого Фейербаха. «Да, – отвечаю в слух доктору, – с учением безбожника – Фейербаха я знаком. Только я сейчас в таких обстоятельствах, что мне, кроме как на Бога, не на кого положиться. Поэтому Фейербах пусть пылится и дальше на полке». «Мне, – говорю, – помогает вера простого народа». Показываю ладанку, которую мне давным-давно няня подарила. В университете стеснялся, не носил. Теперь не до стеснений. Доктор с явным скепсисом: «От чего же она помога-

ет? Что у вас за обстоятельства такие? Вчера вам был нужен туалет, сегодня церковь?» Я оскорбился: « Мои обстоятельства останутся при мне. Вы, доктор, вряд ли мне чем-нибудь поможете». И тут докторишко как обухом по голове: « А что это у вас за пакетик? Может, он как-то связан с вашими обстоятельствами?» «Черт побери! Прости господи! Еще как связан!» – пронеслось у меня в голове. – Ни с чем он не связан! – ответил я как можно равнодушнее, вскакивая с кушетки. В кармане нашлась купюра в пятьдесят крон. Выложил ее на стол и как ошпаренный кинулся к явочной квартире. Проскочил мимо служанки. Вернулся, схватил пальто и шляпу. Скатился к проклятой двери и замолотил в нее как безумный. Бесплезно. Достал часы. Все пропало. Поздно. Руки опустились. Не хотелось даже думать, что меня ждет по возвращении.

6

Бесцельно бродить по Вене, среди ее прекрасных дворцов и парков, заглядывая в ее знаменитые кофейни и магазины, что может быть лучше? Да что угодно! Что угодно может быть лучше! Я шел сквозь эту барочную, классическую красоту, физически ощущая боль от ее равнодушия ко мне. Вот кафе «Централь», здесь собирается венская и не только венская богема, я мечтал сводить сюда Анну. Жизнерадостная, нарядная толпа, частью которой я считал себя, бурлила, не обращая на меня и мои страдания никакого внима-

ния. Ад может быть красивым, как Вена. Было так плохо, что даже выпить не хотелось. Решил уйти из центра города, подальше от его блеска. Дошел до канала. Вдруг пришла в голову мысль: может, выкинуть сверток? Концы в воду. Сказать, что все прошло нормально. Пакет передал. А там докажи, что не так. Тут же отмахнулся от искушения. Такой крутой блеф без единого козыря мне не по зубам. Что тогда остается? Да, ничего. Буду плыть по течению. В пяти аршинах ниже по течению сидел нищий. Я по привычке полез в карман за мелочью, но выудил всего пару крон и несколько геллеров. Что ж, значит, сегодня предстоит еще одно унижение. Придется телеграфировать домой, чтобы выслали денег. А пока занимать в банке. В «Erste» легче дадут, зато в кооперативном «Raifeisen» меньше проценты. Но и там и там я уже занимал. Так что дадут мало. Милостыни нищий не дождался. Самому нужны. На почте испортил три бланка, а телеграмму так и не отправил. Клянчить деньги было мучительно. Объяснить, как потратил свои месячные дивиденды в столь короткий срок, не получалось. А что соврать, было не понятно. Рядом стояли две кумушки. Одна жаловалась на истрепанные нервы, вторая горячо убеждала подружку приобрести новые капли доктора Келлера. У нее есть знакомый опытный врач, который делает инъекции этого чудодейственного средства. Утомление и меланхолию как рукой снимет. Стоит это, правда, не дешево. Я подумал, что можно было бы спросить об этом средстве своего доктора... И

тут до меня дошло. Через пять минут телеграмма была готова. «Лечу нервы. Долго. Дорого. Доктор. Светило медицины. Вышлите 500 рублей. Люблю. Целую. Котик». На докторов и пилюли маман никогда не скупилась. Настроение чуть-чуть поднялось. «Что ж, доктор Фрейд, продолжим наши встречи». После этого я заскочил в банк «Эстре». Настроение еще чуть-чуть поднялось. На сто крон. Но затем меня занесло в казино, и настроение понизилось ровно на пятьдесят крон. Пятьдесят крон оставил на врача. Для этого понадобилось усилие всей моей маленькой воли. К дому подошел убитый горем. Чуда снова не произошло. Господь не желает помогать мне деньгами.

Дома меня явно ждали. Все трое сидели за столом. Лица напряженные. Увидели пакет. Переглянулись. Я как можно развязнее подошел к буфету, достал бутылку. Оказалось, последнюю. (А этот Авель времени даром не терял). Собрался налить, однако стакан был перехвачен рукой Анны.

– В чем дело? – тихо спросила она. И пауза. Прямо как в новомодных театрах. Молчу, что сказать не знаю. Напряжение нарастает. Анна не выдерживает.

– Мы думали, что тебя арестовали.

«Ага. Черта с два. Вы подумали, что я сбежал. Или хуже того, сам пошел в участок», – надерзил я, но только мысленно. И тут молчун заговорил. Тихо, еще тише, чем моя прима. С кавказским акцентом, как и у Авеля. Мурашки побежали по коже. «Гавари дарагой. Не томи. У партии длинные

руки, но короткое терпение. Пасматри на меня». Я медленно повернулся. Что-то внизу живота запульсировало. Нога предательски задрожала. Молчун смотрел на меня маленькими злыми глазками и со змеиной лаской продолжал: «Нэбойса. Скажи, что случилось?» Как-то само собой у меня вырвалось: « За мной следили».

7

У пациента «С» случился неожиданный рецидив паранойи. Это вдвойне странно и обидно, ведь я считал, что конец лечения не за горами. Я настолько привык к неуклонному прогрессу, что от неожиданности попробовал оспорить его манию. «С» возмутился и чуть не ушел. С трудом уговорил его остаться. Попросил описать преследователей. С дрожью в голосе «С» стал рассказывать о двух плохо одетых эмигрантах странной, южной наружности, вроде цыган. Один был высокий, полный. Другой – низкий. Они преследовали его почти до дома. Отстали только в парке Шенбруннер. С трудом успокоил его. Про себя отметил, что всегда надо быть готовым к возвращению болезни.

В поведении «Т» тоже произошли изменения. Но, скорее, в положительную сторону. Во-первых, он пришел без пакета. Во-вторых, разговорился. В-третьих, он перестал ссылаться на обстоятельства и теперь считает, что проблема в нем самом. Признал, что он болен. Правда, тут же придумал нездоровую печень. Однако общий настрой стал еще более пессимистичным. Доминирующие мотивы: чувство вины

и сознание собственной неполноценности. «Т» считает себя неспособным на самостоятельные мужские поступки, жалуется, что всю жизнь был несвободным. Адлер порадовался бы, услышав его историю. «Т» родился в очень обеспеченной семье. Детство провел за городом, в окружении семьи и прислуги. Особенно близок был с няней. Ранние годы, лет до пяти, шести, которые он называет периодом «первого имени», он считает золотым временем. Потом семья переезжает в имение попроще, и жизнь портится. Отец отдалился, власть в семье прибирает родня по матери. Это сказалось на «Т». Он стал тревожным, постоянно болел. «Т» вспомнил, что отец называл его «мокрым местом». (Думаю, это связано с детским недержанием). Хороший знак: пациент с нежностью отзывался о своем враче, на которого была перенесена часть либидо с отца! Время учебы было по версии «Т» самым кошмарным в его жизни. Он часто пропускал занятия из-за болезни. Оценки были плохими, учителя его не любили. Сверстники издевались над ним. Физически слабый он не мог дать отпор. Рассказывая это «Т» заметно волновался. (Адлер бы торжествовал в этом месте). Волнение переросло в неловкую паузу. Я посмотрел на часы, оказалось, что сеанс явно затянулся. Меня давно ждал следующий пациент.

8

А что оставалось делать? Сказал «а», скажешь и «б». «Товарищи» всполошились и стали насесть: «Что за человек тебя преследовал? Как он выглядел?» Пришлось описать им

пациента доктора Фрейда. Ей богу, я не хотел. «Где ты его подцепил?», – спросил Авель, задумчиво взяв у меня бутылку гевюрц-траминера и отпив из горла. Я рассказал. Еще добавил, что записался к врачу по тому же адресу, что и явка, для конспирации. Дабы подсластить пилюлю сказал, что скоро достану денег на печатную машинку. Бутылка стремительно опустела без моего участия. На следующий день пришлось показать им из за угла бедного «С». Жалкий трус, что я наделал? Натравил этих головорезов на невинного человека. Господи, спаси меня и сохрани. То есть спаси этого «С». Надеюсь, они с ним ничего не сделают. Не прирежут в подворотне. Они проследят за ним, поймут, что он простой пациент и успокоятся. Моя совесть будет чиста. Надеюсь, он не заметит их и не сойдет с ума. Мы разделились. Они двинулись за «С», а я остался проклинать свою судьбу под венское пиво. Через пару кружек подошло время идти к доктору. Возможно «С» уже нет в живых. Пакета в этот раз со мной не было. Решено было отменить задание, чтобы не рисковать. Я поднялся к доктору напрямиком, не останавливаясь у явочной квартиры. «С» не встретил. На кушетку лег в отвратительном состоянии.

«Знаете доктор, я действительно больной человек. Я – злой человек. Непривлекательный я человек. Вы вряд ли захотите с таким общаться. Наверно это все из-за того, что у

меня печень болит. Впрочем, я ни шиша не смыслю в своей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я тут столько всего натворил. Сею вокруг зло направо и налево. Хотя, какой я злодей? Разве я со зла? Нет, все от трусости и слабости. Я не злой, я – жалкий. Вот ведь, ничем не сумел сделаться. ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Утешаю себя, что умный человек ничем и не может сделаться, только дураки могут. Посмотришь внимательней на какого-нибудь героя, борца с ... неважно с чем, а он смел и героичен от глупости своей, ограниченности. Слабое утешение. Знаете, я родился 25 октября. Никто из великих не родился в этот день. Никто. И ничего в истории не произошло. Никакой великой битвы, переворота. По-моему это знак. Я жалкий человек. Как так вышло? Когда я стал таким? В кого я такой? В родителя? Разве ж он трус? Говорят на медведя ходил. Папенька был заядлый охотник. Стены в доме увешены рогами. Сам не помню, но дома дагерротип на самом видном месте: родитель с товарищами по охоте, а перед ними гора трофеев – волки. Гимназистом все одноклассников водил, показывал фотографию. Маман говорила, что запретила отцу в доме вешать волчьи головы на стенах. Так что нет, родитель трусом не был. А представить, что я стал жалким трусом в мать, вообще не возможно! Она сама весь дом в страхе держит. Все по струнке ходят. Маман очень крута нравом. Однажды к мужикам выходила. Те с кольями и вилами к усадьбе собрались. Вся дворня попряталась, ме-

ня увели в подклеть, а она взяла с собой Грушу, дала ей икону и пошла разбираться. Мне Груша сама рассказывала. Я тогда маленький еще был. А где папенка были, не знаю. Конечно, гром грянет, молния сверкнет, маман тогда вздрогнет и перекрестится, но это все ее слабости. Так что нет, не в маман я – жалкий трус. Хотя, грозы в детстве боялся». Доктор вставил свои три копейки: «Наука еще не решила, что важнее, наследственность или воспитание. Что вы помните о своем детстве?»

Я не Толстой, свое рождение не помню. Вообще, детство в первом имении для меня как в золотом тумане. Какие-то вспышки в голове. Толи лучи солнца сквозь листву пробиваются, толи пламя свечей в хрустале играет. Вспомнил. Железная дорога у меня игрушечная была. Паровоз еще за диван уехал, мы с Грушей его оттуда доставали. Еще вспомнил, как делали из подушек и одеял пещеру. Купаться ходили на озеро. Тайком, потому что маман не разрешала. Там только коровы и деревенские купались. Да я и плавать не умел, меня Груша держала, пока я бултыхался. Сад помню, огромный был, ряды яблонь до горизонта уходили. Отец мне лук сделал, и мы по очереди стреляли по яблокам. Все были веселые, даже маман. Летом мы без спросу яблоки зеленые рвали, а осенью собирали зрелые, медовые. Они аж просвечивали, если их против солнца держать. Счастливое время было, а я ничего толком не помню. А как начались всякие беды, страдания, тут и память вдруг заработала. Потом случи-

лось изгнание из рая. Меня отправили в город, в подготовительный класс гимназии, Грушу услали в деревню. А на следующую весну у нас уже было другое имение. Дом был меньше и весь скрипел. Пытаешься куда-нибудь спрятаться от вечных окриков, а половицы, шкафы выдают тебя предательским скрипом. Началась учеба. Отец стал постоянно отлучаться из дома. Пропадал неделями. Появлялся, спрашивал про уроки и снова исчезал. Вместо него в доме появились дядьки. Один родной, другой двоюродный брат маман. Она их выписала откуда-то из провинции. Отец был городской щеголь, украшением дворянского собрания, а эти вечно слонялись по дому в своих сальных картузах, потных косоворотках и пыльных, старомодных кафтанах. Постоянно норовили дать мне или подзатыльник или какое-нибудь задание. Распорядок в доме был невыносимым. Утром молитвы, в обед молитвы, на ночь молитвы. В промежутке учителя, сонные как мухи. Малейшая провинность и тебя ставили на орехи, как какого-то крестьянского сына. Новая няня была старой каргой. С такой не поиграешь. Маман заставляла ее таскаться за мной в гимназию, вот позорище было! Я стеснялся ее страшно, пытался сбежать, грубил ей, но ничего поделать не мог – выходил после уроков, она тут как тут, стоит на крыльце, как нищенка на паперти. Из за этого в классе надо мной издевались все кому не лень. Старушка была набожная. Когда я первый раз сильно заболел, обвешала всю комнату образами, ладанку вот эту мне надела. Ирония. Я

этих ликов со свечками ночью боялся до чертиков. Вот тогда меня начали мучить кошмары. Бабка приходила, вытирала мне пот со лба и бормотала что-то про бесов». Тут доктор оживился: «Какие кошмары?» Но я его расстроил: «Не помню». Я и правда не помню. Помню зато, как в один из редких родительских приездов, я кинулся к нему за защитой, рассказал ему про мучения и днем, и ночью, а он назвал меня «мокрым местом», велел утереть сопли и снова исчез. Гимназию я ненавидел лютой ненавистью. И сейчас ненавижу. Вспоминать тошно. Не понимаю, зачем мне вообще это вспоминать. Из за постоянных болезней подружиться я ни с кем не успевал. Меня постоянно били и преследовали. Били, когда давал сдачи, били, когда не давал. Как-то спросил учителя закона божьего, почему Бог позволяет меня постоянно бить? Учитель сказал, что это за грехи. Потом он попробовал за меня заступиться. Вышло хуже. За это меня били всем классом и называли доносчиком. Мысли мои всегда были заняты предстоящими унижениями или фантазиями о мести. Поэтому, когда меня спрашивали урок, я ничего не мог ответить. Скоро учителя махнули на меня рукой. Однажды я подслушал, как математик флиртуя с «француженкой» назвал меня «золотым идиотом». Может, не меня, но мне показалось, что меня. В общем, не было мне покоя, ни дома, ни в гимназии. Единственно, когда меня никто не трогал, это во время болезней. Я валялся в постели и хотя меня мучал жар, был доволен. Мне ничего не надо было де-

лать, мной не понукали, на меня не кричали, не били. Даже маман была не так строга. Она приходила ко мне дважды в день, но не целовала, боялась инфекции. Единственный, кто в то время относился ко мне по-человечески, был доктор. Он говорил мне «вы», спрашивал меня о самочувствии, о том, как я провел день, что читал. Помню, как щекотно было от холодного стетоскопа, когда он слушал сиплое пение моего бронхита. В благодарность я безропотно пил из его рук всякие горькие микстуры.

Только я предался тихой грусти о противном, но все таки родном детстве, как доктор тут как тут. «А как у вас обстояло дело с противоположным полом?» Какой все-таки бестактный тип. Какие девушки в детстве, тем более в таком? Да никак не обстояло. Всю гимназию, я мечтал, чтобы одноклассники приняли меня в свою компанию. О дружбе я мечтал, а не о половой любви. Помню, щенка с улицы приволок. Плакал, в ногах у маман валялся, просил, чтоб оставили. Вымолил, разрешили. Но сказали, чтоб дальше прихожей он не появлялся. Я был на седьмом небе от счастья. Четыре дня был на седьмом небе, потом меня спустили на землю. С щенка что взять, прудонил он, где хотел. А пока я был в гимназии, еще и вечно скулил в сенях. Маман очень сердилась. Отец, его увидел, буркнул: «На тебя похож. Такое же мокрое место». Но однажды я его не успел выгулять, и он наложил кучу. Причем не в сенях, где у него была коробка с подстилкой. Он пробрался в залу и там сделал свое дело. Умный был

пес, не гадил, где жил. Прихожу домой, маман в гневе, дядьки ржут. «Все, – говорят, – твоя Му-Му на озеро отправилась». Я тут и грохнулся в обморок. Вот такие нравы у нас царили. Правда, потом оказалось, что его на цепь посадили в конюшне. Ну, не на цепь, на шнурок с бантиком. Прибегаю на конюшню, он там рвется, визжит, пытается веревку перегрызть. Так мне жалко его стало, а заодно и себя тоже. Оба мы, горемычные, на веревочке сидим привязанные. Хотя, эта метафора мне только сейчас в голову пришла. В гневе отвязываю щенка и в каком-то мрачном помутнении сам тащу его на озеро. «Так не доставайся ты никому!» – кричу и бросаю его в воду. А он выплыл и радостный ко мне, думал, я играю. Я его еще раз, еще... В конце концов, мой Му-Му обессилел и утоп. Вот такая история... Пауза затянулась. Я не выдержал, признался: «Наврал я про щенка. Извините. Никого я не топил. Даже если бы захотел, мне бы духу не хватило. Ходил к нему на конюшню, играл с ним. Сначала каждый день. Потом реже и реже. Потом он надоел мне. Вырос на цепи препротивной шавкой. Как и я...

Вспомнил. Была одна девочка в гимназии. Но это точно некрасивая история. Ох, какая некрасивая. Дразнили ее все «лошадью» или «Фи-Фи». Она была бедная, долговязая и косая. Видимо, мы сошлись, потому что оба были изгоями. Бедности своей она очень стеснялась. Долго не давала провозжать себя до самого дому. Расставались в центре города. Потом мы подружились, она стала доверять мне и привела к

себе домой. Она ютилась с матерью, в съемной комнате, в деревянной развалюхе на окраине города. В классе заметили, что мы дружим. Почуяли кровь. Знаете, доктор: дети, сбитые в стаю, жестоки. Начали дразнить нас женихом с невестой. Как-то раз компания мальчишек подкараулила меня у моего городского дома. Сначала просто тычки, пинки, обзывания, а потом заводила, как сейчас помню, Войнаровский, и говорит: «А что ты с этой уродкой дружишь? Давай с нами. Мы завтра идем сады в пригороде трясти. Присоединяйся». Я ушам своим не поверил. Меня берут в компанию! «Только ты нам покажи, где эта нищая лошадь живет. Где ее стойло. Мы к ней в гости наведемся». И все заржали. Я колебался. Войнаровский заметил. «Да ты что? Не хочешь с нами?» Это прозвучало угрожающе. «Тебя с нами никто не тронет». Вот тогда свершилось мое падение. Подлость, которую мне не забыть. Я согласился показать дорогу. Чашу предательства пришлось испить до конца. «Где ее окна?», – весело спросил Войнаровский. Я молча ткнул пальцем. После чего началось дружное ржание, улюлюканье, крики «Но». Начали кидать грязь в окно. Один из подхалимов Войнаровского сунул мне в руку камень. Я кинул его. В окне я увидел лицо Фи-Фи. Ох! Зачем я о себе гадости вспоминаю? Что ж я своими мерзостями тщеславлюсь? Или прощения жду от кого-нибудь? Дайте дух перевести. На следующий день я не мог в гимназию идти, боялся встретится с Фи-Фи. Боялся ей в глаза посмотреть. Сказался больным. Через неделю вернулся, а

ее уже не было. Ушла она из нашей гимназии. В классе за счет своей подлости поднялся я на ступеньку выше: раньше был изгоем, теперь стал прихвостнем Войнаровского. Ну, а в старших классах, когда статус начал определяться деньгами, Я и вовсе поднялся до его подручного. Мы оказались самыми богатыми в классе, да и в гимназии. Но то, что я трус и подлец, это сознание меня более не покидало. Странное дело: Войнаровский что бы ни натворил, никогда не чувствовал себя подлецом. А творил он ох как много чего. И деньги отнимал у младших, хотя самому деньги были не нужны, и оценки подделывал, и прочее. А я постоянно себя подлецом чувствовал, и без всякой на то причины. Все-таки сознание – это болезнь. Мешает сознание жить. Вот что я думаю.

Вместо хоть какой-то реплики сочувствия доктор сказал, что время сеанса закончилось, его ждут другие пациенты.

10

– Коба слишком груб! – голос Анны дребезжал на высоких нотах, – Это непростительно. Мы не можем привлекать к себе внимание местной полиции. Чудовищно! Мы могли провалить задание из-за какой-то ерунды! Авель, ты должен удерживать его от глупостей!

Подслушанного хватило, чтобы мое, слегка приподнятое за сеанс настроение опять рухнуло в бездну отчаяния. Я открыл дверь и, не удержав волнения, спросил: «Что он с ним сделал? Убил?!» Мне стало дурно. Из-за моего трусливого

вранья убили человека, чья вина была только в том, что он ходил вместе со мной к одному доктору! Авель отмахнулся от меня как от мухи: «Зачем сразу убил? Так помял немного. Ну ткнул пару раз. В ухо. Коба себя в руках держал. Попинал слегка. Картинки порвал. Картонкой размалеванной по голове глупой постучал. Так что почти не трогал совсем». «Какие картинки? Какие картонки?» – непонимающе переспросил я. Авель отхлебнул прямо из горлышка (боже, это моя последняя бутылка грюнера-вельтлинера!) и с явным удовольствием пустился в объяснения. «Мы с Кобой следили за тем человеком, что следил за тобой. Он в парк пошел, мы за ним. Он сел на скамейку и сидит. То газету читает, то по сторонам смотрит. Чтобы он нас не заметил, мы к художнику подошли, что картинками торгует. Стоим разглядываем акварельки всякие. Тут художник предлагает нам наши рожи срисовать. Мы отказываемся, еще чего не хватало, он потом наши портреты в полиции нарисует. А этот сопляк настаивает, говорит, что он скоро станет знаменит. Я раз сказал: «найн», два. Тот не понимает. Коба кулак показывает, мол «заткнись». Вдруг этот немощный, бледный немчик с челочкой как начнет орать, как начнет в припадке каком-то на нас кидаться. Руками машет, глаза выпучил. Мы опешили. Чего несет непонятно, только через слово «юде», «юде». Жидами нас ругал, видимо. Коба рассвирепел... немного... то есть огорчился, ну и помял этого умалишенного немного. Чтоб тот в себя пришел. Правда, из-за этого художника мы объект

слежки потеряли. Ничего, завтра еще раз проследим».

Я стоял и не знал, радоваться мне или паниковать. С одной стороны, пациент доктора жив, с другой, я приютил не просто революционера, а свирепого бандита, скорого на расправу. «Кстати, – Анна повернулась ко мне и со строгим озабоченным лицом спросила, – когда, сударь, вы достанете нам печатную машинку на русском?» Она явно пыталась переменить тему разговора. Чтобы позлить ее, я сделал вид, что не услышал, и продолжил расспрашивать Авеля: «А где Коба сейчас?» Я ждал любого ответа, только не этого: «В библиотеке». «Где? Где? Не понял». Абель наслаждался произведенным эффектом. «В биб – ли – о – те – ке! – произнес он по слогам. – Он должен написать статью по национальному вопросу в австрийской империи. Такое у него партийное задание от самого Старика». «Статью?! По национальному вопросу?!» – моему удивлению не было предела. «А откуда такое интеллигентское высокомерие? – накинулась на меня раздраженная Анна, – по вашему, пролетарий с окраины не может написать статью?!» «Почему не может, может, – оправдывался я, – но он же не знает немецкого». «Вот ты ему и поможешь с переводами!» Лицо моей примы было злое и неприятное. «Один австрийский товарищ сейчас помогает ему записаться в библиотеку Венского университета, неплохо бы тебе туда отправиться!» «Еще чего? – запротестовал я, – могут эти переводы подождать до завтра?!» Глаза Анны сузились. Я с вызовом сел в кресло. «А печатную машинку

ты тоже сидя в кресле достанешь?» – не унималась она. В ответ упрямое молчание – мой старинный детский прием, отточенный на домашних. Анна обиженно ушла в спальню и хлопнула дверью.

Вечером вернулся Коба. Небрежно бросил книжки на пол. Все молча сели за стол. «Как дела в библиотеке?» – нарушила тишину Анна. «Хорошо», – буркнул будущий специалист по национальному вопросу. «С переводами вам поможет вот он», – она ткнула в меня пальцем, даже не удосужившись назвать меня по имени. «С какой это стати?», – заупрямился я, но только мысленно. Тут Анна перешла к главной теме разговора: «Послушайте, Коба, пока мы не выполнили главное задание, не могли бы вы вести себя тише и не устраивать публичных эксцессов?» Она сделала паузу; было видно, что она старательно подбирает нужные слова. «Я понимаю, что у вас пылкий характер, вы остро реагируете на несправедливость, но если полиция заинтересуется вами, то мы провалим все дело. Вам понятно?» Коба перестал жевать и молча уставился на Анну. Его крысиные глазки налились злостью. Запахло скандалом. Я весь съежился. «Перестань командовать, женщина. Я сам знаю, что делать. Не первый год в партии. Твое дело... – тут он осекся, Авель повернулся к нему, бешено выпучил глаза и дикими гримасами начал показывать какие-то знаки. Тут взорвалась Анна. Медуза Горгона показалась бы перед ней тихой пайнкой, валькирии – хором девочек-припевочек. Ей в таком гневe Медею стоит играть

на сцене. « Не надо мне затыкать рот, вы не у себя в деревне! Я знаю свое дело! И я тоже не первый год за мужем, то есть в партии! И еще, я знаю, что такое партийная дисциплина! Мне партия дала задание, я делаю. И не даю своим эмоциям, – тут она шарахнула со всей силы бокалом по столу, так что в ее руке осталась только стеклянная розочка, – брать над вверх над разумом!» Я онемел от удивления. Такой Анны я еще не видел. Авель в восхищении произнес что-то на своем родном наречии. Ножка от бокала была медленно поставлена на стол. Коба помолчал, помолчал и, наконец, примирительно поднял руки вверх: «Товарищ Анна права, не надо давать волю своим эмоциям. Дело есть дело. Сейчас не место для наших разногласий. Потом все решим».

Ситуация успокоилась, и я решил, пользуясь случаем, затронуть болезненную для меня тему. «Это... я по поводу того... Ну человека, который за мной... Может, с ним не надо... э... жестко? – мне было противно слышать свой дрожащий голос. – Может, он того..., – я вдохнул поглубже и выпалил, – может, он и не следил за мной вовсе? Может, он шел туда же, куда и я?»

«Дарагой, мы без тебя разберемся с этим шпииком», – благодушно икая ответил Авель. Коба был строже: «Может, и не шпиик, а может, шпиик. Если есть шанс, что он может нас сдать, то нельзя проявлять мягкотелость. Нельзя разводить интеллигентские сопли. Партия прикажет, собственноручно его зарежешь». Мне стало дурно. Гвозди в мой гроб вбила

Анна: «Ты засветился. Ты провалил задание. Теперь требуешь не трогать вероятного врага! Ты, вообще, на чьей стороне? Ты с нами или против нас?» Еле живой я проблеял, что с ними.

11

«С» отпросился с сеанса пораньше. Пробурчал, что ему надо кое-что проверить. И хоть ни о каких преследователях он больше не говорил, я чувствовал его напряжение. «Т» пришел в подавленном настроении. Продолжил свое жизнеописание, как только лег на кушетку.

В романтический период основной проблемой стали отношения с девушками. Точнее их полное отсутствие. «Т» был патологически стеснительным. Он намекнул на историю с работницей родительской фабрики, которая закончилась очередным кошмаром – половой инфекцией и походом к врачу. После этого в отношении с женщинами он не вступал. Университет бросил. Следующие несколько лет были посвящены безделью и апатии. «Т» много рассказывал про родственника, с которым был очень близок в этот период. Он постоянно себя с ним сравнивал. Родственник этот был добродушный человек со средствами, но чрезвычайно ленив. Большую часть дня он проводил в своей квартире. У него было много идей, как начать новую жизнь. Он, то собирался написать книгу, то перестроить свое «имение» на современный лад и завести хозяйство, но мечты так и оставались

мечтами. Затем этот человек связался с женщиной из низшего сословия. Ее родственники обворовывали незадачливого жениха. Финал истории печален: он умер, оставив после себя долги и сына. «Т» ничем не смог помочь своему другу.

Семья пыталась вылечить «Т» от апатии и меланхолии, посылая его на различные курорты. Однако лечение минеральными водами ничего не дало. Наоборот, больничная атмосфера подействовала на него угнетающе. У него расстроился желудок. Его стали преследовать мысли о самоубийстве. Правда, в очень своеобразной форме. Он мечтал погибнуть на дуэли. Состояние его ухудшалось. Отношения с семьей испортились, особенно с матерью. В этот момент «Т» встретил женщину. Обыкновенная история. Это была молодая актриса столичного театра, которая оказалась в городе, где жил «Т», на гастролях. Он влюбился. Сначала в ее образ на сцене – в героиню с «мятежной душой», затем и в нее саму. Он называл ее «лучом солнца в королевстве тьмы». При чем тут же называл свою мать «самкой дикого кабана». (Уникальное замещение. Обычно у детей опасные животные символизируют фигуру отца). Анна была девушкой свободного нрава и прогрессивных взглядов. Она отклонила его предложение о браке, сказав, что этот устаревший институт убивает чувства. Характерно, что эротические чувства к Анне «Т» описывает через ассоциацию с детскими ощущениями: однажды ночью он испытал «сладость до судорог», прокравшись куда-то. Куда он прокрался и что видел, вытеснено в

бессознательное. Скорее всего, это сцена коитуса родителей. Надо будет над этим поработать. Под влиянием Анны «Т» заинтересовался положением рабочих на фамильной фабрике. Он пошел на открытый конфликт с семьей, настаивая на сокращении рабочего дня до 10 часов, устройстве вечерней школы и яслей. Награда не заставила себя долго ждать, Анна вступила с ним в половые отношения. Про это «Т» рассказывал сбивчиво и максимально иносказательно, что указывает на какие-то проблемы в постели. Однако общее психическое состояние того периода он описывает как близкое к эйфории. Он вырвался из под власти матери, его любила самая красивая женщина в мире. Вскоре из-за денег начались первые размолвки. К тому же на горизонте замаячил соперник. Поездка в Вену должна была все исправить. Но «Т» явно не светился надеждой и энтузиазмом.

12

По дороге к доктору решил все обдумать. Но думать по заказу не получалось. Мысли разбежались, как тараканы от свечки. А когда лег на кушетку, наоборот, как набежали...

Думал, в университете новую жизнь начну. Заведение столичное, там меня никто не знает. Поставлю себя правильно, буду независимым. Собирался в учебе себя проявить. Куда там. Статус мой с первого дня стал зависеть от того, сколько денег я даю на пьянки. Пару раз я возмущался, но не выдерживал и недели «общественного порицания». По-

сле этого я не высовывался, «не возникал», давал денег на все, что просили. Был всегда заодно с шумной толпой. Зато гимназический ужас стал забываться. Домой я старался не ездить, чтобы не бередить старые раны. Нечего вспомнить. Первая ассоциация, которая мне приходит на ум со словом университет? Да, ну, ерунда какая-то. Ну хорошо. Прыщик. Да, странная вещь. Вроде, юность, новые горизонты, а первым делом вспоминается прыщик носу. Ох, это была битва. Я его и лосьонами, и мазями. Бесполезно. Боялся на лекции ходить. Из дому не выходил. Смех, да и только. Это сейчас смешно, а тогда хоть плачь. Я ж говорю, мелкий я человек, мелкий и жалкий. И беды такие же: приятели мои разврату предавались направо и налево, романы заводили, по два, три параллельно, а я перед зеркалом торчал и дрожал. Только вы уж никому мои признания не передавайте. Убьюсь, если кто узнает. Ох, грехи молодости. Что ж исповедоваться, так исповедоваться. Был у меня один роман. Но совершенно в моем стиле. Жалкий какой-то. Вернулся я как-то домой на каникулы. Родной город мне показался каким-то пыльным, грязным, провинциальным. Имение – маленьким, кривым. Скука сплошная. Даже читать было скучно. Решил я от скуки, отнести часть книг в воскресную рабочую школу. Мода тогда такая была на народное просвещение. Преподаватель молодой, еще гимназист, встретил холодно. Едва ли не барчуком меня называл. Я инстинктивно под людей подстраиваюсь. Особенно, если они ко мне враждебно. Такой я человек.

В общем, я из кожи вон лез, показать, какой я прогрессивный, как мне близки чаянья народа. Он ехидно предложил мне сходить на собственные фабрики и еще ближе познакомиться с этими чаяниями. Ну, я и познакомился. На свою беду. В этот же день поехал на семейную ткацкую фабрику. Фабрика, как фабрика. Прядильщицы прядут, красильщицы красят. Одни над станками согнулись, другие котлы мешают, чаны толкают. Душно, конечно. Вонь. На меня поглядывают, чаны толкают. Душно, конечно. Вонь. На меня поглядывают. Одни работницы молчат, молодые хихикают. Смотрю, одна рядом с конторкой мастера полы моет. Руками. Платье подоткнула по самый пояс. Поза что ни на есть пикантная. Ноги хоть канкан в Париже танцевать. «Что хозяин, хороша девка?!» – гаркнул неожиданно появившийся мастер. «Могу, того, поспособствовать...» Я смутился. Мойщица поднялась, и не поправляя платья посмотрела на меня. Тут я и обмер. На меня смотрело изможденное, бледное, но еще молодое лицо. Лицо такое знакомое. До боли знакомое. «Груша!?!»

«Хошь, Груша, хошь, Глаша. Как вам, барин, будет угодно». И смотрит прямо, глаз не пряча, да и голых ног тоже. С вызовом. Я промямлил что-то вроде «бар давно нету» и вон с фабрики. А через неделю не выдержал, нашел того мастера, сунул ему пятаки, заикаясь, попросил обстричь свидание. Встречались мы в какой-то каморке на окраине города, за которую проклятый сводник содрал с меня огромные деньги. В первый раз я все испортил. Пока шел, все боялся,

что меня узнают на улице. Казалось, все знают, зачем я иду в ткацкую слободу. То ли со страху, то ли от трех кружек квасу, случился со мной неприятный конфуз. Еле до горшка добежал. А она ничего, не злорадствовала. Все гладила меня по голове, точь-в-точь, как Груша в детстве. Я к ней снова пристал: Груша она или нет? Она отшутилась. Разговорами все и ограничилось. А уж на следующий раз я для храбрости не квасу, а коньяку выпил. Попыхтел, повозился и с грехом пополам стал мужчиной. С неделю наслаждался новым своим положением. На радостях хотел жениться. Чулки шелковые подарил. Но потом мы повздорили крепко. Там обстоятельства появились... Ей деньги понадобились... А мне врач по этим самым... нехорошим болезням... Какие обстоятельства? Все-то вы знать хотите. Ох, прямо как на допросе. Ее в полицию забрали, обвинили в краже. Или в пособничестве. Уж не помню. Она просила сказать, что я с ней был в указанный вечер. А я ведь не был. Понимаете. К тому ж, это при всех сказать, что я с ней встречался. Одно дело фантазировать, как объявлю маменьке, что женюсь, другое – по-настоящему, в суде, на людях признаться. «Страх съедает душу», как сказал кто-то из великих немцев. Не знаете кто? Потом, она денег просила. Что я давал ей, все, оказывается, мастер забирал. Я дал, но мало. Фактически отказал, потому что опять же пришлось бы дома объясняться. К тому же мне и так деньги нужны были на врача. В общем, повел себя как трусливая скотина. Решил застрелиться. Но револьвера па-

пенькиного не нашел. Спрашивать побоялся. Еще подумал, что узнают после смерти чем я болел, позору не оберешься. Смешно, да. Так что я просто уехал в столицу.

Вы, доктор, тайну исповеди соблюдаете? Уж соблюдайте.

Доктор, попыхивая сигарой, уверил меня, что история болезни остается у него за семью печатями. Курит и курит. Хоть бы раз мне предложил. А то мы как будто, как не на равных. Хотя о каком равенстве тут говорить? Он теперь столько обо мне знает, вряд ли руку подаст после такой исповеди.

В университет я вернулся, чтобы его тут же бросить. Зачем мне все эти тома, набитые бессмысленными знаниями, если они мне в жизни не помогают? Воспользовался студенческой бучей по поводу уволенного профессора и бросил. Все бастовали идейно, а я безыдейно. С квартиры съехал, чтобы старые знакомые не донимали. Поселился в новой, поменьше и подальше. Лежал и ничего не делал. Не то что из квартиры, из халата не вылезал. Вел жизнь почти неодоушевленную. Часами потолок разглядывал. От людей удалился максимально. Никто мне был не нужен. Уподобился Обломову. Вот была единственная мне родственная душа. Прямо брат мой. По дивану и халату. Я даже хотел книгу про него написать, ну, или статью. «Герой нашего времени». Забросил на первом абзаце. Были между нами различия: его лень была добродушная, моя – угрюмая. Он мечтал, что однажды встанет и пойдет, я – что лягу и умру. Впрочем, он плохо кончил. Вот некоторые считали, что его лень – это своеобразная муд-

рость, отрицание житейской суеты. Я же по себе знал, что лень – это дистиллированная трусость. Слабость. Упустил он свое счастье. Смелости не хватило ухватиться за него. А потом на его вялую шею села одна особа и ее предприимчивые родственники... Обыкновенная история... В таких размышлениях о его судьбе я проводил время, о своей старался не думать. Впрочем, еду из ресторана заказывать не забывал. Пару недель пришлось поголодать. Под окнами шли уличные бои. Потом обеды снова стали поступать. Я бы продолжал так лежать до второго пришествия, занимаясь унылым самоедством и оплакиванием свой неудавшейся жизни, но тут нагрянула маман. Ни мой опухший вид, ни мой новый образ жизни ее не устроил. По ее мнению бросить университет можно только очень больному человеку. Поэтому меня отправили лечиться на воды. Хотя возможно, маман имела тайную мысль женить меня. Она как-то обмолвилась, что женитьба верное средство от хандры. А водные курорты – это же известная ярмарка невест. Пить теплую сероводородную гадость, пахнущую тухлыми яйцами, было невыносимо. Я заливал ее пивом, а то и кое-чем покрепче. От такой диеты у меня радикально испортился желудок. Врачи сначала удивлялись, потом, разобравшись, махнули на меня рукой. Вечно бегающий в поисках выпивки и туалета я стал посмешищем курорта. Дамы от меня шарахались, расквартированные офицеры оттачивали на мне свое остроумие. Отмокая в ванной с очередным минеральным рассолом, я грезил, как

вызываю на дуэль самого наглого из них. Мартынов был уже год как с фронта, но все равно еще не устал хвалиться, что зарубил своей шашкой семерых самураев. У источника всем говорил, что в его жилах течет кавказская кровь, поэтому таскал папаху и бурку, хотя было лето. Любая тема разговора переводилась им на собственную персону. Завидя меня, он сразу начинал ко мне цепляться: в каком полку служили, почему не призван, сколько в человеке воды, мыл ли я руки после туалета... К сожалению я видел, что стрелял он действительно отменно. Причем с обеих рук. В самом начале моего пребывания на водах меня еще брали на общие пикники. Там он демонстративно сшибал яблоки со ста шагов. Так что даже в самых своих смелых фантазиях я не пытался его пристрелить. Я вызывал его на дуэль и в последний момент стрелял вверх. Он, не стесняясь, убивал меня. После этого все убеждались в моей безрассудной храбрости. Я понимал всю глупость этих фантазий. Но ничего не мог с собой поделатъ. Пытка кончилась неожиданно – Мартынова арестовали. Он оказался самозванцем и дезертиром. Опять вру. Его просто в полк вызвали. Но мне всегда казалось, что его героизм какой-то напускной, фальшивый. Вслед за ним тут же уехал и я. Если бы я уехал раньше, это было бы бегством. С тех пор маман меня от себя не отпускала. Как бы я чего не натворил лишнего. Дневной и вечерний поцелуй в щечку теперь был не столько ритуалом материнской любви и сыновней преданности сколько проверкой на спиртное. Дяд-

ки, сами не прочь заложить за воротник, следили за мной. На воды мы ездили вместе, и только в Карлсбад. Провалив по мнению маман экзамен на самостоятельность, я лишился остатков свободы. Подай, принеси, сядь тут, сбегай туда, идем есть, идем гулять. Меня бесило, что приходилось влачить жизнь комнатной собачки, но из материнской воли я почему-то не выходил. Не знаю почему. Однажды я был должен сопровождать маман на спектакль. Приезжала модная столичная труппа. Маман отродясь в театре не была, но собирался весь городской бомонд, поэтому игнорировать мероприятие было стратегически опасно. Мало ли какие разговоры за спиной могут начаться. Спектакль ей не понравился с самого начала. То есть с вешалки. Прислуга первым делом подскочила за собольим манто купчихи Грицацовой, а не за шелковой летней накидкой маман. Маман считала Грицацову лавочницей и выскочкой, чье место точно не в партере. В буфете ей оскорбительно долго несли лимонад и шоколад, ну и т. д. То, что происходило на сцене, ее тоже не порадовало. Она почему то рассчитывала, что «Гроза» Островского должна быть про грозу 12 года, с красивыми офицерами, шикарными бальными платьями и финальным гимном Глинки «смерть за царя». Вместо этого на сцене копошились какие-то людишки в старомодных провинциальных нарядах. После первого акта мы покинули театр. Маман села в карету в сильном раздражении, я же в сильном возбуждении. Мысли подскакивали на кочках. «Боже, это же про ме-

ня! Тихон – это я!» «Как же я могу, маменька, вас послушаться?»; «я из вашей воли ни на шаг» – это мои слова каждое утро. Улизнуть, чтобы выпить – это мои мысли на обед. И разговоры о сердце матери, которое все чувствует, особенно предательство, – это на сон грядущий. Вот тебе и старомодная пьеса! Но, черт возьми, что я – Тихон дрожащий или что-то большее?! Я же не смирился. Я же страдаю от местных жестоких нравов и выбраться хочу. К тому ж я, хоть и загнан и забит, кажется, ... сдуру влюбился. Я ее не заметил сначала, а потом заметил. Стоит такая у края сцены в капоре дурачком. Вдруг: «Отчего люди не летают, как птицы?! Так бы разбежалась и полетела!» – и взмахнула руками. Прямо Ника Самофракийская, ни дать ни взять. Волнительная скульптура вышла на долю секунды. А затем: «Во мне что-то необыкновенное. Мечта в голову лезет какая-то...» – и на меня смотрит. Понимаете, на меня! Ни на кого-то там еще. В упор. Своими темными глазами. Я твердо решил сходить на спектакль еще раз.

«Грозу» повторяли через неделю. Я еле вырвался из дома. Сижу в зале, мучаюсь. Ну, не дурак ли я? Влюбился в женщину, с которой и поговорить-то не удастся. Она птица другого полета. Занавес. И снова этот взмах руками и снова этот взгляд! Да какой взгляд-то? Я на галерке сидел. Кто ж меня увидит? Зачем пришел я сюда? Чего жду? Не знаю. Вот Катерина стоит с ключом от калитки, мучается в длинном монологе последними сомнениями: «... вот погибель-то?! ... на

соблазн, на пагубу мою он мне дан... Что я себя обманываю? Перед кем притворяюсь! Мне хоть умереть, да увидеть его! Видно сама судьба так хочет! Будь, что будет!» – и через весь зал на меня своим пронзительным взглядом уставилась. Сердце мое раскипятилось на словах этих, нечем унять. Все-таки, какая у нее ангельская улыбка. Занавес.

Дома нагородил чушь, что буду писать для местной газеты статьи про театр, и под этим предлогом стал ходить на все Ее спектакли. Маман отнеслась к затее подозрительно, но, в конце концов, одобрила. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не пило. Пить я и, правда, бросил. Без пива был пьяный. Один раз все-таки выпил для храбрости, когда отправил Ей первый букет. Затем это вошло в привычку. Слал букет перед каждым спектаклем. Тут объявили благотворительное представление на нужды старых и отставных актеров, я сделал анонимный вклад. Затем последовало представление в пользу больницы для рабочих, я снова вложил. Деньги маман давала с трудом. Но я впервые поборол свое косноязычие и убедил ее, что эти траты хорошо скажутся на репутации семьи в городе. Роль анонимного вздыхателя мне сильно не нравилась. Я клял себя за трусость, но ничего не мог с собой поделаться. Ни решительно войти в гримерку, ни скромно представиться, ни даже надписать визитку в букет у меня не хватало духу. Все, что я мог, так это тратить деньги на благородные затеи ее театральной труппы. В жизни, в отличие от пьесы, никакой Вари, которая обстряпала первое свидан-

ние, не оказалось. На конец, труппа устроила прощальный банкет, я был в отчаянии. Солнце сияло, все возбужденные, бегали, чокались, выпивали, брали и давали автографы, а я стоял мрачнее тучи в углу и разглядывал потрескавшийся паркет под ногами. Вдруг, как сквозь вату, услышал, что меня кто-то зовет. Я поднял голову и увидел напротив себя ее смеющиеся глаза. Она что-то говорила, но я не слышал. Я смотрел на нее, как на чудо. Она взяла меня за руку и куда-то потащила.

На следующий день я впервые назвал ее по имени. Правда, я был не один такой. Вокруг Анны реял довольно большой рой поклонников. Но я был самым преданным, и, определенно, самым богатым паладином. По крайней мере последовать за ней в турне никто кроме меня не смог. Маман узнала мои планы и потребовала прекратить интрижку с актрисой. Я устроил скандал. Кричал, что Анна – луч света в темном царстве, а маман – Кабаниха. Сказал, что застрелюсь, если не получу деньги на поездку. В поезд я сел с полным кошельком. Анна оценила мой порыв – я стал ее фаворитом. В турне я снимал ей лучшие номера и заваливал сцену цветами. Когда театр вернулся в столицу, я таскался за Анной на все концерты и поэтические вечера. Помню, как-то она декламировала стихи модного декадента: «Отвезите меня в Гималаи, отвезите меня насовсем! А не то я завою, а не то я залаю! А не то я кого-нибудь съем!»

Когда я в эйфории воскликнул, что готов отвезти ее на

край света, она ответила, что пока согласна только на Европу.

Впрочем, деньги ее не интересовали. Она так и сказала: «Деньги я презираю. Вот если бы вы предложили мне выйти за вас замуж, я бы не пошла, потому что вы богаты. Между нами стоят ваши деньги. Деньги и брак – это мещанство». Я тогда сильно расстроился, потому что именно это и собирался ей предложить. Свое сердце и кошелек. «Личное счастье невозможно, – продолжала она, – пока вокруг торжествует темное царство». Оказалось, что она ненавидит темное царство не только на сцене, но и в жизни. Я в этом убедился, когда кочуя за ней по компаниям и кружкам, очутился на сходке социалистов. Анну встретили там как старую знакомую. Долго обсуждали новую статью Плеханова. Галдели и ругались так, что было слышно на улице. Я боялся, как бы соседи городского не вызвали. Дали слово Анне. Она произнесла пламенную речь о бесправии женщин. Получилось не хуже, чем на сцене. Через неделю я и сам участвовал в дебатах. Рассуждал о прогрессе и об отсталости. Хотя, конечно, основное мое участие сводилось к финансированию различных инициатив. Неожиданно, моя персона стала предметом серьезного спора между фракциями. Можно ли меня считать полноправным членом партии или я всего лишь сочувствующий. Сторонники строго устава требовали от члена партии реальной революционной деятельности, то есть фактически нелегальной. Они ссылались на постанов-

ление какого-то съезда и авторитет какого-то старика. Сто-
ронники широкого охвата считали членом партии всякого
разделяющего идеи. «Хорош социалист! – исходила желчью
партия строгих, тыкая в меня пальцем, – владелец заводов и
фабрик, где рабочие угнетаются 11 часов в сутки!» «Нельзя
закрывать двери перед желающими вступить в партию, – за-
щищалась партия мягких, – иначе партия превратится в за-
крытую секту, а не в массовую политическую силу». Прове-
ли голосование. Строгих оказалось большинство. Мне стало
обидно: люди ели мои пирожные, а своим меня все равно не
считали. Анна со скорбным лицом присоединилась к боль-
шинству. «Ты должен доказать свою верность партии, – тор-
жественно заявила она, и добавила чуть тише, – если хочешь
остаться... с... нами». «И как я должен доказать свою вер-
ность?» – спросил я, глядя прямо ей в глаза. Она молчала.
Тут из за ее плеча раздался голос: «Восьмичасовой рабочий
день».

«Восьмичасовой рабочий день!» – вырвалось у меня.
«Господь с вами, дорогие товарищи! Я не хозяин фабрик –
это раз! И любая фабрика разорится от такого короткого ра-
бочего дня – это два!» «Что я говорил?! – взвизгнул один
из строгих, – Вот и открылась его классовая сущность! Эк-
сплуататор в овечьей шкуре. Никакие личные предпочтения
не устоят перед классовыми интересами. Это марксизм. На-
ука». «А как же Фридрих Энгельс? – вступилась за меня
Анна, – У него тоже была фабрика. Или вы считаете, что

Энгельс не достоин быть членом нашей партии?!» «Товарищи, – продолжала она, – я ручаюсь за этого человека! Дайте ему шанс». Она была взволнована и прекрасна. Я залюбовался ею. Собственно, все залюбовались. После заседания, она взяла меня под руку. Впервые. Мы шли по улице, как муж и жена.

Не знаю, как описать свои чувства, доктор. С одной стороны, я ощущал тепло ее руки, от которого сам чуть не таял. С другой, меня охватывал страх перед тем, что меня ждет впереди. Как в детстве, когда крадешься ночью куда-нибудь... Ты умираешь со страху, но сгораешь от любопытства. Тебе жутко и сладко одновременно. Сладко до судорог...

На следующий день Анна посадила меня на поезд. На прощание она прошептала мне на ухо: «Я верю в тебя. И жду». «Хорошо», – еле пролепетал я. После этого она нежно поцеловала меня. В щеку. Улучшать положение рабочего класса на фамильной фабрике я отправился в состоянии запредельной паники. Посему в дороге беспробудно пил. Я рассчитывал поговорить с маман тет-а-тет, утром, как только приеду. По утрам она иногда была в хорошем расположении духа. Пока был в состоянии, готовил речь с аргументами. Хотел выглядеть холодным и рассудочным. В результате же попал домой в страшном похмелье и запачканном костюме. Маман смотрела на меня с нескрываемой брезгливостью. «Вечером у меня с вами, молодой человек, будет серьезный разговор», – сказала она и велела уложить меня спать. Я опять

все испортил. Вечером за столом, при всех: при дядьках, при маминых приживалках, при гостях и прислуге, – мне устроили нагоняй. О своем деле я даже не заикнулся. Два дня я лежал у себя в комнате, как пришибленный. Утром третьего дня на моем столе неизвестно как появилась записка. В ней два слова: «Мы ждем». Я ненавидел себя за свою слабость, социалистов за бредовые требования ко мне, но пуще всего свою семью и чертову фабрику. За что мне все это? И даже образ Анны не помогал мне взять себя в руки. Пора покончить со всем одним махом. Ночью я прокрался в отцовский кабинет, перерыл все его ящики, но опять не нашел револьвер. Горький смех пополам с рыданиями вырвался из моей груди. Какая нелепая попытка самоубийства! Какая жалкая, нелепая ситуация! Я схватил со стены старинный пистолет и театрально приставил к голове. Подошел к зеркалу и еще больше рассмеялся: «Паяц!» Вдруг из за двери раздался голос: «Что тут за шум?» Я обернулся, дверь раскрылась, в проеме появилась фигура маман. «Зачем у тебя пистолет? Что ты хочешь сделать?» Она стала бледной, как привидение. Далее произошла мелодраматическая сцена с рыданиями дуэтом. Мы проплакали до зари. В обед, когда все собрались, я заявил, что пора провести реформы на фабрике, построить новые корпуса в соответствии с правилами гигиены, ясли и, главное, установить девятичасовой рабочий день. Заикнуться о восьми часах у меня не хватило духу. Дядьки поперхнулись супом и начали возмущаться: «Что за блажь?

Что ты в деле понимаешь? Фабрика рухнет. Да твои рабочие сопьются, когда у них появится столько свободного времени». Маман остановила их одним жестом. «Мальчик интересуется семейным делом и болеет за него душой. Это похвально», – неожиданно для всех заявила она. Дядьки обомлели. «Матушка, как же так?! Что ты его слушаешь?!» «Тихо!» – впервые на моем веку повысила голос маман. «Я все решила. Если устроим. Конюшни рядом с суконным цехом пустуют, их и переделаем. Рабочий день будет..., – тут повисла пауза, – десять часов. И не возражай, мальчик мой. На сегодня, это все, что я могу сделать. А там посмотрим». Этим же вечером я отправил телеграмму: «10 часов». Через неделю на столичном вокзале Анна поцеловала меня прямо в губы. Прямо у поезда. Прямо у всех на виду! На собрании я рассказывал, как решительно поставил вопрос ребром, как долго горячо спорил, как, в конце концов, выдвинул ультиматум перед семьей: или короткий день или я продаю свою долю фабрики. Ехидное замечание от одного максималиста, что десять часов это не восемь, потонуло в гуле общего одобрения.

Да, кого я обманываю? Вам, доктор, все равно. Не было никакого поцелуя на перроне. Анна, вообще, не встречала меня на вокзале. Я приехал к ней на квартиру. Там никого. Потом в театр. Там ее все видели, но никто не знал, где она. Встретились только на собрании. Она оторвалась от какого-то обсуждения, с наигранным задором поприветство-

вала меня, назвала «благодетелем». Прозвучало иронично. Мою героическую историю никто не слушал. Все были взбодражены письмами какого-то старика. Только потом до меня дошло, что это кличка. Я долго не мог пригласить Анну в ресторан, так как вокруг постоянно вертелись люди. На конец, мне это удалось. Она согласилась. В ресторане она была рассеяна, я расстроен. Не на такой прием я рассчитывал. Как же «жду тебя»? Я настоял проводить ее. Она как-то с неохотой предложила войти, выпить чаю. Затем так же «без огня» предложила шампанского. Выпив пару бокалов, я решился пойти в наступление. Анна не сопротивлялась. Не было в ней никакой страсти. Ничего от Катерины, никаких тебе «ах, не жалею меня! Губи меня!» И раздевалась она как-то буднично, как в бане.

В общем, доктор, ничего интересного не произошло.

Но буквально через день гроза прошла. Анна снова стала приветлива и мила. Она получила главную роль. Причем, благодаря мне. И деньги тут ни при чем. Тоскуя в театральном буфете, я неожиданно встретил Войнаровского. Войнаровский, подлец, оказывается, вырос в модного писателя, властителя дум. Его пьесы ставили повсюду. Не читали? Мы выпили за старое. Подошла Анна, я их познакомил. Она долго восторгалась его опусами. Я, шутя, предложил взять Анну на главную роль. Войнаровский без шуток сказал, что обязательно похлопочет об этом. Так и вышло. Анна сияла и рассыпалась в благодарностях. Мы весело проводили время.

Правда, все чаще втроем.

Из-за нововведений доходы от фабрики упали, меньше денег стало поступать и ко мне. Это нарушило какие-то планы Анны. Начались первые размолвки. Семья вскоре взяла реванш: от меня потребовали участия в делах. «Раз ты такой умный, что вмешиваешься в работу фабрики, то будь добр взять на себя и часть забот». Из-за свалившихся дел на фабрике ездить в столицу получалось все реже. Я весь извелся от тоски и, честно говоря, от ревности. В конце концов, дебют на поприще семейного бизнеса обернулся фиаско. Я постоянно что-то путал, ссорился со своими дядьками. Они считали, что из за меня рабочие распустились. Инженеры надо мной высокомерно смеялись, мастеровые обворовывали и обсчитывали, рабочие филонили. Больница стала способом избежать работы. И никто не был мне благодарен за мои реформы. В конце концов, я придумал решение: уехать в Вену и взять с собой Анну. Маман я заявил, что еду изучать передовой иностранный опыт, а заодно и подлечиться. Анне отправил страстную телеграмму. И вот я здесь.

13

Повисла пауза. Моя история уперлась в то, о чем рассказывать нельзя. Легкая грусть охватила меня. Как там Анна декламировала: «стучатся опавшие годы, как листья...» Хороший поэт. Как бишь его? Что-то с кухней связано. Надо спросить. В тишине доктор пару раз чмокнул сигарой. Я пой-

мал себя на мысли: а ведь мне полегчало. Тут доктор вско-
чил и запричитал, что мы заболтались, что сейчас давно дол-
жен быть сеанс другого пациента. Я рассыпался в благодар-
ностях, всучил заранее подготовленный конверт с деньгами
и вышел из кабинета. В прихожей сидела молодая особа под
вуалью. Пока я старательно приспособливал шляпу на голо-
ве, особа усиленно смотрела в другую сторону. Заметив, что
я за ней наблюдаю в зеркало, она стала нервно отряхивать и
поправлять юбку, показывая белые шелковые чулки. Дверь
в кабинет открылась, и девушка поспешила к доктору.

14

Опустошенный исповедью я долго бродил по Вене. Вер-
нулся на квартиру вечером и не говоря ни слова лег спать.

Уснуть не мог. Ни на левом боку, ни на правом. Изматы-
вающая тревога охватила меня. «Перестань ворочаться!» –
прошипела Анна. Забавно: когда она увидела, что у нас об-
щая спальня, то не возражала. Я даже удивился. Теперь же,
когда мы спим в одной постели, между нами выросла пре-
града. «Спи, давай! Или тебе надо колыбельную спеть? –и,
вложив весь свой актерский талант в сарказм, пропела шепо-
том, – баю, баюшки, баю, не ложися на краю». Я отвернулся
и притворился спящим. Колыбельная продолжила звучать в
голове: «Придет серенький волчок и укусит за бочок!» Фраза
повторялась снова и снова, как юла, которую постоянно кто-

то раскручивает. «Придет серенький волчок и укусит за бочок!» «Придет серенький волчок и укусит за бочок!» «Придет серенький волчок и укусит за бочок!»

На следующий день я шел на сеанс к доктору весь разбитый, с красными от бессонницы глазами. По дороге заскочил на почту. На мое имя пришла телеграмма. «Спасибо поздравление именинами точка вот как любишь точка деньги выслала банк тот же точка надеюсь доктор хорош точка мама». Меня как обухом по голове стукнуло: «Черт! Я забыл про ее именины! Черт! Как я мог забыть! Вместо этого просто потребовал денег! Падонок!» Чувство вины добавилось к моему багажу неприятностей. Я и так еле тащил этот багаж, теперь и вовсе встал, как придавленная кляча.

15

«Т» пришел вовремя. Деньги на удивление вручил сразу. Выглядел плохо. Пах алкоголем. Просил средство от бессонницы. Жаловался, что всю ночь в его голове крутилась детская колыбельная, которая по иронии судьбы не давала ему спать. Странная колыбельная про волка, который ночью кусает тех, кто спит на краю кровати. Я предложил вспомнить, когда и от кого он слышал эту странную песенку раньше. Может, ему пела мать? Он отвечал, что мать вообще никогда ничего и никому не пела. Тогда я предположил, что это могла быть старая няня – обычный источник фольклора. Но «Т» отклонил и эту идею: старая няня пела над ним только мо-

литвы. Осталась только девушка Груша, которая смотрела за ним до пяти или шестилетнего возраста. Однако, как она пела, он не помнит. Зато он неожиданно припомнил, что ночные кошмары, которые мучили его позже, во втором имении, были как-то связаны с волками. Набожная старая няня призывала тогда святого Георгия – в народных суевериях защитника от этих хищников. Тут же всплыло, что «Т» давно хотел зайти в часовню Георгия, посмотреть на «склеп сердец». Возможно, расшифровка этого ребуса такая: навязчивая колыбельная – это тоска по нежной и, что важно, молодой няне. Кошмары с волками начались, когда она исчезла и была заменена на другую. Получается уравнение: колыбельная с волками – любимая няня, кошмары с волками – нелюбимая. То, что пациент вспомнил колыбельную сейчас, указывает на проснувшуюся тоску по этой нежности. Наверняка у него начались проблемы со своей спутницей. Сердечные проблемы. Недаром ему захотелось навестить мрачный «склеп сердец». То, что содержание кошмара с волками неясно – это типичная работа вытеснения.

«Т» сказал, что у него постоянно бывают провалы в памяти. Недавно он забыл поздравить мать с именинами. Это его сильно угнетает. Он плохой сын. Такая забывчивость понятна, если учесть напряженные отношения пациента с матерью. «Т» подтвердил, что это так, но до этого он про именины не забывал. Должно быть, что-то произошло, – предположил я. В качестве примера такой «ситуативной забывчиво-

сти» мне вспомнился пациент, который «забывал» о встрече с другом, у которого он занял денег. Пример попал в точку. «Т» аж привстал с кушетки. Да, он просил деньги у матери. Это каждый раз тяжело и неприятно. На ум пришла догадка, которой я не спешил делиться с пациентом. Возможно, его отец тоже брал деньги из того же источника. Вообще, фигуре отца было уделено очень мало места в жизнеописании пациента. «Т» перестает упоминать об отце начиная с гимназических лет. Просьба рассказать о родителе повергла его в ступор. Основательно помолчав, он выдал из себя, что отец был веселый, жизнерадостный тип, старинного дворянского рода. «Т» очень любил его. Но отец был болен, часто и по долгу лежал в больнице, куда к нему не пускали. Он умер, когда «Т» было 9 лет. Чем болел отец, «Т» затруднился ответить. Напоминание, что отец был страстным охотником, не сильно стимулировало память пациента. Утренние сборы, суэта огромного количества людей, лай собак будили его и пугали. Сцена изображенная на фотографии, где охотники стоят на фоне горы трофеев из дичи, тоже не оставила следа в сознании пациента. Я спросил про игры и семейные развлечения. Отец любил стрелять в саду. Пытался научить стрельбе из пистолета самого «Т», но запротестовала мать. Еще ему вспомнился какой-то сарай или сеновал, дождь, игрушечная красная лошадка. Но был ли там отец, «Т» не знает. Скорее в воспоминании присутствовала Груша. Тут «Т» встрепенулся, как ученик, вспомнивший забытую строчку из учебника.

В зале висела шкура волка. А раньше она лежала на полу в спальне. Мать настояла убрать ее, потому что «Т» постоянно норовил нацепить шкуру на себя. «Собирает всякую грязь с пола», – выговаривала она отцу. Шкура, пока ее не прибили к стене, часто использовалась в играх с отцом! Отец играл с ним в охотника и волка. Надевал на себя шкуру волка и бегал от маленького «Т», тот догонял его и убивал. Сами игры «Т» не помнит, но гораздо позже мать как-то со смехом рассказывала об этом гостям за столом. Я решил форсировать анализ и вывести пациента из состояния апатии. Вопрос «бил ли его когда-нибудь отец?» застал пациента врасплох. Через несколько секунд «Т» начал горячо отрицать это. Не обращая внимание на его возмущение я спросил, желал ли он когда-нибудь смерти своему отцу. «Т» оскорбился, назвал мой вопрос гнусным. Сказал, что любил отца до самозабвения. Постоянно фантазировал, как спасает его на охоте от диких зверей. Отцу грозит смертельная опасность, его вот-вот загрызут, но «Т» отвлекает их внимание на себя и погибает. Или отец все-таки гибнет, правда, от рук других охотников. Тогда «Т» мстит им всем. Знал бы он, что только что подтвердил мои предположения. Сколько раз мы проходили, что желание смерти близкому прикрывается «моральными» фантазиями про месть и спасение. Я предположил, что эти фантазии появились во время охлаждения отношений. Кстати, кроме желания смерти, они могли означать и прямо противоположное – фантомное желание вернуть расположение

родителя. Желания, как известно, не знают логики. «Так я еще и убийца», – с иронией откликнулся «Т». Я напомнил ему, что он сам рассказывал, как отец называл его «мокрым местом». «Отец это шутя», – оправдывался «Т». Затем у пациента вырвалась реплика в сторону: «Отец бы легко нашел выход из такой ситуации как у меня». «Что за ситуация?» – спросил я. Но «Т» опять ушел в глухую оборону: «Вам лучше не знать. Я не имею права перекладывать на вас свои проблемы».

16

Доктор вывел меня из себя! Я чуть не захлебнулся от гнева. Хотелось вырвать его вонючую сигару и воткнуть ее прямо ему в глаз! Повалить его на пол и прыгать у него на груди, пока поломанные ребра не будут торчать во все стороны! Я желал смерти своему отцу! Как вам такое! Тупой, злобный докторишко! Пытается откопать в людях гадости. Я боготворил отца. Отец не чета мне был. Он бы на моем месте и деньги раздобыл, и этих поделщиков Анны из дома выгнал, и, уж точно, не стал бы сдавать несчастного «С» на расправу.

Я вышел и, не удержавшись, хлопнул дверью. Девушка в холе вздрогнула и от испуга уронила зонтик. Это была та же странная особа, что встретилась мне после прошлого сеанса. Я наклонился, чтобы поднять зонтик, но она опередила меня. Присела за ним и, как бы невзначай, подобрала юбку. На этот раз на ней были черные чулки. Я пробормотал извине-

ния и вышел.

На улице я твердо решил объясниться со своими товарищами по квартире и партии. Рассказать им правду: за мной никто не следил. Я все выдумал, чтобы оправдать провал своего первого задания. Конское ржание, треск дерева, крики извозчиков отвлекли меня от раздумий. На углу столкнулись две пролетки и, кажется, из за меня. Извозчики пытались растащить лошадей, те в панике то рвались в разные стороны, то пытались укусить друг друга. Засвистели хлысты. Я постарался ускользнуть с места происшествия. Один пассажир крикнул мне что-то и повертел пальцем у виска. Извозчик повернулся ко мне и погрозил хлыстом. И тут меня настигло одно пренеприятнейшее воспоминание. Бил отец меня, было дело. Прав докторишко. Это случилось на конюшне. Меня не слушался жеребец «Туз», я взбесился и начал лупить его, что есть силы. Конюхи рассказали отцу и он высек меня собственноручно, причем, на людях. Я это долго помнил. Но это не считается. Я сам виноват. «Туз» был отцовским подарком, очень дорогим жеребцом с родословной.

Показался дом. Пришлось отогнать неприятные картины детства и сосредоточиться на неприятных предстоящих объяснениях. Ноги подкашивались, руки дрожали. Собрав остатки растерянной по дороге решимости, я нетвердо вошел в квартиру. Она была пуста. Разочарование охватило меня. Я понял, что второй попытки объясниться не будет. У меня просто не хватит духу. Возможно, «С» уже лежит

мертвый. Возможно, он, заметив слезку, окончательно сошел с ума. Я растерянно ходил по пустой квартире. Сделал раз круг, два. Посмотрел в окно. Зашел в ванну. Меня перердернуло от брезгливости. Вышел. Вещи товарищей валялись по квартире как попало. Скомканые листовки украшали стол, пол, но никак не мусорное ведро. Конспираторы чертовы. За диваном лежал холщевый мешок Авеля. Из него торчал «мой» пакет. Пакет, с которым я заявился на Бергассе, 19. Я отогнал мысль, что можно вскрыть пакет, пока никого нет. Но мысль вернулась снова. Еще раз отогнал, еще раз вернулась. Желание заглянуть внутрь становилось все сильнее. Нет. Это опасно. Я подходил к пакету все ближе. Могут заметить. Я сел на диван. Не трогай! Нельзя! Мешок Авеля оказался в моих руках. Что ты делаешь?! Тесемка развязалась удивительно легко. Беги отсюда! Я развернул пакет. Ты пропал! Ты погиб! В пакете была коробка. Все. Это конец. Я поднял крышку.

Внутри ничего не было.

Пусто? Пусто.

Бред какой-то. Я таскал пустую коробку? Меня осенила догадка. Несмотря на опасность быть застигнутым на месте преступления, я сбегал за свечкой и спичками. Горящей свечой водил под бумагой, ожидая, что на ней проявятся буквы. Конспираторы вечно писали послания молоком или лимонным соком. В паре мест бумага пожелтела, но буквы не появились. Я лихорадочно стал возвращать все, как было. По-

лучалось плохо. Послышались шаги. Руки затряслись, бечевка не хотела завязываться в узел. В коридоре раздался голос Анны: «Дорогой, ты дома?» Я замотал бечевку как мог, сунул сверток в мешок и бросил все за диван. «Да, я уже здесь. Только вошел». Голос предательски дал петуха.

– А что тут горело?

– Хотел, понимаешь, выкурить сигару, а сигары не оказалось.

– С каких это пор ты куришь?

– С тех пор, как ты меня разлюбила.

– Я похожа на ветреную девочку? Мои пристрастия так быстро не меняются. Ты разочаровал меня, но я тебя не разлюбила. Я еще люблю того молодого человека, способного на высокие порывы. Кстати, ты обещал меня сводить в рестораны.

Неожиданный переход. Я сказал, что весь к ее услугам.

– Чудесно. Войнаровский говорил про какое-то знаменитое кафе «Централь». Сходим?

Упоминание о Войнаровском укололо меня. Про кафе «Централь» он услышал от меня.

– У нас тут на Марианхильф есть кафе не хуже. В «Шперле» подают отличный кофе, а «эстерхази» там, вообще, лучшие в Вене. Тем более там нет такой толпы, как в «Централе».

– Люди – это то, что мне сейчас нужно. Хочу окунуться в беспечную светскую жизнь. Так что веди меня в самую гущу.

Решено. «Централь». В квартире надо проветрить.

Она явно настаивала, а я был не в том состоянии, чтобы сопротивляться.

Всю дорогу мой мозг был занят раздумьями о пустой коробке. Кому я ее носил? И, главное, зачем?

В «Централе» было не протолкнуться. Столики все заняты. Пришлось сунуть половому, эншульдиген, официанту, чтобы он устроил в самом углу столик, размером с табуретку. Мы еле поместились. Все-таки, женщины – удивительные существа. Еще вчера моя прима была мрачнее пьес Ибсена, а сейчас сияет и порхает, как Наташа Ростова на балу. Пока мы шли к своему столику, она вертелась во все стороны, ловя на себе восхищенные взгляды мужчин и ревнивые – женщин. Место на веранде ей не понравилось, там было слишком пыльно, слишком близко к тротуару. Пришлось порадовать официанта еще раз, и волшебным образом освободилось место внутри зала. Там было гораздо тише. Никакого смеха и громких веселых разговоров. Публика солидно ела, солидно курила и вела солидные разговоры. Нам отвели место почти у кухни, рядом с отгороженным купе. Там сидело двое: солидный седой то ли аристократ, то ли банкир и молодой порывистый еврей, впрочем, тоже прилично одетый. Говорил в основном молодой, седой лишь иногда одобритительно кивал. Я испугался, что Анне станет скучно, и она снова попросится на воздух. Но ее все устроило. Она жеманно заговорила на своем плохом французском, видимо, пы-

таясь вписаться в высшее общество. Борец за права трудящихся, она все-таки была не лишена тщеславия. Вскоре она углубилась в меню, нахмутив лобик и наклонив прелестную головку. Appetit проснулся у нее зверский, я, смеясь, заказывал для нее целую гору деликатесов. По случаю чудесного примирения с Анной, я взял айсвайн. Одна бутылка стоила как весь обед. Мне полегчало. В состоянии пьяного радушия я стал рассказывать про доктора, его идеи, но, видимо, слишком громко. Анна постоянно меня перебивала «дюкальм, дюкальм! Шют!». Ела медленно, рассеянно, постоянно замирая, как будто о чем-то думала. Неожиданно все кончилось. Анна вскочила из за стола. «Вот незадача, я забыла библиотечную книжку на почте! Надо срочно ее забрать!» – заговорила она на чистом русском. Я попытался остановить ее, но это было абсолютно невозможно. Тогда я собрался пойти с ней. «Нет, нет. Оставайся. Я скоро вернусь. Тут столько всего вкусного!» И исчезла. Я растерянно допил айсвайн. Что там говорил доктор Фрейд про забывание вещей? Книга или ее содержание связано с чем-то неприятным, поэтому Анна бессознательно хотела от нее избавиться. Или с кем-то неприятным! Я пофантазировал, как Анна дает пощечину Войнаровскому, выгоняет из нашей квартиры товарищей... Тут я вспомнил, что Авель выпил мою последнюю бутылку грюнера велтлинера. Я подозвал официанта и восстановил справедливость. Грюнер в «Централе» стоил недешево, зато бутылку принесли правильно охлажден-

ную. Прошел час. Я съел, все, что заказал себе. Анна не появлялась. Ее консьоме остывал. Пришлось с ним разобраться. Не выкидывать же деньги на ветер. Прошло еще полчаса. Наступила очередь жульена по-венски и тафельшпитца. Еще пятнадцать минут. Под грюнер хорошо пошла рыба по-дунайски и устрицы. Грюнер кончился, Анны не было. На столе оставались десерты: кайзершмарн и захерторт – для нее, эстерхази – для меня. Через полчаса все было кончено. Я поставил пустую чашку из под кофе на стол, выложил кроны и, качаясь, вышел из «Централя». В голове у меня созрел план, как разобраться со всеми вопросами и проблемами одним махом. Я двинулся в сторону Дуная. Дунай смоеет все проблемы. Где он тут? Я потерял ориентацию. «Почтеннейший, в казино «Дунай» пожалуйста», – махнул спине какого-то извозчика. «Если поставлю на красное и выиграю, отдам все Анне и ее товарищам, если поставлю на свое число и выиграю, то заберу все себе», – по-моему, я справедливо распорядился своим выигрышем. Осталось только выиграть. Но это ерунда. Бог же меня не оставит.

– Боже! Вот ты где! Я же просила дожидаться меня! О, в каком ты состоянии.

– Я думал, ты меня бросила.

Казино пришлось отменить.

За окном стемнело. Значит, я проспал два или три часа. Похмелье было легким, я называю такое философическим: голова не болит, а общее состояние какое-то отрешенное.

Кажется, что все проблемы не имеют ко мне никакого отношения. Я сам к себе не имею отношения. Но в туалет хотелось. За дверью раздавалось какое-то неразборчивое шептание. Шептались тихо, но эмоционально. Подслушать ничего не получалось. Я робко открыл дверь.

– А проснулся, кутила.

Авель смотрел весело и снисходительно. Анна строго и осуждающе, а Коба, Коба, вообще, не смотрел в мою сторону. Когда я вышел из туалета, разговор продолжился. «Мы взяли у тебя деньги. Половину. Не спорь», – Анна остановила мои возражения жестом и продолжила, – «Так будет лучше. А то ты пропьешь все. Ты обещал раздобыть печатную машинку с русским шрифтом, где она? Придется искать самим. Молчу про главную сумму. Видимо, у тебя кишка тонка, порвать со своим буржуйским классом и потребовать свою долю фабрики». Я прислонился к косяку и больше не пытался возражать и сопротивляться. Мое внимание было приковано к Кобе. Убил или не убил? Убитым голосом я спросил: «Что с человеком, который... того... за мной... э... следил?» Проклятый убийца молчал. Вместо него ответил Авель: «Коба его выследил. Мы знаем, где он живет. Но надо понять, с кем он связан. На это уйдет время». «Ты сможешь Кобе», – добавила Анна. Я даже не пытался сдержать ужас: «Это как?» «Тебе уже говорили, сможешь Кобе со статьей. Вот тебе Бауэр, – Анна бросила на стол брошюру, – переведешь все, что касается национального вопроса. Остальное

возьмешь в библиотеке. Впрочем, я пойду с тобой. Мне тоже надо закончить работу по женскому движению». Коба оживился: «Главное, надо показать, что стратегия Бунда ведет к расколу партии! Показать на примере австрийской социал-демократии всю пагубность национальных объединений. Чехи саботируют общие решения австрийской партии. Дошло до того, что у нас в Думе польские социал-демократы голосуют заодно с польскими буржуазными националистами! Это неприемлемо!» Я открыл рот от удивления, впервые видел этого мрачного, немногословного конспиратора таким возбужденным.

17

«Т» был задумчив и рассеян. Мой вопрос «вспомнил ли он что-нибудь новое о своих отношениях с отцом» был оставлен без ответа. Вместо этого «Т» попытался сменить тему. Он спросил, кто живет этажом ниже. Искусственность и нелепость вопроса только доказывает, что пациент изо всех сил хочет уклониться от обсуждения своих семейных дел. Я сказал, что это моя квартира. Там обычно живет сестра моей жены. После этого «Т» замер на кушетке. Через пару минут я повторил свой вопрос. Равнодушным тоном, видимо старательно отрепетированным, он рассказал про публичную экзекуцию на конюшне. Отец высек его за избиение лошади. «Т» оправдывал отца и удивлялся скорее не его реакции, а своей жестокости. И раньше инцидента и позже, ему всегда

было больно смотреть, как кучера стегают лошадей. Это доводило его до слез. В результате выяснения обстоятельств, «Т» вспомнил, что давно мечтал о коне. Считал, что это атрибут настоящего мужчины. Отец был отличным наездником. «Т» завидовал деревенским сверстникам, которые гоняли табуны в степь. Но вместо лихих скачек на него свалились хлопоты по уходу за дорогим подарком. Мать запрещала кататься без сопровождения, а отец заставлял убираться в конюшню. Однажды, когда стойло было только-только убрано, жеребец навалил кучу. Это и послужило поводом для вспышки ярости. Психоанализ знает множество примеров, когда лошадь играет роль заместителя отцовской фигуры или его обязательного атрибута. Ясно, что это была месть отцу. Его символическое избиение. То, что пациент и до и после инцидента не мог видеть, как бьют лошадей, только доказывает его амбивалентные чувства к родителю. Мой анализ пациент воспринял спокойно, без прошлого негодования, задумчиво переваривая сказанное. Я спросил, не было ли еще похожих вспышек ярости. «Т» долго не отвечал. Затем с кушетки послышалось какое-то бормотание. Я не понял, переспросил. Оказалось «Т» в детстве ненавидел жаб и лягушек. Одно время он убивал их без всякой жалости. Специально ходил на пруд, глушил палкой и смотрел, как они всплывают лапками в стороны и «срамным белым брюхом» кверху. «Т» так и сказал, «срамным белым брюхом». То есть ненависть шла об руку с любопытством. Воспоми-

нения у пациента сопровождалось рефлекторным сокращением мышц, учащенным дыханием, как будто он воспроизводил свои удары. Былая ненависть вернулась к нему. Еще одно воспоминание: деревенские дети забавлялись тем, что надували лягушек, вставляя соломинку прямо в клоакальное отверстие. Считалось, что если тронешь жабу, то ее бородавки перейдут к тебе. Он не мог без страха и отвращения слушать в детстве сказку про принцессу-лягушку, особенно эпизод, где герой целует лягушку и та превращается в девушку. Однако, он точно помнит, что слушал эту сказку не раз. И зимой и летом. Читала ее молодая няня Груша. Эротический подтекст заметен невооруженным глазом. Вероятно, что «срамное белое брюхо» лягушки и детские забавы указывают на подсмотренную сцену, когда женщина раздвигала ноги перед коитусом. Регулярное требование от няни почитать сказку было завуалированным предложением любви. Няне предназначался сказочный поцелуй. Няня и должна была оказаться перед ним «срамным брюхом кверху». Меня осенила одна догадка. Я спросил у «Т», помнит ли он, когда он охотился» на лягушек? «Т» сказал, что не помнит. Но тут же поправил себя: пруды определенно были во втором имении. Пазл складывается. Любовь к няне, подсмотренная сцена, сказка о принцессе-лягушке, любопытство к лягушачьей анатомии. Затем, исчезновение няни и, в качестве мести за то, что она бросила «Т» – избиение земноводных, как ее «заместителей». История повторится через мно-

го лет. «Т» опять предложит простолюдинке, похожей на няню Грушу, сделать ее «царицей» в обмен на поцелуй. Правда, у этой сказки конец оказался печальнее. Снова повисла пауза. Неожиданно «Т» спросил меня, кто я по убеждениям. Не являюсь ли я социал-демократом? Какая прихотливая игра ассоциаций привела его к такому вопросу? Возможно, до него дошли какие-то слухи. Адлер, насколько я знаю, близок к левым кругам. Хотя я настаиваю, на том, чтобы психоанализ стоял над политикой.

18

Ответ доктора меня поразил. Квартира мол его. И нижняя тоже. Он ее купил достаточно давно. Там часто живут его многочисленные родственники. То есть мое секретное задание было передать сверток доктору? Причем сверток с пустой коробкой! Не понимаю. Он тоже в партии? Или просто сочувствующий как я? Мысли путались. А тут еще доктор со своими неуместными вопросами про отца. Причем здесь отец? Я пересказал, что вспомнил про публичную порку в конюшне.

Получается, что? Что я принес сверток, но не отдал его! А ведь доктор делал мне намеки. Что же он прямо меня не спросил? Так я даже пароль не сказал! Какой же я идиот! Убить меня мало. Что? А, понятно.

«Туз» был потрясающий жеребец. Когда его подарили, я чуть с ума не сошел от счастья. Конь благородных кровей, с

длинною родословной, почти как у отца. Неудивительно, что отец меня чуть не убил из-за него. Как я мечтал ускорить на своем гнедом, куда глаза глядят! До головокружения мечтал. Или хотя бы с деревенской шпаной ходить в ночное. Вместо этого мне было разрешено ездить только по двору и только с конюхом. Позор-то какой.

Хотя с другой стороны, доктор так удивился моему появлению в первый раз. И, вообще, не ждал меня. Да какой он к черту конспиратор. Респектабельный буржуа. Самодовольный, уверенный в себе. С этой своей вечной сигарой. Отец тоже был спокойный, когда меня секли. Стоял, попыхивал. Правда, у него трубка была, а не сигара. Он сохранил хладнокровие, даже когда кровь у меня пошла, и я завизжал, как резаный. Когда маман прибежала вызволять меня, вся растрепанная, с покрасневшим лицом и начала кричать на него по-французски, называть его монстром, он только пыхнул трубкой, но не сказал ни слова. Велел привязать маман к коновязи и собственноручно выстегал ее. К стыду моему у меня, при виде этой сцены, такое волнение поднялось, что брюки испачкались. Не, это доктору знать не обязательно.

Может, спросить профессора напрямую? Наш он или не наш? А если он действительно не наш? Тогда я своих выдам. Но если он не наш, то возвращаемся к первому вопросу: зачем меня к нему посылали? С пустой коробкой!? Может, меня так проверяли? Дали бессмысленный сверток, отправили по первому попавшемуся адресу, а сами следили, выполняю

или не выполню задание? Вдруг, я в полицию побегу. Очень даже правдоподобная версия.

Профессор продолжал о чем-то разглагольствовать и мешал думать.

А что если меня просто хотели выпроводить из квартиры? Для чего? Да мало ли для чего! Бомбу делать. Курьера с деньгами принять. Какая бомба, какие деньги?! Кто там бомбу может сделать? Они с грехом пополам научились готовым мимеографом пользоваться. А деньги? Деньги они с меня вечно тянут. Тогда что? Что, что? Развлекалась моя прима с этими бандитами, вот что! Сильные, опасные, небось, в эксах участвовали. Как в таких не увлечься?! А я? Рохля, тюфяк, мешок денежный. Подай, принеси и «брысь», когда не нужен! Она же мне своими руками сверток отдавала! Инструкции читала. Желала удачи! Скользящая двуличная тварь! Жаба!

Кажется, я вслух проговорился. Надо следить за собой. Доктор что-то переспрашивает. «Кого я еще ненавидел?» Жаб я ненавидел! Иненавижу! Мерзкие твари. Так бы лупил их и лупил, пока кровь в разные стороны не брызнет! Я выложил доктору все, что вспомнил о лягушках. Господи, о чем он говорит? Разговор о какой-то ерунде. Причем здесь лягушки? Что за мелкотравчатые темы. Тут вопрос, доверять человеку или нет! Как так можно: нагло, в темную использовать человека! Я какой-то наивный Иванушка-дурачок. Я ведь ей руку и сердце... Тут я вспомнил, что в детстве обо-

жал сказку про Ивана-царевича и царевну-лягушку. Кинул ему эту историю, как кость собаке. Пусть грызет, раз нравится.

О, женщины! Имя вам вероломство. Конечно, они любовники. Вот почему она замуж не хотела! Вот почему она холодна со мной все это время, как лягушка. Все сходится. Я тут на кушетке лежу, а она... Она тоже лежит, только на нашей кровати. Раздвинула ноги... Водевиль какой-то получается. Все-таки не может быть. Я превращаюсь в бедного "С", у которого паранойя на счет жены. Анна не могла так со мной поступить. К тому же, она сознательный член партии. Дело для нее превыше всего. Возвращаемся к началу. Или меня проверяли, или доктор тоже в организации. Неведение и неопределенность ужасны. Это невозможно терпеть. Кто вы доктор? Я плюнул на конспирацию и прямо спросил своего визави, не социалист ли он. Доктор ответил, что нет, и выдал порцию пространных рассуждений. Он не верит, что можно устроить гармоничное общество без насилия и несправедливости. Желание и агрессия – это главные инстинкты человека. Культура может их ограничить, спрятать, но не искоренить. Природу не исправить, по крайней мере, так быстро. Отказ от насилия и несправедливости к одной группе людей вероятно приведет к безудержному насилию в отношении других. Даже сейчас тяжкие культурные запреты ведут к психологическим болезням. Если их увеличить, то плотину, ограждающую человека от его диких инстинктов может про-

рвать. Он еще что-то вещал, но остальное я пропустил мимо ушей. Мне и этого было достаточно. Он не наш. Значит, мое задание— это все-таки проверка или... Или трое моих товарищей что-то от меня скрывают.

Выйдя от доктора, я снова натолкнулся на странную девушку. Она зашнуровывала ботинок, поставив ногу на стул. На этот раз чулок вообще не было. «Мой отец хочет, что бы доктор научил меня вести себя прилично», — девушка поменяла ногу на стуле. Юбки полезли вверх, открыв белое круглое колено. Кокетка посмотрела на меня в отражение зеркала: «но скромность мне не идет. Как вам кажется?» Я стусевался, схватил шляпу и выскочил за дверь. За спиной раздавался смех.

Мы договорились встретиться с Анной в кафе за квартал от библиотеки. Я хотел что-нибудь заказать, но Анна сделала суровое лицо и сказала, что пора работать. Пришлось глотать библиотечную пыль натошак. Набрал по стопке нудной литературы, мы пошли искать место. Я выбрал стол у окна. Анне не понравилось. Видите ли, жизнь за окном будет ее отвлекать. Да, и я тоже. Она оставила меня и пошла искать место более уединенное. С трудом я заставил себя открыть Вандервельде. От первых же строк на меня повеяло такой скукой, что я невольно уставился в окно. Былая гимназическая тоска охватила меня. Я снова чахну над учебником, а за окном весело протекает свободная жизнь. Тут я удачно вспомнил, что не знаю, какого объема должна быть статья.

Надо найти Анну и спросить у нее. Я с явным облегчением отбросил книгу и двинулся на поиски. Ее нигде не было. Я обшарил самые тихие закоулки библиотеки, результата – ноль. Подозрения с каждой секундой увеличивались. Она специально бросила меня здесь и скрылась по своим делам! Я пошел в буфет заесть горе и подумать над своим положением. Анна сидела у окна, ела пирожное и листала журнал мод! Я даже не сразу узнал ее. Ни дать ни взять, светская кокетка. Взгляд сосредоточенный, серьезный, какой бывает только у девушек, когда они выбирают платье в магазине. Я готовился состричь на тему неубиваемой женственности, но шутка так и не слетела с моих уст. Фигура, сидевшая за соседним столиком, показалась мне знакомой. Тут до меня дошло, что Анна не просто сосредоточенна, она сосредоточенно слушает разговор соседей. Я вспомнил, где видел эту фигуру. Это был вчерашний молодой человек из ресторана, который сидел с нами рядом! Правда, теперь его собеседником был не солидный старец, а молодой кучерявый парень в поношенном костюме, с неопрятной бородкой. Я застыл, не зная что делать. Тут меня увидела Анна. На долю секунды она была в замешательстве, затем быстро вскочила мне на встречу и, весело щебеча на своем ломанном французском, потащила меня обратно в читальный зал. Ее хватка была железной. Когда мы вышли из буфета, щебет сменился на шипение. Веселая маска была снята, и на меня смотрела рассерженная кобра, готовая к смертельному броску. «Что вы здесь делае-

те? Вам было сказано, где сидеть и чем заниматься», – она говорила ледяным тоном, от которого можно превратиться в сосульку. Я понял, что сообщать о мотивах своего поступка было бессмысленно. «А вы? А вы что здесь делаете? Кто этот человек? Вы с него глаз не сводите. У вас тайное свидание?», – удивляясь своей смелости, спросил я.

«О чем вы? Какой еще человек? Здесь куча народу. Какое еще свидание? Мне что, кофе нельзя выпить?! Это у вас статья горит, а не у меня. И, вообще, что за подозрения между членами партии? Свидание! У вас, как ее, паранойя. Лечитесь. Сходите к доктору». Она пыталась казаться спокойной, но было видно, что мой вопрос смутил ее. Во мне самом пульсировала злоба, тянуло сказать ей какую-нибудь грубость вроде «не квакай!», но я не успел. «Все мне некогда! Отправляйтесь к своим студиям. Подумайте лучше, где вы достанете ... этот, как его... Вы еще обещали его достать... Что у меня с памятью?...» Моя прима явно забыла текст и все напутала. Мимеограф уже был в наличии, а вот машинки с кириллицей нет. Но ее такие мелочи не заботили и не остановили: «И нечего следить за мной. Оставьте эту низость охране». Легким движением руки она поправила прическу, вернула на лицо обворожительную улыбку и засемила обратно к своему пирожному. Все-таки потрясающая актриса.

Я вернулся на свое место, но ни читать, ни писать был не в состоянии. Я стал заниматься своим привычным делом –

клясть себя на чем свет стоит. «Зачем я в слух заявил о своих подозрениях? Я выглядел жалко. Тем более я сам не верю, что она мне изменяет. Просто мне не доверяют. Анна прибыла в Вену с каким-то заданием и это задание как-то связано с кучерявым господином. Со мной ее прибытие, увы, никак не связано. Мы чужие люди, она просто меня использовала». За окном сновали прохожие – тоже чужие люди, которых я не знаю, и которые не знают меня. В следующую секунду я понял, что ошибся. На улице замелькали знакомые фигуры. Первым был кучерявый господин из буфета. Когда он скрылся из виду, появилась Анна. Она явно шла по его следу. Я лихорадочно стал собирать книжки в надежде присоединиться к погоне. Библиотекарь, в отличие от меня никуда не торопился: он не спеша заполнил бланк о приёме, не спеша поставил их на полку и не спеша отдал мне мой билет. Я выскочил на улицу уже без всякой надежды. Ее шляпка и зонтик давно затерялись в толпе.

Вдруг за спиной раздался голос: «Господин Тараканов?» Я чуть не подскочил от испуга. Сердце рухнуло куда-то вниз к печени и там забилося в истерике. Охранка. Нашли. Я повернулся.

– Сергей Константинович?

– Да.

– Рад. Искренне рад нашему знакомству.

– С кем имею честь? – промямлил я.

– Чести вы давно не имеете. С тех пор как предали царя и отечество.

Лицо у незнакомца было злое, тон грубый, вид решительный. Перед такими я пасовал сразу.

– Что вы такое несете? Я никого не предавал.

– Полноте, милейший Сергей Константинович. Вы состоите в подпольной организации, имеющей целью свержение нашего самодержавного царя-батюшки, так сказать.

– Ни в какой организации я не состою, тем более, в подпольной. Одно время был членом яхтенного клуба, но и оттуда вышел. Разрешите откланяться, я спешу, – надерзил я скорее не от смелости, а от отчаяния.

– Не разрешаю, – отрубил незнакомец. – Тем более, куда вы спешите? Анны Григорьевны, как вы изволите знать, нет дома. Давайте лучше отобедаем.

– Не имею привычки обедать в компании незнакомцев, – я сопротивлялся по инерции, уже зная, что соглашусь.

– Евстратий Павлович, к вашим услугам. Пройдемте, дорогой Сергей Константинович. Пройдемте.

Мой новый знакомый взял меня под локоть. Я безвольно дал себя увести.

Аппетит у этого Евстратия Павловича был волчий. Ел он жадно, некрасиво и говорил с набитым ртом.

– Вот я из простых людей. Этикету вашего не знаю. Где вилок, где ложкой есть, не кумекаю. Отец половым служил.

Зато такие, как я – опора престола. А вы знатные и богатые, в ресторанах откушиваете, вы, как есть, предатели. Простые темные мещане во главе с Кузьмой Мининым Святую Русь спасли. А всякие там Шереметьевы, Голицыны к самозванцу переметнулись.

Я смотрел с отвращением на это животное, но от страху не мог ничего ему ответить. Есть я тоже не мог, кусок в горло не лез. Меж тем, сосиски исчезли в пасти филлера. Он принялся за кофе.

– Что за дрянь они тут пьют. Тем более в таких маленьких чашках. Разве ж можно напиться? То ли дело у нас чай из самовара. Напился, аж пот прошибает! Красота, благолепие!

Пил он так же отвратительно, как и ел. Громко прихлебывал, так что люди оборачивались. Чашку держал, оттопырив мизинец. Руки у выходца из народа были, в прочем, белые, холеные, как у купчих на картинках.

– Ну, рассказывайте, Сергей Константинович, как вы докатились до жизни такой? Что вы в Вене делаете?

– В Вене я отдыхаю. Занимаюсь самообразованием. Хожу в библиотеку, как вы сами знаете.

– А ну, перестать! – загавкала опора престола.– Перестать мне тут ваньку валять. Я с вами напрямую разговариваю, потому что все знаю.

– Раз вы все знаете...

– Ты, щенок, не в том положении, чтобы со мной в игры играть, – отбросил вежливость филлер. Хочешь, чтоб с то-

бой, как со Шмидтом, поступили? Удалили в камере. Без суда и следствия? Можно и так. Да я за сутки получу документы на твою выдачу, как опасного преступника.

У меня предательски задрожала коленка под столом.

– Какие у вас дела с этой актрисулькой?! Что вы затеяли?

– Ни...чего. Ни к..к...каких дел, – я начал заикаться.

Лицо Евстратия приблизилось ко мне. Вонь из его рта была невыносима.

– Дурак. Я тебе добра желаю. Она тебя же использует. Понимаешь, ты, дурья твоя голова! Использует.

– У нас с Анной чув...ства...

– Какие чувства?! Историю Морозова знаешь? У Морозова тоже были чувства и тоже с актрисой. Она из него деньги выкачивала. На нужды партии. Ну как есть сходство?! Его нашли мертвым в отеле. Писали, что застрелился. Вранье! Это ж его соратники кокнули! И тебя кокнут.

У меня все внутри рухнуло. Господи, как противно, что этот мерзавец повторяет мои же подозрения. Теперь дрожала не одна коленка, меня трясло всего.

– Я ничего не знаю. Мне ничего не говорят. И денег я... больших не выделяю.

– Вот и правильно, что не даете денег, – Евстратий снова стал вежливым. – Правильно. Вы же князь! Настоящий князь. Хоть только и по папеньке. Зачем вам яшкаться со всякой нечистью? Я вам, Сергей Константинович, помогу. Вы мне поможете, я вам.

Как? – вырвалось у меня.

– А я научу. Вам ничего не говорят? Это значит, не доверяют. Так это... – Евстратий сделал паузу, как в театре, – надо... чтобы доверяли. Сергей Константинович, надо чтобы вам доверяли. Надо сделать им что-то полезное, понимаете? Что вы можете им сделать полезное?

Я понимал, что если отвечу на вопрос, то стану предателем.

– Я обещал найти печатную машинку с русским шрифтом. Но не нашел, – сказал я тихо.

– Господи, ерунда-то какая. Это мы вам в миг организуем. Тут мне в голову пришла мысль сделать хоть одно доброе дело.

– Одного человека хотят убрать. Он ни в чем не виноват. Помогите ему.

Евстратий тут же встал в стойку, как гончая на охоте. Я рассказал историю про «С». Правда, по-своему. Без подробностей о моей жалкой роли в этом деле. Шпик задал несколько вопросов и быстро заторопился на выход. «Дела-с, Сергей Константинович. Дела-с. По поводу вашего знакомого не беспокойтесь, вмешаемся и разберемся», – уверил меня Евстратий покровительственным тоном, когда мы покинули пивную. Лицо его сияло как начищенный пятак. Так и представляю, как он радостно докладывает обо мне своему начальству.

– Встречаемся завтра в четыре пополудни в церкви Ми-

хаила-архангела, – Евстратий протянул мне руку для прощания.

– Почему там? – я пожал его руку с содроганием.

Евстратий ухмыльнулся, отвернул пиджак. На внутренней стороне мелькнул значок со святым Михаилом.

Боже, я пожал руку черносотенцу!

20

Паранойя у «С» эволюционировала неожиданным образом. Теперь у него есть не только преследователи, но и защитники. Настроение его явно поднялось, но доверие ко мне несколько ослабло. Он двигается в сторону вымышленного мира, в котором ему более комфортно. В отличие от него «Т» пришел в крайне тяжелом состоянии. Начал с призывов смерти на свою голову. Это напомнило мне его рассказ, о том, как он хотел покончить с собой, вызвав какого-то солдафона на дуэль. Видимо, его нарциссизм подвергся очередному удару. Всю ночь его мучили кошмары. Впервые, за долгие годы. Он идет по темному коридору, но почему-то среди свисающих корней. Пытается кого-то догнать, какую-то мелкую тварь. Идет на страшный звук. То ли рычание, то ли плач. Дверь распахивается, он оказывается на вонючей помойке, на скотобойне. На горе из гниющих трупов сидит медведь, рвет тушу свиньи или лошади. Медведь видит «Т», кланяется и зовет присоединиться к трапезе. Затем сажает «Т» себе на спину, в корзину с пирожками. Пирожки тух-

лые с буквами. Второй кошмар не так насыщен действием, но внушал пациенту просто панический ужас. Именно после него он проснулся в холодном поту. Он снова бежал по коридору. На него смотрели рогатые звери и какие-то чумные люди, с большими глазами. Он был в рубашке, но абсолютно голый снизу. Впереди снова слышит страшные звуки. Вдруг распаивается окно, он видит огромное дерево, а на ветках сидят огромные белые волки. Шесть или семь. Волки застыли и смотрят на него. Он пытается убежать, но ноги не двигаются.

Как обычно, я предложил начать с анализа впечатлений прошедшего дня, так они являются исходным материалом сновидения. «Т» взялся спорить, он же не встречал медведей в Вене ни вчера, ни когда либо, но тут же осекся. У него была неприятная встреча с человеком, который имеет косвенное отношение к медведям. Пользуясь этим открытием, как ключом, «Т» расшифровал свой первый кошмар. Образы были нанизаны на страх к этому человеку, как бусины на нить. Второй слой сновидений – это воспоминания детства. Скотобойню он увидел случайно в период второго имения. Было моровое поветрие, одного из дядьев неожиданно вызвали прямо с семейной прогулки. «Т» дал ему слово, что останется в коляске, но любопытство пересилило. Ужас от увиденного и учуянного навсегда остался в его памяти. К тому же непослушание было жестоко наказано. Образ опасного человека из дневного впечатления, у которого, как заметил

«Т», изо рта пахло как из помойки, был совмещен с образом злого дядьки из детского впечатления. Тут же пришло новое воспоминание, что этого родственника звали Михаил.

Если анализ первого сновидения не встречал сопротивления, то второй кошмар поставил пациента в тупик. Я выдвинул предположение, что это и есть тот детский кошмар, который так долго его мучил. На прошлом сеансе, мы выяснили, что кошмар начался после исчезновения любимой няни Груши. Она пела колыбельную про маленького волка, который должен придти и укусить непослушного мальчика. То есть сон напоминал об утерянном объекте любви. Откуда тогда непередаваемый ужас? Из всех воспоминаний понятно, что волк – это замещение фигуры отца. Отец – охотник с волчьими трофеями, любивший играть с сыном в волчьей шкуре. Отсюда ужас во сне – это страх перед всемогущим отцом, которого маленький «Т» любил и боялся. Это он мог придти и укусить за бок! Это он мог придти и наказать «Т». Но за что? Ответ находится на поверхности. Отец неспроста называл сына «мокрым местом». Он считал его не только плаксой! Отец так называл его за ночное недержание! Маленький «Т» боялся, что отец узнает о его очередном ночном конфузе. Я спросил «Т», не грозит ли ему новый знакомый раскрытием какого-либо секрета? Ошарашенный «Т» упавшим голосом ответил, что да. Вот! Дневная проблема всколыхнула в бессознательном старые страхи. Детский кошмар вернулся. Но возникает вопрос. Почему про ночное недержание дол-

жен узнать отец, а не мать? Тут состоялось еще одно открытие, которое произвела на пациента убийственное впечатление. Отец знал о ночных проблемах сына потому что был рядом. А в детской он был, потому что был ночью с няней. Маленький «Т» просыпался и заставлял их за коитусом. Более того, за коитусом а tergo, отец сверху и сзади, по-звериному. Отсюда образ сидячего волка в кошмаре. Абсурдное положение волка на дереве тоже находит свое объяснение. Имя няни «Груша» совпадает с названием садового дерева! Увиденное возбуждало ребенка. Он ревновал к отцу за украденный объект любви и ненавидел его. Одновременно он боялся, что его заметят. Плач и энурез давали ему повод прерывать их, возвращать няню к себе. Но одновременно рождался страх перед мстью всемогущего отца. Видимо, няню услали в деревню, когда заметили, что она в положении. Возможно, маленький «Т» понимал, что у него появятся маленький брат или сестра. Отсюда избиение мелких животных, как символическое убийство юных конкурентов. Это не только месь бросившей его няне. Опять-таки, возможно, я не настаиваю, вчерашняя дневная встреча снова угрожала потерей любимого объекта.

«Т» молчал.

Потом так же молча, вышел.

тел повеситься, но сейчас чувствовал, что этого мало. Меня должны разорвать на кусочки, сжечь, как злую, грязную книжку. Книжку, в которой, увы, каждое слово – правда.

– Я вижу, вы не зря лежали сегодня на кушетке, – ироничный тон принадлежал нескромной пациентке, которая ходила к доктору после меня.

– Вы узнали, как ненавидели своего отца? Или как любили свою мать?

– А вы?

– Я, оказывается, настолько любила отца, что получала эротическое удовольствие, когда он меня наказывал. Забавно, да?

– Забавно?

– Сначала мне тоже казалось, что это ужасно. Но есть одно средство, которое помогает справиться с ужасом. Хотите?

Я молчал.

Она задрала юбку, на этот раз даже выше обычного, подразнив меня белизной бедра, и достала из-под резинки чулка золотую пудреницу.

– Подойдите.

Я повиновался. В пудренице открылось второе дно, оттуда на стол высыпалось что-то белое, какой-то порошок.

– Делайте как я.

Девушка достала из кошелька купюру, свернула ее в трубочку, затем через эту трубочку вдохнула порошок.

– Вуа ля! Жизнь снова прекрасна! Попробуйте, не пожа-

леете. Только быстрее, доктор это средство теперь не приветствует.

Я вытащил из кармана деньги. Но они были мятые и мокрые от пота.

– Держите мою.

Я наклонился над столом. Мне показалось, что мелкие кристаллики переливались таинственной синевой.

– Теперь зажмите другую ноздрю и вдыхайте!

Я сделал вдох.

Ледяная поземка взвилась вверх к моему мозгу. Там поземка превратилась во вьюгу, вьюга в метель, метель в буран. Везде все стало бело, бело и подвижно: то горизонт казался необъятно-далеким, то сжатым на два шага... Снег становился белее и ярче, так что ломило глаза. Оранжевые, красноватые полосы выше и выше, ярче и ярче расходились по небу. Вдруг стало тихо и ясно. В моей голове воцарился сплошной восторг. Мороз и солнце, день чудесный ужель ты дремлешь, друг прелестный?

– Я буду звать вас Снегурочкой! – весело сказал я из своей нарядной зимы. Снегурочка улыбнулась и пообещала найти меня в кафе «Флер де лиз» на Себастьянплац через полтора часа.

Я летел по Вене на волнах вальса. Какой все-таки прекрасный город! Веселые, жизнерадостные люди гуляют среди живописных парков и дворцов. Вокруг меня сплошные улыбки, смех и дружелюбие... Через час мне хотелось взорвать

все это к чертям и себя в первую очередь. Меня захлестывали страх, злоба и отчаяние. Еще вчера, после встречи с агентом охраны меня мучила совесть. Я не мог смотреть в глаза своим товарищам, особенно Анне. Я молил, чтобы они не поделились со мной своими секретами, чтобы мне не пришлось их выдавать. Сейчас мне было все равно. Любая низость казалась мне по плечу. Я выпил вторую чашку кофе, когда услышал знакомый голос.

– Кончилось?

– Что кончилось?

– Кончилось действие препарата?

Снегурочка, не церемонясь, села за стол, достала, но уже не так эффектно как у доктора, свою золотую пудреницу.

– Просто обмакни палец и проведи по деснам. Сейчас полегчает.

Полегчало.

– Меня зовут Аврора. У доктора в заметках я прохожу под именем «Норма». Подсмотрела, когда он не видел. Может быть, обо мне статья выйдет.

– Сергей. Как меня доктор назвал, не знаю.

Поклон вышел у меня так себе.

– Я у доктора уже полгода. Он лечил меня от пристрастия к морфию и прочих мелочей. Я вылечилась сама, перешла на этот чудесный порошок. Называется кокаин. В аптеках идет еще как препарат Келлера.

Мне показалось, что я где-то слышал что-то подобное.

– Доктор ни о чем не догадывается. А если догадывается, то молчит. Скажу тебе по секрету, наш Фрейд сам сидел на кокаине! Даже написал несколько статей по этому поводу. Теперь он не принимает. Боится привыкания. Правильно боится. К тому же, ты сам познакомился с обратной стороной волшебного снега. Скажи, как ты хотел убить себя?

– Я хотел взорвать весь город.

– Потрясающе! Сергей, а вы человек с потенциалом. Я вот просто мечтала отравить всю семью. Но это не продуктивно. На кокаин нужны деньги, а деньги можно добыть только у отца. А вы как добываете деньги?

– У матери.

Признание вырвалось у меня легко и непринужденно.

– Титул?

– Князь.

– Ого. Я всего лишь баронесса.

– Я на половину князь.

– Я баронесса во втором поколении. Мой отец купил титул. У нас много общего.

– Не все. У тебя есть кокаин. У меня нет.

– Легко исправить. Держись меня, и все будет.

Я был не против подержаться за Аврору. Родственная душа с соблазнительными ногами и многообещающей улыбкой. Увы, она была не из моего мира. В моем мире меня ждал агент охраны.

– Мне надо идти. Дело срочное и неприятное. Увидимся

завтра?

– Нет. Завтра у доктора выходной. Он никого не принимает. А мне надо быть с моей отвратительной семейкой. Так что послезавтра.

Я встал. Немного помялся, но все-таки спросил.

– Дашь немного?

– Не. Самой не хватит. Потерпи.

– Застрелюсь.

– Не. Только взрыв со всем городом. Ты обещал.

Я снова шел по Вене. Легкомысленный город. Только что избежал полного уничтожения, и хоть бы хны, все так же беззаботен и купается в своей расслабленной суете.

В церкви архангела Михаила было тихо, но многолюдно. Почти все скамейки были заполнены. Богомольцы уткнулись в свои молитвенники. Не совсем удобное место для передачи большой секретной посылки. Малейший шепот и вся толпа повернется и будет гневно тебя рассматривать. А то и полицию вызовет. Только я задумался, где здесь искать агента Евстратия, как за спиной раздался шепот: «Ну-с, наконец-то. Следуйте за мной». Я повернулся. Грузное тело шпика с трудом вылезло из-за скамьи. На улице он шел не оглядываясь на меня. Через пару кварталов он нырнул в арку, вынырнул на Бейкер штрассе и вошел в неприметное фотоателье. Я за ним.

– А вы, сударь, молодец. Не потеряли меня из виду. Из вас вышел бы хороший филлер.

Настроение у Евстратия Павловича было приподнятое. «Веселый гад. Причем без всякого кокаина», – пронеслось у меня в голове.

– Как на счет моей просьбы? Вы охраняете человека, про которого я рассказал?

– Мы всех охраняем. На то мы и Охранное Отделение. Не беспокойтесь за своего знакомого. С ним ничего не случиться, если вы будете вести себя правильно.

– Где машинка? – мрачно буркнул я.

– Вот. Извольте. Почти как новая. Специально для вас даже смазали. Проверим?

Евстратий Павлович зарядил лист бумаги и постучал по клавишам.

– Видите этот «ять»? Он слегка выбивается из строки и черточка глубже, чем у остальных. Теперь, увидев в какой-нибудь вашей грязной прокламации такую «ять», мы поймем, на какой машинке и кем она набрана. Есть еще несколько таких знаков, но я уж вам их называть не буду. Зачем вам голову забивать.

Я наклонился над текстом и побелел, как лист бумаги, который был передо мной. На нем было написано: «Князь Тараканов есть агент охранного отделения.» Евстратий вытащил лист из машинки.

– А теперь подпишите это. Вот здесь собственноручно. Голос его из игривого превратился в угрожающий.

– Зачем, – спросил я еле дыша.

– А чтобы вы, сударь, двойной игры со мной не вели. И нашим и вашим. Проходили подобное с эсерами. Ну же!

Дрожащей рукой я подписал свое собственное разоблачение.

– Это еще не все. Извольте на стульчик. Вот сюда. Сделаем фото на память. Вы и страничка вашей автобиографии.

Падонок явно получал удовольствие от моего унижения.

Вспышка.

– Сергей Константинович, дорогой мой, выпрямитесь. Ну, держите спинку прямо. Сразу видно, не служили.

Вспышка.

– Все. Не смею вас задерживать. Машинку извольте в футляр положить. Все-таки вещь дорогая.

– А что я скажу, откуда достал машинку.

– А скажите правду. Из посольства. Ах, да. Забыл. Встречаемся послезавтра. На том же месте, в тот же час. Ауфидерзеен.

22

На квартире меня встретили не ласково.

– Где вы шлялись все это время? – подскочила ко мне Анна. Она внимательно смотрела мне в глаза, потом открыто принялась. Я ее разочаровал. Сегодня ни капли.

– Вы должны сидеть тут и писать статью!

– Не в библиотеке?

– В библиотеке вы были вчера. Этого достаточно.

Тут она соизволила заметить футляр.

– Что это?

– Печатная машинка. Ремингтон. Я же обещал достать.

Держите.

Я поставил трофей на стол.

– Правда, у нее «ячь» западает, – сказал я удовлетворенно.

Недаром я полчаса возился с этой «ятью» в подворотне, пытаюсь ее сломать.

Подошли Коба и Авель. У Авеля один глаз был налит кровью, разбита скула и бровь.

– Что это? – изобразил я удивление. Авель в ответ что-то промычал.

За него ответила Анна:

– То ли у твоего преследователя появились защитники, то ли Кобу с Авелем просто пытались ограбить. Коба успел скрыться, а вот Авель...

– Я нэ скрылся, я просто отошел. Мэня побоялись тронуть, понятно, – обиженно заявил Коба. Авель попытался ухмыльнуться, но тут же застонал.

– Откуда машинка? – сменила болезненную тему Анна.

– Из посольства.

– Ты – идиот?

– Нет. Я – писатель со сломанной рукой. Перо в руке не держится. Лево́й писать не умею. Нужна машинка.

– Тебя запомнили.

– Какая разница. Когда статья выйдет в печать, пройдет

уйма времени, будет уже все равно.

– Все равно – это точно, – подвел итог Коба.

Его тон мне не понравился.

Ночью в постели Анна повернулась ко мне.

– А ты, оказывается, еще на что-то способен. Не ожидала.

Проявил инициативу, смекалку. Ты не потерян для революции.

Мне было стыдно ее слушать. Как молотком стучал в ушах упрек. Знала бы она, кто проявил инициативу и смекалку...

– Я думала, что твои порывы – пустые слова и жесты.

Блажь богатея пока есть деньги. А ты... Ты – молодец.

На этих словах она поцеловала меня. Что должен был чувствовать человек, когда его целует красивая девушка? Я чувствовал стыд и позор. Хотелось провалиться сквозь землю. Анна прильнула ко мне. Поцеловала в шею. Но вместо возбуждения я испытал полный упадок сил. Откуда взяться страсти у ничтожества? Как жалок тот, в ком совесть нечиста. Казалось, рядом на кровати присел ухмыляющийся Евстратий. Я был подавлен. Анна удвоила старания. Ее горячий шепот обдал меня как кипятком.

– Ты мой красный князь. Ты будешь знаменем революции.

Будешь в ее первых рядах. Не забывай этого высокого назначения.

Н этих словах мне окончательно стало дурно. Тошнило, кружилась голова.

Возбуждение охватило саму Анну. Она заволновалась.

– Пора, пора. Не медли боле.

Мне показалось, что играется какая-то страшная пьеса. Хотелось встать и уйти. И рад бежать, да некуда... Ужасно. Анна не замечала моего конфуза.

– Остался последний шаг. Тебе надо порвать со своей семьей. Со своим классом. Потребовать свою долю из предприятия. Ты отдашь деньги в партийную кассу и станешь свободным.

Тут моя жаркая прима почувствовала неладное. В тишине были слышны голоса товарищей. Обливаясь потом и стыдом, я проблеял извинения. Анна оглянулась на дверь.

– Тебя смущают эти двое? В театре за кулисами ты не был таким стеснительным. Ладно, завтрашний вечер проведем без них.

Я очень надеялся, что не доживу до следующего вечера. Вот бы уснуть и не проснуться.

Однако проснуться пришлось. Меня снова мучил кошмар. Я вынырнул из сна, спасаясь от страшных волчьих глаз. Было позднее утро. Компания уже завтракала.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела! – весело приветствовала меня Анна.

Авель хихикнул и скорчился от боли.

Я содрогнулся: «Дела?». Теперь я мечтал тихо сидеть дома и писать статью о национальном вопросе. Писать месяц, два, год. Докладывать подлому Евстратию Павловичу, что ничего не знаю.

– Да, дела. Вас смущал человек, за которым я следила? Сегодня вы с ним познакомитесь. Это Троцкий. Член партии, но меньшевик.

– Он хуже меньшевика, он – ликвидаторовец. Иуда, – прорычал Коба.

– Официально нет. Троцкий не выступал за роспуск нелегальной организации. Но он сотрудничает с этими предателями. Он со всеми сотрудничает, с кем это выгодно.

Троцкий выпускает здесь газету «Правда». Большой тираж. Газета целиком до последней буквы стоит на меньшевистской, предательской платформе, но выпускается как орган всей партии. Наш «Старик» в ответ тоже стал выпускать газету под таким же названием, но с нашей, правильной точкой зрения. Троцкий возмущался. Проблема в том, что наши возможности не идут ни в какое сравнение с возможностями меньшевиков. Пока. Твоя задача – убедить Троцкого сделать газету рупором всей партии. Чтобы в его «Правде» звучали обе точки зрения. Но еще лучше, если «Правда» будет одна. Большевистская.

Я поперхнулся кофеем.

– Почему я?

– А почему не ты? Ты считал, что тебе не доверяют. Теперь мы тебе доверяем. Доверяем серьезное дело.

– Как я это сделаю? Он меня спустит с лестницы.

– Я не знаю как, но ты должен это сделать, – с металлом в голосе ответила Анна.

– Неплохо было бы узнать, где он берет деньги на газету, – добавил Коба.

– Товарищи, – я аж привстал от волнения, – дорогие мои, я не справлюсь. Я этим никогда не занимался. Я не умею.

– Все когда-то бывает в первый раз, – философски заметил Абель, держась за разбитую скулу.

– Перестань распускать нюни. Сказано «надо», значит «надо». Это приказ центра. И личная просьба «Старика». Ты будешь вести переговоры. Вот адрес Троцкого. Идешь сегодня же.

– А если он откажется отдавать газету?

– Тогда ты назначаешь новый раунд переговоров. Говоришь, что появились новые условия, новые предложения. Мы тебе скажем какие.

Теперь мне точно есть, что доносить охранке.

На улице я дважды чуть не попал под лошадь и один раз под трамвай, но злая судьба уберегла меня. Моя последняя надежда – вдруг Троцкого не будет дома. Надежда не сбылась – дверь открыли. Передо мной стоял вихрастый мальчик. Он проводил меня в гостиную. Я огляделся. Комната была просторная, с роялем. За окном виднелись горы.

– Хорошая квартира, – заметив мой интерес, заговорил Троцкий по-немецки.

– У меня к вам дело, – мрачно и по-русски ответил я.

Троцкий поморщился и крикнул вдогонку убегающему мальчику: «Я же просил, не открывать дверь всем кому по-

пало!» Затем он повернулся ко мне. Вид его был уже не такой благодушный.

– Слушаю.

– Я по поводу «Правды».

– Всем нужна правда.

– Пока получается, что правда у каждого своя. А правда должна быть всегда одна. На то она и правда.

Я кратко изложил требования.

– Какая наглость.

Троцкий зашагал по комнате.

Нет, все-таки, какая наглость! У меня украли название газеты, а теперь требуют и саму газету! Разбой! Я не сдам ее без боя. Редакция на моей стороне. И эти люди называют меня предателем! Бандиты и сектанты, не способные на компромисс.

Я сказал, что компромисс возможен. Можно обсудить условия. Мне надо провести консультацию с товарищами, после этого мы можем встретиться еще раз. Например, завтра.

– Хорошо. Давайте в полдень, в «Централе», – предложил примирительно Троцкий.

– Извините, в полдень не могу. У меня прием у врача.

– Да? У какого? – Видимо из вежливости спросил мой визави.

Говорить, что я хожу к психотерапевту не хотелось. Поэтому я просто назвал фамилию.

– У доктора Фрейда.

– У Фрейда! Вот это да. Как тесен мир.

– Вы тоже у него лечитесь?

– Нет. Но я тесно общаюсь с его сторонниками. Хотя какие они теперь сторонники. Теперь Адлер и Фрейд противники. В психоанализе тоже есть фракционная борьба. Представляете, у них даже журналы у каждого направления свои! Все как у нас. А вы, значит, верите в теорию сексуальности.

– Пока не решил...

– Мне ближе теория Адлера о комплексе неполноценности и его компенсации. Человек рождается жалким и неполноценным. Его мучает страх перед силой и могуществом отца. Вся жизнь он пытается преодолеть это детское состояние неполноценности. Преодолеть можно разными способами. Например, в коллективе себе подобных. Коллектив единомышленников дает индивиду силу. Силу множества. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Некоторым этого мало. Тогда они ищут власти. Власть дает то могущество, о котором мечталось в детстве. Власть и сила вот – компенсация комплекса неполноценности. А Фрейд? Фрейд, по сути, говорит, что самое главное – это любовь. Сейчас даже женщины в это не верят. Я верю во власть и силу!

Глаза у правдолюбца горели. Я понял, на что он может променять свою газету. «Я хочу, только чтобы меня любили», – пронеслась у меня в голове странная корявая фраза. Откуда этот сентиментализм?

– Может, тогда в два часа? – спросил я.

– Боюсь, в два часа буду занят уже я. У меня... встреча.

– В три?

– В три. Хорошо. Договорились.

Троцкий встал, пожал мне руку и на прощание добавил:

– С вами интересно общаться. Вы нерядовой человек. Переходите на мою сторону. Мне нужны умные люди. Скоро я размажу этих сектантов. Подумайте над моим предложением. Не окажитесь среди проигравших.

Он пождал мой реакции. Я молчал. Тогда он добавил:

– Я дам вам денег. Мне будет нужно знать, что они замышляют.

Ошарашенный этой откровенной наглостью я молча вышел.

На улице мне показалось, что я видел издали Авеля.

По дороге домой зашел в казино. Ну, как по дороге, пришлось сделать крюк через весь город. А прежде чем зайти в казино, пришлось зайти в банк. Когда я оттуда вышел, мой долг банку вырос еще на несколько сотен крон. Сел за рулетку, поставил на красное. Красное проиграло. Правильно, я же теперь служу черносотенцу, а не красному делу. Поставил на черное. Тоже проиграл. Далее отдал дань Пушкину: проиграл на тройке, семерке и одиннадцати вместо туза. В заключение банально поставил на чертову дюжину без всякой надежды. Правильно, нечего было надеяться. Проиграл. Кронопускание получилось основательным. По тради-

ции, после проигрыша решил выпить. Но тут я вспомнил, что попробовал новое средство для поднятия духа. Я побежал в ближайшую аптеку. Ближайшая аптека оказалась далеко. Когда я ее нашел, там не нашелся кокаин. Я в другую – тоже самое. В третью – безрезультатно. Тут я вспомнил, что в аптеках надо спрашивать «препарат Келлера», а не кокаин. Спросил. Все равно нет. Двинулся вспять во вторую аптеку. Препарат кончился. Вернулся к первой. Провизор спросил, доктор ли я. Надо было отвечать быстро и уверенно. Ни то, ни то у меня не получилось. В итоге я ушел с пустыми руками. Я сунулся еще в пару аптек, но в одной препарата не было, в другой спросили лицензию врача. Провал.

Я сказал, что сделал крюк по пути домой. Но это был не крюк, а замысловатые петли. Кружева.

Дома меня ждал допрос с пристрастием.

– Как все прошло?

– Все прошло плохо. Он назвал вас бандитами и сектантами.

– Согласился на новую встречу?

– Согласился.

– Когда?

– Завтра.

– Послушай, почему я должна все клещами из тебя вытаскивать!?! – вспыхнула Анна.

– Понадобится, вытащим. Именно клещами, – деловито добавил Коба.

– Завтра, в три.

– Точно в три?

– Да, точно в три. В два он не может. У него встреча какая-то.

Коба с Анной переглянулись.

– И еще... – я сделал театральную паузу, которая никогда не заинтриговала, – мне кажется, он готов к торгу. Он не такой принципиальный, как рисуется. Его больше всего интересует власть. Если ему предложить пост какой-нибудь в ЦКа, он может клюнуть.

– Да, это понятно, – отмахнулась Анна, – значит, говоришь, в два он занят. Хорошо.

Тут дверь распахнулась, и вошел запыхавшийся Авель.

– А ты уже здесь, – бросил он мне.

Его почему-то не спрашивали, где он шляется.

После ужина Анна что-то прошептала Кобе. Тот молча встал, взял Авеля за шкурку и направился к выходу.

– Сходят проведать твоего «друга».

Я даже не стал спрашивать какого из моих друзей: Троцкого или несчастного пациента «С». Было понятно, что это только предлог остаться наедине. Когда дверь хлопнула, Анна распустила волосы. «Забавно, – подумал я, – свершилось то, о чем я мечтал: мы вдвоем, одни, но... »

– У нас кончилось вино. Я быстро сбегаю в магазин. Ты пока прими ванну... Ладно? – протараторил я и, не глядя на Анну, побежал на выход.

Когда я через час с двумя бутылками в руках и одной в желудке вернулся домой, Анна спала сном праведницы. Я разделся и залез под одеяло. Она подняла сонную голову и выдала реплику, которой нет ни в одной пьесе:

– Ну, и х... с тобой.

23

«Т» сразу начал говорить, как только лег на кушетку. Он желает смерти своей избраннице. Он любил ее, он до сих пор ее уважает, он не искупит свою вину перед ней всю оставшуюся жизнь. Но все равно мечтает, чтобы она умерла. Я спросил, мечтает ли он ее убить? «Т» сказал, что просто хочет, чтобы она исчезла. (Типичная детская позиция). Но затем он признался, что у него было желание избить ее. Убить он хотел бы других трех человек.

У меня была статья на тему агрессии к объекту любви. Скорее всего, ребенок интерпретирует подсмотренную сцену родительского секса, как борьбу, драку. То есть то, что ему знакомо. Борьба связывается с чувством удовольствия от увиденного. Это приводит к садистским представлениям о любви. Но в последнее время, я все чаще думаю, что амбивалентность чувств к объекту любви имеет более общую, глубокую причину. Либи́до действует импульсивно. Влюбленный совершает сверхусилия для достижения объекта. В обычном состоянии он на это не способен. Появляется сверхнапряжение. Психическая система желает вернуть-

ся к равновесию, но высокая оценка объекта не дает это сделать. Объект должен исчезнуть. Кажется, «Т» пропустил мои теоретические рассуждения мимо ушей. С несколько обиженным тоном он заявил, что прошлый кошмар не отпускает его. Он снова проснулся в холодном поту от наблюдающих за ним волчьих глаз. Кошмар повторился почти точь-в-точь. Кроме одной новой детали. Он слышал конский топот. Но возможно, это звуки улицы прорывались сквозь сон. Объяснение этому простое: кошмар повторяется, потому что анализ еще не закончен. А это целиком и полностью зависит от пациента, от его усилий вспомнить все. «Т» согласился рассказать об отце, что недавно вспомнил и что доселе умалчивал. Главный источник информации – рассказы дядьев. Они с удовольствием расписывали портрет отца в черных тонах. Именно поэтому пациент им не верил. Во-первых, отец, отпрыск старинного аристократического рода, женился на матери, девушке совсем не знатного происхождения, не по любви, а по расчету. Аристократ промотал свое состояние и решил поправить его за счет невесты из богатой купеческой семьи. Первое имение – это его родовое гнездо. Во-вторых, отец был жесток до садизма. В его владениях: на конюшне и на псарне, слуг пороли, били и травили постоянно. В-третьих, болезнь отца была нервического характера, у него были припадки бешенства, которые заканчивались эпилепсией. Болезнь была наследственной, как и, возможно, тяга к жестокости. В родословной отца было много крутых

правом предков, в том числе какая-то знаменитая мучительница «Solychiha».

Дальше «Т» попробовал сам реконструировать события на основе нашего предыдущего анализа. Видимо, однажды ночная сцена, которой маленький «Т» был свидетелем, закончилась скандалом. На плач и крик сына пришла мать. Состоялось неприятное объяснение. Няню высылают в деревню. Отец теряет власть в доме. Имение меняется на более скромное. За отсутствием привычных любовных развлечений, приступы бешенства и эпилепсии у отца случаются все чаще. Его регулярно кладут в больницу. Однажды мать замечает, что ее сын мучает животных. В страхе, что это наследственный порок, она пытается оградить маленького «Т» от влияния отца с помощью религии. Все суровые домашние правила были результатом материнского страха и любви. «Т» закончил свой анализ странным выводом: «Подумать только, она пыталась защитить меня, лишив Груши и отца». Я сказал, что его анализ очень близок к правде. Однако есть несколько неясных моментов. Топот копыт во сне отсылает к какой-то сцене, тоже доставившей удовольствие в детстве. Но из всех историй, рассказанных «Т», с лошадьми связана лишь история порки на конюшне. Что там произошло еще? Тут «Т» с трудом, но признался, что экзекуция имела продолжение. На конюшню прибежала разгневанная мать, чтобы защитить сына. Но взбешенный отец, содрав с нее платье, выпорол и ее. При этом зрелище «Т» пришел в возбуждение,

и у него случилась эякуляция. Братья матери еле успели спасти ее.

«Т» привстал с кушетки и повернувшись ко мне спросил: «Как же так, доктор? Я получил наслаждение от картины такого злодейства. Я не пытался защитить собственную мать. Кто я после этого? Урод. Монстр из вырождающегося племени?»

Я как мог, успокоил его. Люди в большинстве своем считают детей невинными. Когда психоанализ открыл детскую сексуальность, это вызвало шок. Но дело в том, что правила поведения, нравственность, само представление о невинности, приходят только с воспитанием. Это долгий, тяжелый процесс обуздания первичных инстинктов. Человеку приходится обучаться этим правилам, чтобы жить в семье, в обществе. Например, пользоваться горшком, мыть руки перед едой, чтобы родители тебя любили. В общем, подавлять свои желания, чтобы уживаться с окружающими. Это вызывает внутреннее возмущение, иногда прямую агрессию против тех, кто навязывает запреты. Известно, что при нарушении каких-либо правил, человек испытывает страх, но и одновременно острое удовольствие. По сравнению с запретными удовольствиями, разрешенные – всего лишь бледные тени. Их интенсивность не идет ни в какое сравнение с тем, что мы находим по ту сторону правил. Преодолевая запрет, человек возвращается к первичным инстинктам. Вы – правильный послушный ребенок. Поэтому в вашей жизни мало удоволь-

ствий. Отсюда ваша постоянная неудовлетворенность и меланхолия. Ваш отец, наоборот, нарушитель правил, презревший условности своего сословия, общественных приличий. Он испил из источника наслаждений. Вы завидовали ему, со временем зависть приобрела форму низкой самооценки. Но надо помнить, что возврат к инстинктам и нарушение человеческих правил ведет не только к удовольствию, но и к вражде с окружающими. Отпустив на волю свой эгоизм, вы обязательно столкнетесь с чужим. Думаю, ваш отец по полной испытал на себе последствия своей смелости.

Вернемся к началу, к вашему желанию смерти своей пассивности. Вы испытываете к ней эротическое влечение теперь? «Т» слегка замешкался, потом отрицательно покачал головой. Когда влечение исчезло? «Когда приехали в Вену», – ответил «Т». Вы жаловались на трудные и опасные обстоятельства, это связано с ней? «Да» – донеслось с кушетки. Ваша пассивность требует от вас каких-то действий? Снова «Да». Вам это совсем не нравится? «Да». Вам не кажется, что она превратилась из объекта обожания в требовательную мать? Поэтому вы разлюбили ее.

24

Я встал с кушетки, как преступник встает со скамьи подсудимых. Обвинение зачитано, признание записано, осталось выслушать приговор. Вместо приговора: «Увидимся завтра. До встречи». Что ж процесс продолжается. Видимо,

еще не все преступления раскрыты.

В прихожей, как и ожидалось, я встретил Аврору. Она красила губы вызывающе яркой помадой.

– Князь, – она сделала шутливый реверанс.

– Баронесса, – ответил я в том же духе, по-гусарски щелкнув каблуками и кивнув головой.

– Вы, я вижу, старательно готовитесь к встрече с доктором, – начал я светскую беседу.

– Да, я не даю ему расслабиться. Его ждет очередное искушение святого Антония. Раз я исповедуюсь в грехах, то пусть он увидит их воочию.

– Кстати о грехах, баронесса. Нет ли у вас кокаина? А то мне предстоит препоганый день.

– Конечно есть, князь. Возьмите.

Юбка взмыла вверх, обнажив черный чулок, белую полоску бедра и драгоценную пудреницу под подвязкой. Я покопился на дверь докторского кабинета.

– Ну, же. Прошу, – сказала Аврора, не доставая пудреницу, но и не опуская юбку.

То ли подействовали стены дома, где родилась теория сексуальности, то ли жажда кокаина была столь сильна, но я вдруг потерял свою стыдливость и уверенно взял пудреницу, не преминув, коснуться нежной кожи.

– Ваша щедрость не знает границ, баронесса.

– Это далеко не все, на что распространяется моя щедрость.

Послышались шаги. Аврора поправила юбку и кивнула на пудреницу:

– Отдадите при встрече. Выпьем кофе через полтора часа на том же месте в тот же час.

Дверь кабинета открылась, на пороге появился рассерженный Фрейд:

– Фройляйн, вы опять задерживаетесь.

– Доктор, вы скучали по мне? – Аврора вошла в кабинет, демонстративно покачивая бедрами.

На улице я в нетерпении взял фиакр и уже через пятнадцать минут был в уборной «Флер де лиз». Вдох и я увидел небо в алмазах.

Предстоящие встречи с Троцким, агентом Евстратием, объяснения с Анной показались мне ерундой, не стоящей внимания. Мной вновь овладело это знаменитое венское настроение, сотканное из легкости, иронии, снисходительности к себе и людям. Вон толстый господин уплетает гуляш за обе щеки, он делает это с таким смешным серьезным видом. Вон престарелая фрау с чудовищным макияжем безуспешно пытается подцепить пирожное вилкой. На конец, она справляется, подносит вилку с добычей ко рту, но коварное пирожное срывается в последнюю секунду. Человеческая комедия заставляет меня рассмеяться во весь голос. Фрау вся съеживается от моего смеха. Пора заказать шампанское. Аврора появляется вовремя, вместе с бутылкой «вдовы Клико».

– Баронесса, вы снова спасли меня от жесточайшей хандры, – я с поклоном вернул ей драгоценную пудреницу.

– Она у вас впереди.

– Что ж, насладимся текущим моментом. Поэтому я взял шампанское, а не кофе. Как там наш доктор? Смог ли он стойко вынести муки святого Антония?

– Еще как выдержал. Он говорит, что у меня состоялся «перенос».

– Что, позвольте, состоялся?

– Перенос. Я перенесла свои чувства к отцу на доктора. Раньше я изо всех сил провоцировала отца, теперь его.

– Выпьем за наших родителей.

– Лучше за доктора.

Мы чекнулись.

– В детстве я ломала отцовские вещи, рылась в его одежде, устраивала истерики, пока он меня не приказывал запереть в чулан. Повзрослев, я стала доводить его своим, как он говорил, «аморальным поведением». Однажды я вышла к его гостям в одной ночной сорочке. Отец выволок меня из гостиной собственноручно. Кричал, что я – позор семьи. Его любимчиком была моя старшая сестра. Была... Пока однажды не отравилась... Доктор Фрейд говорит, что я до сих пор мечтаю иметь от отца ребенка. Какая скукота. Как можно любить и хотеть ребенка от этого старого, чванливого, вечно говорящего про деньги зануду.

– Какой интересный персонаж, – съязвил я, – прямо тянет

познакомиться.

– Сейчас познакомитесь. Вон он. Столик у пальмы. Сидит в компании молодого чернявого господина.

Я посмотрел, куда показывала ее рука и обомлел. Эту мирно беседующую пару я уже видел. В кафе «Централь».

– Интересно, о чем они могут разговаривать? – сорвался у меня невольно вопрос.

– О чем бы ни говорил мой отец, он говорит о деньгах.

– А о чем бы ни говорил его собеседник, он говорит о политике и власти.

– Князь...

– Зовите меня просто «Серж».

– Серж, пора расплатиться за кокаин. Пойдемте ка со мной. Пожалуйста.

– Рад буду вам услужить баронесса.

– Аврора. Просто Аврора.

Мы встали, Аврора взяла меня под руку и подвела к столику отца.

– Здравствуйте, дорогой папа, – с преувеличенной вежливостью начала она, – рада вас видеть. Разрешите представить вам, князь Серж...

– Князь Серж Тараканов, к вашим услугам, – продолжил я за нее.

– Серж мой жених. Он – сумасшедший. Мы лечимся у одного доктора. Серж, это мой отец – барон Ротшильд.

– Очень приятно. Кстати, я безумен только в норд-норд-

вест, при прочих ветрах я еще могу отличить сокола от цапли.

Старый барон багровел на глазах. Меня разбирал смех, как, собственно, и Аврору. Еле сдерживаясь, я продолжил:

– А это господин Троцкий. Он – э... прогрессивный общественный деятель. С большими перспективами.

Троцкий даже не встал со стула для приветствия и еле сдерживал раздражение:

– Князь? Как интересно. Рад познакомиться. Какая неожиданная встреча. Что вас привело сюда?

– Вот, решили обсудить наше лечение. Больные всех стран, объединяйтесь.

– Отчего же вы лечитесь? – бросил мне рассерженно барон, при этом испепеляя взглядом Аврору.

– В основном, от безделья. А еще от безумных трат денег. Но это, скорее всего, безуспешно. Аврора пообещала, что когда мы поженимся, денег будет еще больше.

Барон посмотрел на меня с нескрываемой ненавистью, зато взгляд Авроры был полон благодарности.

– Господа, вы не против, если мы с дочерью покинем вас? Обсудим, так сказать, свадьбу и размеры приданого.

Барон резко встал, уронив стул. Затем он взял Аврору под локоть и повел ее к выходу. Она успела обернуться и послать мне воздушный поцелуй.

Я поднял стул и занял место барона.

– К чему этот спектакль? – спросил Троцкий.

– Аврора обожает злить отца. Не знаю почему. Я всего лишь ей помог.

– Вы специально пришли сюда? Следили за мной?

Троцкий говорил, явно нервничая.

– И в мыслях не было. У вас паранойя, уважаемый. Не знаю, как Адлер, но доктор Фрейд работает с такими случаями. Он говорит, что это от нечистой совести. Кстати, наша встреча должна состояться через пятнадцать минут в «Централе», может, проведем ее здесь, раз уж встретились.

– Вы согласны работать на меня?

– Нет.

– Тогда мне нечего с вами обсуждать. Разрешите откланяться... князь, – Троцкий сделал ударение на титуле.

– Тогда мне придется обсудить со своими товарищами вашу встречу с Ротшильдом, этим ростовщиком-капиталистом, за спиной ЦК.

Троцкого аж передернуло.

– Вам можно общаться с дочерью, а мне нельзя с отцом?

– Нельзя.

– Может тогда и мне обсудить с бароном ваше членство в партии?

– Если его хватит удар, Аврора будет только довольна.

– А если его не хватит удар, и он просто увезет дочь из Вены?

Мысль потерять Аврору с ее пудреницей неожиданно уколола меня. Но я не подал виду.

– Мы знакомы всего пару дней. Я не успел к ней настолько привязаться.

– А мне кажется, успели. Обсудим наши дела через неделю. А сейчас я спешу.

Троцкий встал и вышел, оставив меня наедине со своими мыслями. Неужели я действительно успел привязаться к этой взбалмошной девице?

Кокаин выветрился у чумной колонны. Дальнейший путь я фантазировал, как сею черную смерть по всему городу. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю!» У собора святого Себастьяна пристал какой-то безумный попрошайка: «Дай миллион! Дай миллион!» Он был слепой, хромой и вонючий. От страха я чуть не грохнулся на мостовую. После этого чуму я больше не сеял. Пришлось немедленно выпить, чтобы унять дрожь.

– Я думал, что вы уже не придете, – раздраженно встретил меня Евстратий Павлович.

– Я тоже думал, что уже не приду.

– Бросьте играть со мной в игры! Слышите? Я здесь команду парадом! Я раздавлю вас как козявку. Сдам вас вашим товарищам, и ваш труп найдут с удавкой на шее.

– Тогда вы ничего не узнаете.

– И что же я не узнаю? Что вы встречались с Троцким?

Я остолбенел.

– Если вы все знаете, тогда зачем я вам нужен?

– К сожалению, нужен. У меня не сто рук и ног. За всеми

вами не уследишь. – Как же вы смогли защитить «С»?

– Это было дорогое удовольствие. Крепкие бандиты стоят здесь прорву денег. Но я не пожалел золота ради вас. И теперь жду ответной услуги, милостивый государь. Какое задание дала вам ваша подпольная группа? Какие у вас дела с Троцким. О чем вы разговаривали?

– Мне велено просто с ним познакомиться. Пока мы рассуждали о новых веяниях в ... медицине.

– В медицине? Это все? Вы ходили к нему домой, там кто-нибудь был?

– Кроме ребенка никого. Мне показалось, он ведет абсолютно частный образ жизни.

Я врал. Хотя Троцкий был мне противен, сдать его охране я не мог.

– Вам показалось? Если кажется, то богу молись. Троцкий не такой человек. Он пустил вам пыль в глаза. Что ваши друзья-товарищи? Понравилась им печатная машинка? Они вам стали после этого доверять?

– Наверно стали, раз отправили меня к Троцкому.

– Интересно, почему вас? Может, они боятся его? В чем-то подозревают? Вам сказали познакомиться, но не сказали зачем. Это странно. Нет-нет. Вам все еще не доверяют. Вот вам мое задание: вы должны сблизиться с Троцким. Подружиться что ли. Войти в его круг. Я чую, что заваривается какая-то каша. Кстати... а распишите-ка мне вот тут на бумажке вашу историю знакомства с Анной Григорьевной...

может, мы что-то упустили...

Я похолодел. У подлого шпика уже есть мое признание, теперь будет мой собственноручно написанный донос! И на кого?! На свою ... э... любимую женщину! На прошлой встрече я думал, что опустил на самое дно предательства, а нет, есть низость и поглубже!

– Ох, с гимназии ненавидел сочинения. Увольте. Хотя бы не сейчас. Давайте я вам потом занесу свою автобиографию, – выкручивался я. – Да и зачем вам это? Вы и так все знаете.

– Все, да не все. Анна Григорьевна – мастерица по вербовке сторонников. Нам важно, как она это делает.

– Не было никакой вербовки! – возмутился я. – Мы полюбили друг друга... Ну, я полюбил...

– В том-то и дело! Вы полюбили! Вы!

Тут мне пришла на ум одна догадка. Я резко сменил тему.

– Послушайте, а вы же наверняка наводили справки о мне и моей семье, прежде чем... э... вступить со мной в контакт. Так?

– Куда вы клоните, милостивый государь?

– Евстратий Павлович, – начал я как можно дружелюбнее, – ну вы же все знаете обо мне. Вы такое всевидящее око государево, можно сказать. Расскажите мне про моего отца. Сам я его плохо помню. Дома мне про него мало что рассказывали.

Шпик купился на лесть и с удовольствием продемонстри-

ровал свою великую осведомленность:

– Батюшка ваш был видной фигурой. Уездный предводитель! Широко жил, по-княжески: две больших своры держал, конюшню имел почитай лучшую в целой губернии. Правда, все на капитал вашей маменьки. Суров был. Вся округа в страхе дрожала. Как будто и не было манифеста о воле. Земская шелупонь постоянно на него жалобы строчила. Он людей по старинке у себя на дворе мог выдрать, а то и забить до смерти. Однажды на свою же бывшую деревню набег устроил с дворовыми. Слухи были, что вроде гарем имел. Но то слухи, точнее разузнать не получилось. Поговаривали, что пара девок дворовых исчезла.

– Какой гарем? Какие трупы? Что за бред! – запротестовал я. Но запротестовал вяло. После открытий у доктора на кушетке я мог поверить во что угодно. Евстратий с удовольствием продолжил:

– Кончил князь, увы, плохо. Помещен в лечебницу для умалишенных по настоянию родных. То есть по настоянию вашей маменьки. Все было устроено тихо, что бы ни единая душа не знала. Никто и не догадался. Ну, может, так оно и лучше было, а то суд угрожал... Там в лечебнице ваш батюшка и помер. Царствие ему небесное. Не выдержала княжеская гордость заточения, по моему уразумению. Вот, вкратце, история.

– Помещен в больницу для умалишенных?! Это точно?
Мне стало нечем дышать, в глазах потемнело. Евстратий

сбегал за стаканом воды. Я замахал отрицательно руками.

– Коньяка-с нет. Не держим. Только водки.

Я одобрительно кивнул. Первая сразу пошла соколом.

Шпик аж крикнул от удивления:

– А вы, батенька, умелец.

– Я, Евстратий Павлович, пойду. Тяжко мне. Переварю страшную новость.

– Идите, Сергей Константинович. Идите. Но бумажку с описанием в следующий раз принесите. Послезавтра встретимся, здесь же.

Я не заметил, как дошел до дома. Открывшаяся семейная тайна заслонила собой все мои нынешние передраги. Я так был занят своими мыслями, что чуть не наступил у входа в подъезд на какую-то старушку. Присмотрелся, а это оказалась та комическая поедательница пирожных из «Флер де лиз». От предложения помощи, чтобы подняться по лестнице, старуха отказалась. Она бодро взлетела наверх к нашей двери. Удивленный, я впустил ее внутрь. Тут эта скрюченная карга на моих глазах выпрямилась, с удовольствием расправила плечи, сняла нелепый капор, седые волосы и прошла в ванну. Из ванны вышла Анна, вытирая остатки грима. Я рассыпался в любезностях:

– Вы потрясающая актриса! Глазам не верю! Это было великолепно. Я вас не узнал.

– Кто эта фифа, что была с тобой в кафе? – пропустила мимо мои комплименты Анна.

– Так знакомая. Поразительно, я сидел и потешался над вами, но мне и в голову не пришло...

– Не увиливай от вопроса. Кто эта дамочка?

– Вы ревнуете?

– Не несите чепухи. Я повторяю вопрос, что за дамочка была с вами. Что еще за знакомства у нас за спиной?!

Два товарища оживились и с интересом начали следить за нашей беседой.

Страшная мысль пришла мне в голову: а что если она следила за мной! Боже, что если я раскрыт? Я тут же стал покладистым.

– Это пациентка доктора Фрейда. Мы у него познакомились. Решили отметить...

– Зачем она подходила к столику с Троцким? Она знала его собеседника? Почему они ушли вместе?

«Ага, – подумал я, – видеть ты нас видела, а слышать не слышала. Это шанс».

– Просто она болезненно стеснительна. Доктор советовал ей чаще бывать в обществе. Мы поспорили, что она подойдет к незнакомым людям, познакомится и попросит помощи у одного из них. Такой фан.

Я врал вдохновенно. Аврору сдавать я не собирался никому.

– Почему она подошла именно к Троцкому? Ты знал, что он там будет?

– Нет. Я не знал, что он там будет. Мы с ним договорились

встретиться в «Централе» на час позже. Мне самого удивило его появление. Я отправил ее к ним за столик, чтобы позлить его. Он мне не нравится.

– Вы с ним говорили по делу?

– Нет.

– А о чем вы с ним говорили?

– Он предложил мне работать на него. Докладывать о ваших действиях и замыслах.

Повисла пауза. Я успел подумать, что если бы Анна меня выследила до встречи с агентом охраны, то разговор был бы не об Авроре.

– И что ты ему ответил?

– Что я мог ответить? Сказал, что он – негодяй.

– Зря, надо было соглашаться.

25

В анализе «Т» наступил перелом. Фаза сопротивления закончилась. Пациент стал полностью доверять мне. Обычно это проявляется в том, что с кушетки льется поток доселе сдерживаемых недоверием жалоб. «Т» начал с того, что голоден, что за завтраком разыгралась отвратительная сцена. Знакомые, которые гостят в его доме, развели такую грязь и антисанитарию, что завелись тараканы. За завтраком одно из насекомых оказалось на столе. Его попытались тут же убить, но только смахнули на пол. Началась нелепая дикая охота. Знакомые в азарте топали, пытаясь раздавить бегле-

ца. Наконец, это им удалось. Один из них при этом произнес фразу: «Так будет со всеми нашими врагами». «Т» уверяет, что это было сказано со злобой и адресовано лично ему. Не закончив завтрак «Т» вышел из за стола. Я спросил, почему он считает, что реплика предназначалась ему. Ответ стал открытием для меня. Фамилия пациента в переводе означает «таракан»! «Мерзкая фамилия всю жизнь мне испортила!» – воскликнул «Т». В гимназии дразнили и издевались именно из-за фамилии. Он вспомнил, как его ловили и засовывали ему за ворот таракана. Унижение следовало за унижением. В классе естествоведения находился аквариум с земноводными. Учитель регулярно кормил жабу насекомыми. Стоящие рядом ученики предложили скормить жабе самого «Т». Учитель сказал, что так и сделает, если тот не исправит плохую оценку.

Далее последовали обычные у этого пациента самообвинения: он ничтожество, он в детстве не мог наказать обидчиков, не ответил на оскорбление и сейчас. Однако я заметил, что больше нет речей о самоубийстве. Видимо, какой-то позитивный момент в его жизни все-таки появился. Параллельно с самобичеванием, «Т» призывал бога себе в помощь и жаловался на ее отсутствие. У меня появилась одна идея. Я предложил пациенту описать его бога. Предложение повергло того в шок. Моим аргументом было то, что пациент не мусульманин, в его религии разрешены изображения бога. «Т» обвел глазами мою коллекцию античных и древнееги-

петских статуэток, как будто искал среди них ответ.

В конце концов, он выполнил мое задание. Косноязычный сначала, пациент постепенно разошелся, даже процитировал какой-то псалом Давида. Его описание, как я и предполагал, более всего подходило к богу Торы, суровому богу Ветхого завета. Милосердный, но ревнивый, заботливый, но жестокий... Бог любит «Т», но постоянно наказывает его за грехи. Бог обязан покарать всех врагов «Т». Однажды он так и сделал: учителя, который хотел скормить «Т» за плохие оценки жабе, уволили из гимназии.

Данное «Т» описание подошло еще одному герою... его отцу. Отца тоже все любили и боялись. Его власть была велика, он мог облагодетельствовать, кого хотел, мог покарать. Отец был жесток, но справедлив. Он был нежен к «Т», но после ночного происшествия отвернулся от него. Холодность отца вызвала чувство вины. Итак, делаем вывод: когда отец исчез, его функции и качества перешли к богу. «Т» горько усмехнулся на этих словах и сделал удивительное признание. Он сам узнал это только недавно. Отец умер в лечебнице для умалишенных. Его поместили туда по настоянию матери «Т». Причина – вспышки ярости вкупе с приступами эпилепсии. Скорее всего, мы имеем дело с садизмом.

Попробуем разобраться, откуда возникло это постоянное чувство собственной ничтожности у пациента. Частично оно выросло из чувства вины перед отцом. Безуспешные попытки добиться его любви стали семенем недоверия к себе. Без-

условно, в той ночной сцене маленький «Т» хотел бы оказаться на месте родителя. Испытанное удовольствие от наблюдения за ночной сценой только укрепили желание стать таким, как отец. Стать отцом. Судя по эпизоду с наказанием в конюшне и возбуждении от вида избиваемой матери, «Т» сохранил идентификацию с отцом. Это значит, что постоянная критика себя, это и критика отца. Это он оказался слабым, это он не смог удержать няню дома, и вообще, уступил власть в семье. Но и это еще не все. Ночная сцена породила сильнейший страх перед родителем. Страх перерос в постоянную боязнь мести. Любой неверный шаг «Т» мог вызвать ответную ярость. Робость в отношении отца стала впоследствии трусостью в отношении всех заместителей отца: учителей, старших сильных мальчиков и т. д. А если ночная сцена носила реальный садистский характер? Тогда возникший страх еще более понятен! (Кстати, тогда избиение лягушек – это не только акт мести исчезнувшей няне, но и просто воспроизведение доставившей удовольствие первоисцене). «Т» уверил меня, что согласен с моим анализом. Но он не понимает, как вырваться из этой ситуации. Как перестать быть ничтожеством, вечным трусливым мальчиком? Далее он много говорил о жажде возрождения, о личной революции. Заканчивалось возрождение многочисленными актами мести бывшим и новым врагам. На вопрос, каким он себя видит после этой революции и возрождения, «Т» снова нарисовал героизированную фигуру отца. Итак, мы видим,

что возрождение тоже связано с желанием занять место отца. Все дороги ведут в Рим! Все желания пациента возвращаются к «первосцене»!

Я спросил «Т», видит ли он еще кошмары? Он сказал, что они никуда не делись. Зато в преследующем сне появились новые детали. Окно распахивалось от порыва ветра. В спальню врывался вихрь снежинок. Волки смотрели на него из-за пелены снегопада. Через какое-то время на горизонте забрезжила заря.

Видимо «Т» уснул с мечтами о своем возрождении, отсюда и свет нового дня.

26

Я не верил своим глазам. Передо мной вместо дерзкой, энергичной Авроры стояла ее вялая, бледная копия. На ней мешком висело серое, мышинное платье сиротского покроя. На ногах вместо щеголеватых лайковых туфелек, грубые башмаки. На лице растерянность. Потухла моя Аврора. За ней стояла мордастая тетка в странной форменной одежде то ли медсестры, то ли надзирательницы. Мое наигранное приветствие осталось безответным. Тетка грубо подтолкнула баронессу к двери доктора. Точно надзирательница.

На улицу я вышел в совершенно подавленном состоянии. Увиденная картина доставила мне чуть ли не физическую боль. Я не ожидал от себя такой сильной реакции. Кто мне эта девушка? Приятельница, которую я видел всего несколь-

ко раз. И все же я был в отчаянии. Кокаин бы не помешал. Да черт с ним, с кокаином. Что мне делать? А что я могу сделать? Что? Ничего тут не поделаешь. Старый барон в гневе наказал свою дочь. Он вправе это сделать. Что я могу? Мне дали задание, надо идти выполнять. Идти к Троцкому. Говорить, что я готов сотрудничать. Задание ясное, хоть и подлое. Надо выпить и двинуться. Пивная рядом. Я зашагал к своему любимому средству от забот.

Нет, черт подери! Скорее всего, я ее больше не увижу! Так нельзя. Я должен ее увидеть. Назад я уже бежал. Угол соседнего дома через дорогу – хороший наблюдательный пункт.

Они вышли, не побывав у доктора и пятнадцати минут. Отказалась от лечения! – кольнула меня догадка. Старый барон посчитал, что Фрейд не помог решить проблемы с дочерью. На Аврору было больно смотреть. Поникшая фигура, как будто злой вампир выпил из нее все соки. Она шла как-то механически, словно кукла. Выше по улице их ждал нелепый старомодный шарабан. Ее увозят! Ее увозят, и я не буду знать куда! Я оглянулся, вокруг не было ни одной пролетки. Вот они уже садятся! Отчаяние охватило меня. Вот уже слышалось цоканье копыт по мостовой. Я заметался в панике, даже не пытаюсь прятаться. И тут я увидел его. Он стоял в трех домах ниже по Бергассе и во все глаза смотрел на меня из-за угла. Это была явная слезка. Плевать. Главное, что за ним маячили две лошадиных головы! Я кинулся к нему. Сначала он замер и глядел на меня со смесью страха и ...

торжества. Да, торжества. Потом суетливо пытался залезть в пролетку, но было поздно: я вскочил в кабину почти вместе с ним.

– Я знаю вас, – заговорил я, запыхавшись, – вы – пациент доктора Фрейда, «С», паранойя. Надо догнать вон тот шарабан. Это в ваших интересах. Понимаете.

– Ага! Я знал! Я знал, что вокруг меня плетется интрига! А доктор мне не верил!

Глаза его были безумны, взгляд торжествующий. Человек только что убедился в собственной правоте. Надо было ковать железо, пока оно горячо.

– Трогайте и не упускайте шарабан! Расскажу все по дороге.

Наша пролетка сорвалась с места. Я начал врать.

– Мы давно за вами следим. Но наша цель не навредить вам и вашей семье. Мы хотим вам предложить вступить в нашу организацию! Но не могли рисковать и хотели узнать вас лучше. Ведь бомбисты повсюду! Но только что украли одного из наших соратников, и мне пришлось открыться вам. Соратник, то есть соратница тоже лечилась у доктора Фрейда. И главное, она – моя невеста. Вы должны мне помочь.

Пролетка неслась по Рингу, шарабан маячил вдали. «С» подозрительно на меня уставился.

– Фрейд говорил мне, что вы тоже пациент. Я понял, это всего лишь прикрытие. Меня не проведешь. Я – адвокат, поэтому никому не верю на слово. Но я вдобавок венгр, а мы,

венгры еще верим в любовь и помогаем влюбленным.

Он запел какую-то арию, видимо из новой оперетты модного нынче Кальмана.

Мы проскочили мимо вычурного мавзолея «Сецессион». Шарабан продолжал движение. Я терялся в догадках, куда они могут ехать. Появились первые виноградники. Может ее увозят в загородный дом? Прохожих и колясок становилось все меньше и меньше. Нас могли заметить. Хотя какая разница?! Я попросил ускорить ход. Мимо побежал какой-то высоченный забор. Он тянулся целую вечность. Мой попутчик нахмурился.

– Что?! – нервничая, спросил я.

– Кажется, я знаю, куда ее везут.

– Куда?

Вместо ответа он сделал знак замолчать. Шарабан замедлил движение и свернул за угол. Топот копыт перестал раздаваться. Мы тихо вылезли из коляски и прокрались вдоль забора. Я снял шляпу и осторожно выглянул из-за угла. Сердце мое ухнуло куда-то вниз. Теперь я тоже понял, куда привезли Аврору. В воротах открылась дверь, из нее вышел огромный санитар. Надзирательница вылезла из шарабана и показала какую-то бумагу. Старый мерзкий барон решил упрятать свою родную дочь в больницу для душевнобольных! Я замер в тупом оцепенении. Все было как в бреду. Ворота начали медленно-медленно открываться. Из них медленно-медленно стал выходить еще один санитар. Лошади медленно-мед-

ленно кивали головами. Надзирательница медленно-медленно стала возвращаться к повозке. Я должен был что-нибудь сделать, но не мог пошевелиться. «С» одернул меня и зашептал: «У нас нет шансов. Нас увидят и ее перевезут в еще более глухое место». Шарабан двинулся к воротам. Вид уезжающей коляски был невыносим. Из меня вырвался зверский вопль. Я рванул к шарабану, бешено застучал по дверце, задергал ручку. «Откройте! Отпустите! Отпустите, кому говорю! Я вас всех расстреляю! Запору! Отпустите ее!» – кричал я. Дверца не открывалась, один санитар двинулся в мою сторону. Тут я увидел в окошке бледное лицо Авроры. В ее глазах стояли слезы. Она попыталась улыбнуться, затем подняла руку для прощания. «Я спасу тебя, слышишь! Я спасу тебя! Жди меня!» – орал я, не переставая стучать по дверце. Шарабан въехал в ворота, я наткнулся на железную руку санитаря. Громила отпихнул меня, как назойливого щенка. Ворота закрылись. Из меня как будто что-то вытащили, и я рухнул на землю. Рыдания сотрясали меня. Я залился горячими детскими слезами. «С» пытался поднять меня, но бесполезно. Меня колотило. Вдруг свет у меня в глазах померк, как будто туча набежала на мое сознание, затем грянул гром, и засверкала молния.

Сколько я пролежал, не помню, кажется, вечность. «С» сказал, что у меня был короткий припадок.

С земли я встал другим человеком. Пожар внутри меня выжег все чувства. Отчаяние, слабость рассеялись, как дым.

В моем обугленном сердце осталось место только для одного чувства – холодной ярости. «С» заметил мое преобразование.

– Какой у вас страшный вид. Ни дать ни взять, граф Дракула, вылезший из могилы.

– Нет. Князь Тараканов, – представился я. – Но вылез именно оттуда.

– Шандор Батори. К вашим услугам. Что будем делать?

– Приведем себя в порядок, затем навестим одного товарища.

Часть 2

1

Троцкий встретил меня широкой фальшивой улыбкой.

– Здравствуйте, товарищ Тараканов. Или к вам лучше обращаться «князь»? Как поживает юная баронесса? Я слышал, отец очень сильно рассердился на нее. Ее дурное поведение, новые сомнительные знакомства... Я вас предупредил. – Тон его был вежливым и язвительным.

– Вы знаете больше меня. Я ее не видел. – Моя ответная улыбка была столь же широкой и фальшивой. «Подожди», – сказал я про себя, скоро ты перестанешь улыбаться. Вслух же продолжил:

– У вас такие близкие отношения с Ротшильдами, прямо диву даешься. Что вас сближает, уж не голос ли крови? – намеренно нахамил я. – Неужели, вы перешли на сторону Бун-

да? Говорят, они не гнушаются идти на стовор с капиталистами соплеменниками. Вместе отмечают свои праздники. Вот мой товарищ сейчас пишет статью, где осуждает их местечковую стратегию.

Троцкий изменился в лице. Удар был нанесен по больному месту. Он пустился в шумные объяснения:

– Я никогда... Вы не смеете... Я никогда не стоял на позициях Бунда, не стою и стоять не буду! Мне всегда претил их мелкий узколобый национализм. Евреи угнетены, но они должны бороться вместе со всеми угнетенными мира, встать в авангарде борьбы...

Заметив мой насмешливый вид, оратор осекся.

– Тогда что вас связывает с Ротшильдом?

– К чему все эти расспросы? Зачем вы пришли? Хотите вызволить свою подругу из клиники? Хотите, чтобы я повлиял на ее отца?

– Вы уходите от ответа, – с той же ухмылкой продолжал я. – Как говорил доктор Фрейд: то, о чем молчат и есть самое важное.

– Мы просто играем вместе в шахматы. Вот и все! Убирайтесь!

– В шахматы, так в шахматы. Вообще-то, я пришел к вам по делу.

– К какому?

– Вы же сами предложили сотрудничество. Я вам рассказываю о ... планах и настроениях в нашей группе...

– А что взамен? Свободу юной баронессе? Я же говорю, не в моих...

– Причем здесь баронесса? Она моя знакомая, но не более. – При этих словах у меня сердце кровью обливалось, но я продолжал разыгрывать из себя равнодушного негодяя. – Меня волнуют более важные вопросы. «Правда» и ничего кроме «Правды». Не обязательно соглашаться со всеми нашими условиями. Согласитесь на переговоры. Сделайте для начала жест доброй воли – предложите напечатать у себя нужную нам статью. Например, по национальному вопросу.

Троцкий задумался, начал протирать свое пенсне. Протер, надел, посмотрел на меня, как будто только что увидел.

– А вы не так-то прост, как мне показалось в первый раз. Хорошо, я согласен. Но зачем вам мои уступки?

– Это поднимет мой авторитет в глазах партии. Надоело быть на вторых ролях.

Выйдя на улицу, я не сразу прыгнул в пролетку. Мне нужно было время, чтобы отдышаться. Что ж игра начинается. Игра? Нет, это не игра, это будет настоящая, жестокая охота.

В пролетке Шандор нетерпеливо спросил, как все прошло.

– Я только что встретился с человеком, который виноват, что Аврору упекли в сумасшедший дом. Раньше я только подозревал его, теперь в этом убедился.

– Вашу невесту зовут Авророй? Интересное имя. И кто она?

– Аврора Ротшильд.

Шандор аж присвистнул.

– Человек, от которого я только что вышел, донес старику Ротшильду, что его дочь встречается со мной.

– И как мы этому человеку отомстим? Дуэль? Кинжал из-за угла?

– Нет. Мы пойдем другим путем. Мечь – это блюдо, которое подают холодным. Не помню, кто сказал. Для начала мы завтра вытащим Аврору из ее тюрьмы.

– Конечно, вытащим. Обязательно вытащим. Но как? Туда не просто попасть.

– Попасть туда как раз довольно просто. Вы забываете, что мы лечимся у психоаналитика, значит мы – психбольные. А кому как не психбольному попадать в психбольницу? Нужны какие-нибудь формальности: бумаги, направление врача, пожелание родственников. Попасть просто, вот выйти оттуда сложнее. У меня нет плана на этот счет. Нет решения, зато есть решимость. Это главное. Так что завтра встречаемся после сеансов у доктора. Если вы, конечно, не передумаете нам помогать.

– Слово дворянина. Вы можете положиться на меня.

– Тогда можно попросить вас еще об одной услуге? Снимите меблированные комнаты, чтобы спрятать Аврору. Подальше от центра.

– Легко.

Мы пожали друг другу руки, и я выскочил из пролетки.

До встречи с Евстратием Павловичем было много времени. Я хотел хорошенько обдумать план завтрашних действий. Шандору я хвалился, что легко попаду в больницу, но на самом деле я не знал, как это сделать. Однако это незнание не умалило моей решимости действовать. Как говаривал отец: «Ты не знаешь, когда выскочит волк, но ты должен знать, что твое ружье выстрелит». Ну, может, это и не он говорил. План не обдумывался. В голову приходили только дурацкие фантазии. Проходя мимо дамского ателье, я представил, как дарю одно из шикарных платьев с витрины Авроре. Тут меня осенило: для побега нужно не шикарное платье, а унылый наряд медсестры-надзирательницы! Я зашел в ателье и попросил сшить форму из самого дешевого сукна. Наврал, что для горничной. Примерки не будет. Размер дал на глаз. Вспомнил белую косынку на мордастой надзирательнице, попросил такую же. Сказали, что все будет готово послезавтра. Пришлось раскошелиться, чтобы сделали завтра к утру. Ободренный своей находчивостью, дальнейшие сборы я вел целенаправленно. Первым делом надо зайти в аптеку. Наверняка понадобится снотворное. Взял самое сильное. Лошадиную дозу. Потом подумал и взял снотворного на целый табун. Аптекарь покосился на меня, как на декадента-самоубийцу, но все равно продал. Как все пронести с собой в больницу? Точно! Я же декадент-самоубийца,

склонный к членовредительству! Взял бинты. Скажу, что порезал или обжег руки, замотаю запястья, и спрячу в повязках таблетки. Гениально. Хорошо бы взять хлороформ. Но как я пронесу пузырек? Потом решу, в деле наверняка пригодится. Долго думал об оружии: брать или не брать. В итоге, все-таки, наведаясь в галантерейный магазин, купил самую маленькую опасную бритву. Там же зачем-то купил очки с толстыми стеклами. Зачем, зачем? Для маскировки. Больше в голову идей не приходило.

Шпик Евстратий встретил меня неласково:

– Сколько можно?! Потерялись, как попададя на рынке. У, праздное сословие. События развиваются, а я тут отсиживаюсь, вас изволю ожидать. Аристократ-вырожденец. Где письменное показание на вашу соучастницу Анну Григорьевну Заречную?

– Нет еще письменных показаний. Все некогда было. Я думал, вас больше Троцкий интересуется.

– А вы не думайте, милостивый государь, не думайте! Вы делайте, что вам указано! Что с Троцким?

«Ага! – подумал я, – охранка нервничает. С чего это? И Троцкий вас интересуется в чрезвычайной степени, аж сдерживать себя не можете».

– Я с ним встречался.

– И что-с?! Вы можете поподробнее? Или к вам применить допрос с пристрастием? Я могу. Не такие у меня соловьем пели!

– Да, успокойтесь. Все расскажу. Дайте отдышаться. Дался вам этот Троцкий. Там идет спор из за газеты. Меня отправили потребовать уступок от редакции. Ничего интересного.

– Это точно все?

Евстратий грозно уставился на меня, пытаясь проткнуть меня взглядом. Я сделал как можно более равнодушное лицо. Наша главная защита со времен гимназии – непробиваемая тупость.

– Да вроде все.

– Вроде или все?

– Все.

Мой ответ его явно не удовлетворил. Он зашагал по мастерской, в гневе ударил пару раз по стене. Это наводило на мысли. И мои товарищи и охранка просто одержимы персонею Троцкого. Мог ли спор вокруг газеты породить столько суеты? Не знаю.

– Ты или хитрить со мной вздумал, князек, или просто ленив и нерасторопен. Ничего, сейчас мы тебя пришпорим. Садись, пиши.

Он шарахнул передо мной чернильницей, бросил небрежно перо, достал из ящика стола лист бумаги и сунул мне его под нос.

– Взял перо, я сказал! Диктую! «Донесение о наблюдении за подозреваемой в государственной измене Анной Григорьевной Заречной и ее группой».

Я замер. Кровь прилила к лицу. Уши пылали. Руки дро-

жали.

– В чем дело?! – уже практически орал на меня Евстратий. – Ты что думаешь, я шучу?!

Тут он снова полез в ящик стола и вытащил оттуда небольшой револьвер. Я открыл рот от удивления и страха. Ствол глядел мне прямо в лоб.

– Пиши или на бумаге будут не чернила, а твои мозги. Если от тебя пользы никакой, зачем ты мне нужен? Пристрелю и обставлю, как нападение! Понял?!

Я понял несколько вещей сразу: во-первых, лучше не спорить, во-вторых, что этого взбесившегося агента чрезвычайно интересует товарищ Троцкий. Не я, не Анна, а именно товарищ Троцкий. В-третьих, пора действовать. Я обмакнул перо в чернила.

– Дайте хотя бы воды. Или лучше, может быть, чаю? А, Евстратий Павлович. Вы бы убрали револьвер. Лучше чаю. Видите, я пишу. Просто дело не быстрое. А в горле пересохло.

Евстратий, видя мою покорность, успокоился, помахал примирительно револьвером перед моим носом, приговаривая «Чуешь, чем пахнет. Чуешь?» и убрал его в карман пиджака. Загорелась керосинка, звякнул поставленный чайник. Передо мной возник замызганный стакан.

– Ладно, князек, не бойся. Не убью. Я отходчивый. Но впредь не беси меня. Понял. Пишешь? Молодец.

– Я не понимаю, что я должен узнать о Троцком?

– Что ты должен узнать о Троцком? – Евстратий испытующе посмотрел на меня. – Мне нужны все, с кем он встречается. Все с кем он собирается встретиться. Я должен знать, когда он собирается с кем-нибудь встретиться и где. Более того, мне нужно знать, то, что знают о Троцком твои товарищи. В чем они его подозревают. И что они собираются предпринять. Понятно.

– Понятно.

Я усердно скрипел пером. Закипел чайник. Евстратий отвернулся к полке в поисках чая. Я с тревогой следил за ним. Лишь бы не обернулся. Лишь бы не обернулся. Одной рукой под столом я пытался открыть пузырек со снотворным.

– Не люблю их кофий. Бура какая-то кислая. И чашечки мизерные. То ли дело дома! У меня дома самовар! Напьешься чаю до испарины. С вареньем. Мм! Блаженство да и только! – разглагольствовал агент-патриот.

Я с отчаянием следил за его спиной. Пузырек предательски не открывался. Вот уже коробка с чаем найдена. Пузырек не поддается. Чай уже насыпается. Пузырек словно запаян. «Все надо делать двумя руками!» – вспоминалось раздраженное нравоучение одного из дядек. Все, чай насыпан. Зашипел и забулькал льющийся в чайник кипяток. Я еле успел выпрямиться, когда Евстратий повернулся к столу. Пузырек остался под столом. Причем нераскрытым. Если сейчас так сложно усыпить одного человека, то, что будет завтра? Завтра надзирателей, врачей будет больше.

– Ну, закончили свое изложение? Пейте, я почитаю, что вы настрочили.

– Да, я еще не...

– Дайте, глянуть. Может, вы все неправильно написали.

– Как мог.

Евстратий налил чай в два стакана и потянулся за бумагой. Я услужливо протянул свой донос, но так неловко, что опрокинул чернильницу. Его черносотенное величество отскочил от стола как ошпаренный.

– Ах, ты, косорукий! Пинджак мне испачкал! Пинджак дорогуший, только что купил в магазине за пол жалования!

– Вроде нет пятна.

– Как нет, вон.

– Да это малюсенькое пятнышко. Не видно совсем.

Тут до меня дошло, какая удача свалилась мне в руки. Я засуетился вокруг шпика:

– Вы, Евстратий Павлович, керосином попробуйте. Мигом все исчезнет.

– Да куда исчезнет, – расстроено заныл Евстратий, но послушно убежал за керосином.

Я молниеносно нырнул под стол, открыл пузырек и дрожащими руками сыпанул пилюли в стакан обладателя испачканного пиджака. К моему ужасу пилюли не растворялись. Я начал судорожно размешивать и толочь их ложкой. Плышали шаги. Я схватил тряпку и стал размазывать чернила по столу.

– Боже, что ты делаешь, оглашенный?! – вскричал вернувшийся шпик.

Я повернулся на крик вместе с тряпкой.

– Не подходи ко мне, – заверещал Евстратий, – не дай бог пинджак загубишь, ирод. Еле пятно оттер.

Затем он немного успокоился. Осторожно, двумя пальцами взял донос и стал его читать. Потянулся за стаканом. Я опередил его:

– Позвольте, чайку добавлю, а то он остыл наверно. Может, вам сахару?

И не дожидаясь ответа, кинул пару кусков. Затем старательно размешал и с поклоном подал. Евстратий принял поклон и стакан как должное. Я стал ждать. Главное, чтобы он не выпроводил меня на улицу, раньше, чем подействует снотворное.

– Это никуда не годиться. Надо переписать.

Я беспрекословно согласился. Достал новый лист бумаги, поковырялся в остатках чернил и приступил. Даже в гимназии я выводил буквы с меньшим тщанием.

– Ну, что вы там копаетесь? Объект «А» вышел из пункта «Б»... Это же элементарно, – торопил меня Евстратий, позевывая.

«Анна Григорьевна Заречная за завтраком, отпивая кофий, сказала...» – неторопливо писал я и нетерпеливо следил за уже осоловевшим шпиком.

– Так, все, завтра принесете.

– Где же я буду писать донесение, прямо у товарищей под носом? Подождите, пожалуйста, осталось немного.

«Тем временем, надев светлое шифоновое платье...» – я продолжал упражняться в каллиграфии, думая про себя: «Какое это занудство – писательство. Это, наверно, и характер надо иметь соответствующий – занудный. Не даром говорят, что Толстой...» Тут послышался легкий храп. Я поднял голову от бумаги. Туша агента расползлась на стуле, голова его склонилась на грудь, на дорогой пиджак стекала ленивая слюна. На всякий случай я подождал еще пару минут. После паузы я занялся обстоятельным осмотром ящиков стола. В верхнем ящике не было ничего интересного: газета союза Михаила-архангела «Слово и дело», листок с последней речью Маркова-второго в ГосДуме и прочая макулатура. В среднем ящике уже было теплее: недоконченное донесение, в котором описывалась вербовка члена подпольной группы. Так, так! Новому агенту дана кличка «Идиот». Он – источник финансов группы, имеет выход на Тр-кого. Стоп. Это же я. «Идиот»? Какой же вы хам, Евстратий. Может, вас фотоаппаратом по голове приложить? Покойники очень вежливы.

Тут же валялись телеграммы. Первая: «Цирк выехал Два акробата дрессировщица Встречайте» Вторая: «Одессит обещал снять банк» Я сунул бумаги себе в карман и перешел к третьему ящику. Третий ящик разочаровал, в нем лежали одни фотопринадлежности. Моего опечатанного признания

нигде не было. Наверное, самые важные бумаги он держит при себе. Со смесью страха и отвращения я проверил карманы шпика. Извлеченные сокровища не стоили затраченных усилий. Кроме револьвера я вытащил грязный носовой платок, сургуч от пивной бутылки, испорченный бланк телеграммы и открытку с полуголой красоткой. Во время обыска туша шпика один раз поменяла позу, издала какой-то хрюкающий звук, но в сознание не пришла. Посему я решил не пороть горячку, успокоиться и осмотреться. Где-то же Евстратий прячет мое признание. Подошел к чайнику долить горячей воды, вокруг керосинки красовалось недельное скопление грязных чашек и тарелок, остатки еды. На отдельном блюде восседала завернутая в бумагу рулька. Засаленный листок показался мне знакомым. Это и было мое признание.

Я покинул логово Евстратия, прихватив бумаги и револьвер. Оскорбительное неуважение к моей персоне слегка омрачило торжество победы. «Ничего. Посмотрим, кто будет чувствовать себя идиотом завтра утром». В ближайшем сквере я торжественно предал огню свой донос и признание. Меня так и подмывало исполнить при этом победный танец молодого индейского воина, который добыл свой первый скаल्प.

Домой я возвращался с гордо поднятой головой и восставшей из пепла репутацией. Более того, я заметил, что стал каким-то дерзким: дважды не уступал дорогу, проходим мужского пола смотрел прямо в глаза. Видимо, ничто так не пре-

ображает человека, как наличие пистолета в кармане. Я шел и представлял себе, как выдерживаю дуэль взглядов с Кобой, а затем медленно целю ему в лоб. «В руке не дрогнул пистолет...» Анна поражена, смотрит на меня с восхищением и страхом, но я не достаиваю ее вниманием. Поздно, Анна Григорьевна, я сегодня не такой как вчера.

Впрочем, когда я пришел домой, перемен во мне никто не заметил.

– Вы в своем репертуаре, опять шлялись где-то, – вместо приветствия сказала Анна.

– Горбатого могила исправит, – поддакнул Коба.

– Вы для нашего дела все равно, что пустое место.

Анна была явно не в духе. Она продолжала, все более раздражаясь.

– Вы о чем-нибудь договорились с Троцким?

– Да, как вы и сказали, я согласился на его предложение следить за вами. Кстати, он готов напечатать статью по национальному вопросу. Это, конечно, не место в редакции газеты, но уже что-то. Хотя, возможно, это для усыпления вашей бдительности.

– Иуда. Прихлопну. Мокрое место останется. Всех, кто не с нами, прихлопну! – и Коба показал, как это сделает, крепко ударив по столу.

При словах «мокрое место» меня передернуло, вспышка злобы озарила мой мозг. «Ничего, – подумал я, – от любого может остаться мокрое место. Ты, Коба, тоже не из стали

сделан».

От удара подскочили и звякнули чашки. Анна поставила их на место, тут же быстрым движением взяла со стола какой-то конверт и убрала в рукав. Это меня заинтриговало.

—

Коба, — ласково проворковала Анна, — нам мало его прихлопнуть.

—

Я помню.

Мне пришла в голову идея проделать с моей примадонной тот же фокус, что и с Евстратием. Одна таблетка — и письмо у меня.

— Анна Григорьевна, будете кофе?

— Я кофий на ночь не пью.

— Я буду, — встрепенулся Авель, — а лучше местного пойла.

Оно, конечно, и в подметки не годиться нашему Цинандали, но все же... Нет. Не принесли? Странно. Тогда кофе.

Забавно, только этот пьяница почуял, что со мной что-то неладное. Но на него тратить драгоценное снотворное было бессмысленно. Покручивая мельницу для кофе, я рассудил, что фокус лучше отменить. Анна и так ляжет спать, без пилюль. Да и что я найду в этом письме? Зашифрованную абракадабру? Мне надо думать не об этом, а о том, как попасть за высокий забор клиники.

— О чем задумались, Сергей Константинович?

Я вздрогнул и обернулся. Анна пристально смотрела на

меня. Видимо, пыталась угадать, заметил я письмо или нет.

– Да, так ... Думаю, зачем Троцкому понадобился соглядатай. И что рассказать ему о ваших намерениях.

– Люди с нечистой совестью всегда подозрительны. Предатель и подлец подозревает в предательстве и подлости других.

– А он предатель?

– Кто не с большинством, тот предатель.

– Так что ему сказать?

– Скажи, что пишем статью и наслаждаемся Веной.

– Он не поверит.

– А нам это и не обязательно.

Бессмысленный разговор. Зато, поставив кофе на огонь, я уже знал, как попаду в клинику. Мне понадобится немецкая печатная машинка...

В спальне, раздеваясь, Анна умышленно уронила письмо на пол, затем демонстративно убрала его в сумочку. Возможно, это была ловушка: конспираторша надеялась поймать меня на ночной краже. Однако я охладел к ее секретам, своих дел по горло. Надо обдумать детали завтрашней операции. Через пять минут обдумываний я уснул.

3

«Т» пришел на сеанс возбужденным. Сказал, что получил письмо от матери. Она подозревает, что «Т» просто тратит деньги, а не лечится. Больше денег не будет, если она не по-

лучит подтверждения о лечении. Письмо повергло его в шок, он даже попытался вскрыть себе вены, но потом передумал. Руки его были перевязаны толстым слоем бинтов. (Очередной акт недо-самоубийства, чтобы вызвать жалость окружающих и мою.) «Т» размахивал своим ответом, пытался зачитывать его, задыхаясь от гнева. Целый лист бумаги был заполнен упреками, что мать его не любит, не доверяет ему и не верит в него. «Т» патетически восклицал, что погибнет без наших сеансов в пучине безумия. Они ему очень помогают. Спасают его. Он буквально на коленях стал умолять поставить автограф на письме с полным титулом и званием, а так же с печатью, если есть таковая. Видя его отчаяние, я поддался на уговоры и достал перо. Вся сцена со стоянием на коленях, признанием моего авторитета, просьбой не покидать его и завуалированным сводничеством к матери – очевидное доказательство того, что состоялся «перенос», как я его называю. Все непростые чувства пациента к родителю переносятся на лечащего доктора. Грубо говоря, я занял место его отца. Но не успел я объяснить это «Т», как он повалился на пол и забился в конвульсиях. Его лицо свела судорога, изо рта пошла пена. Я попытался удержать его, чтобы он не разбил голову о шкафы, но сам упал рядом. Между нами началась какая-то нелепая борьба. В моей голове пронеслось, что это похоже на истерический припадок с имитацией полового акта. Прибежала служанка. Она сумела разжать пациенту зубы, влить валерьянку и всунуть ложку, чтобы тот не отку-

сил себе язык. Слава богу, зачем-то вернулся пациент «С». Втроем мы кое-как придавили «Т» к полу и дождались, пока он не утих.

Когда состояние улучшилось, я снова взялся за перо. Необходимо было обследование у невролога. Я направил «Т» к моему знакомому в университетскую клинику, неподалеку. Приступ прошел так же быстро, как и начался. «Т» встал, ничего непонимающим взглядом обвел комнату и спросил, что с ним произошло. Я хотел подробнее его расспросить об эпилептических припадках, но он сослался на слабость, взял свое письмо, мою записку, автограф и вышел. «С» великодушно согласился проводить его.

4

Шандор подоспел вовремя, я уже устал имитировать припадок. Силы были на исходе.

– Вы были неподражаемы. Все было так правдоподобно! Я чуть сам не поверил, что у вас эпилепсия! – рассыпался в комплиментах мой сообщник, когда мы сели в пролетку.

– Мне самому на мгновение показалось, что припадок начнется по-настоящему.

– Пена повергла меня в ужас!

– Это было не сложно. Немного соды и уксуса, – я продемонстрировал помятый бумажный кулек и маленькую резиновую грушу для спринцевания. – Во рту, правда, ужасно отвратительно. Зато мои страдания не напрасны. Вот это стоило того.

Я извлек драгоценный автограф доктора Фрейда.

– Теперь соединяем его подпись с этим письмом.

– Что это?

– Утром я настучал на печатной машинке от имени доктора послание в клинику. Мол, не поддается психоанализу, эпилепсия, вероятны органические нарушения, требуется медицинское вмешательство.

Добавляем направление на осмотр – и, ву-а-ля, пропуск в клинику готов. Ну, я так думаю. Вы будете адвокатом семьи, подтвердите, что лечение будет оплачено.

– У вас есть печатная машинка?

– Даже две. С немецким шрифтом и русским. Одолжил у знакомых.

Шандор скептически взглянул на состряпанные мной документы и покачал головой.

– Чистая авантюра. Как адвокат вам говорю. Если все получится, то история будет достойна оперетты! А что у вас с руками? Бинты, кровь! Порезались?

– Это для убедительности. Пусть думают, что я склонен к самоубийству. Кровь не моя. В бинтах спрятана пара сюрпризов.

– А это что? – Шандор указал на сверток, с которым я не расставался.

– Это маскарад для Авроры. Я подумал, что ей понадобится платье надзирательницы. Перекинете его через забор, с глухой стороны? А то я вряд ли смогу его пронести с собой.

– Точно оперетта! Оперетта с переодеваниями! Но...

– Что «но»?

– Есть риск. А если ни вас, ни ее не будут выпускать из здания? Запрут в палатах? Тогда вы не доберетесь до платья.

– Как же мне его пронести?

– Да, это задача.

И мы погрузились в раздумья. Через несколько минут мой товарищ по заговору резко натянул поводья, и мы остановились. Он повернулся ко мне с торжествующим лицом, сияя, как пятак.

– Эврика! Я знаю, как вы его пронесете! У меня есть племянник. Он не расстается со своей мягкой игрушкой. Заснуть без нее не может. Мы купим вам похожую игрушку. Какого-нибудь зайца или медведя. Выпотрошим ее и засунем туда платье. Единственное «но»: племяннику всего 4 с половиной года, а вам...

Идея показалась мне сомнительной. Но как говорил один хитрый социалист на маевке, «надо всеми силами поддерживать революционный энтузиазм масс». Говорил он, правда, не о мягкой игрушке, а винном погроме...

– Что ж, – сказал я, – а давайте попробуем. – Только придется разыгрывать полного идиота. Как бы меня не разоблачили. Причем на начальной стадии операции.

– Зато, если получится, платье будет у вас под рукой. И вас, как полного идиота, впавшего в детство, будут меньше опекать. А то подумают, что вы буйный, свяжут и запрут в

чулане.

– В этом есть резон. Решено, едем за игрушкой.

Найти игрушку подходящего размера оказалось не так-то просто. Когда же мы, наконец, натолкнулись на целую полку с нужным товаром, выяснилось, что Шандор не зря ходил к доктору Фрейдю: он не мог выбрать между игрушками. Схватит одну, бросит. Схватится за другую, решительно пойдет с ней к кассе и вдруг, опять вернет игрушку на полку. Так он перетаскал и перетискал несметное количество медведей, зайцев, лошадок, одного волка, сову и даже, совершенно неподходящего для наших целей, жирафа. У меня же из рук он вырывал игрушки прямо с каким-то остервенением. «Вы не понимаете, как это важно!» – шипел он. Я уже начал паниковать, что мы теряем время, что я доверил свою судьбу сумасшедшему, но тут Шандор вдруг остановился. «Вот то, что нужно!» И он с торжественным видом вручил мне розовую свинью. «Свинья приносит удачу!» Я молча взял подарок.

За городом я безжалостно выпотрошил хавронью, несмотря на жалобные стоны Шандора. Затем, извалял ее в пыли, чтобы она хоть чуть-чуть походила на старую, затасканную игрушку. Платье спряталось в ней идеально.

Несмотря на то, что подготовились мы идеально, тревога овладела мной, когда мы достигли клиники. Причем я не мог понять источник тревоги. То ли я боялся не попасть внутрь, то ли наоборот, именно попасть туда! Я боялся и

провала операции и самой операции. Но проявить малодушие на глазах у Шандора я не мог. Тем более мой соучастник, чем ближе мы приближались, тем более воодушевлялся. Я же с приближением все больше и больше нервничал. Когда мы вышли из пролетки, играть нам было уже ничего не надо. К воротам подошли: пышущий здоровьем и благородием адвокат и абсолютно больной неврастеник с безумием в глазах. Мой адвокат потребовал немедленной встречи с главным врачом клиники. Он потрясал состряпанными мной бумагами и выглядел очень убедительно. Я, на всякий случай, пустил слюну и сделал со свиньей тур вальса. Охранник ушел в свою стеклянную будку, щелкнул тумблером и что-то проорал трубку. Ого, клиника оснащена по последнему слову техники: электричество, аппарат Белла! Вернувшись, он сказал, что профессор не принимает, и что мы можем обратиться в другую клинику. Мест нет. Не успел я расстроиться, как Шандор разразился гневной речью. Он угрожал адскими муками и светским скандалом. Обещал пойти в суд, в газеты и даже в парламент. Он намекал, что моя семья настолько богата и влиятельна, что клинику закроют, если мне не найдется в ней место. В заключение он заявил, что просто не уйдет отсюда, пока его не примут. Впечатленный охранник вернулся в будку к аппарату связи. Через десять долгих минут к нам подошла медсестра. Она была почти вылитая копия той, что конвоировала Аврору. Тоже бульдожье лицо и тупой равнодушный взгляд. Мы последовали за ней.

Через несколько минут аллея свернула, и нам открылся вид на широкую, залитую солнцем лужайку с особняком в стиле ампир. Особняк совсем не походил на тюрьму для умалишенных, какую я себе нарисовал в уме. Никаких решеток на окнах. И все же именно здесь держат в заточении мою Аврору. В прочем, может и не в заточении: несколько пациентов в халатах бродили среди клумб или сидели на скамейках. Я стал напряженно вглядываться в их фигуры, надеясь увидеть знакомые черты. Тщетно. Тогда я перенес все свое внимание на здание, пытаюсь угадать, где ее содержат. Вряд ли на первом этаже, там обычно залы. Большие окна были частью распахнуты. На втором этаже окон было больше, они были наглухо закрыты и все зашторены. Может быть, это кабинеты или палаты. На третьем этаже, под самой крышей, было всего пять полукруглых маленьких окон, наглухо закрашенных. Скорее всего, там складские помещения. Пока мы шли, Шандор, не переставая, восхищался парком, цветами, особняком. Но даже он умолк, когда мы подошли к двери клиники. Я же от волнения и вовсе перестал прикидываться идиотом. Вот она цитадель зла! Темница моей Рапунцель! Мы вступили внутрь, поднялись по лестнице и пошли по бесконечному коридору. Череду белых дверей, больничный запах, больничный свет подействовали на меня угнетающе. Навалилась такая тоска, какой я не испытывал с детства, когда ездил в больницу к отцу. С трудом я отогнал малодушную мысль повернуть назад. Наконец, женщина-буль-

дог остановилась и властно указала нам на дверь.

Встретили нас там, как и следовало ожидать, неприветливо. Только Шандор, нацепив свою широкую улыбку, начал разговор, как его грубо прервали. Лысый доктор с каким-то пергаментным лицом, не вставая из-за стола, махнул раздраженно на него рукой:

– Не надо мне ничего объяснять. Я решил принять вас из вежливости, чтобы лично вам сказать: клиника не возьмет вашего подопечного. На этом все. Меня ждут пациенты.

Тут я узнал, что Шандор Батори, как адвокат не зря ест свой хлеб. Он смог задержать доктора на целую минуту. Душераздирающая история об отчаявшемся юноше, который проводит время между припадками эпилепсии и попытками самоубийства, об измученной семье, которая не знает, к кому еще обратится, растрогала бы любого, но не доктора:

– Увольте меня от этих мелодрам.

– Нет! Я не дам вам уйти от вашего долга! Почитайте эти письма его матери! – патетически восклицал Шандор, потрясая перед немцем (явно немец, австриец бы предложил кофе) моими славянскими каракулями. – Сколько в них горя!

– У меня здесь клиника, а не театр! – огрызнулся доктор, пытаясь прорваться к двери.

– Вы последняя надежда. Все европейские светила науки потерпели фиаско. Остались только вы. Даже знаменитый Фрейд не смог ничего поделать. Этот великий ученый признал свое поражение!

Доктор встал, как вкопанный, затем тихо, почти шепотом переспросил:

– Кто?

Мой адвокат впервые стушевался.

– Фрейд.

– Как вы его назвали? «Знаменитый»? «Великий ученый»? Я не ослышался?

Шандор побелел. Доктор наступал на него с явным намерением разорвать на тысячу мелких кусочков.

– Это великий шарлатан, а не ученый! Знаменитый шулер, ясно вам! Площадной факир! Чем он занимается, я вас спрашиваю? По снам гадает!?! Дайте сюда! – с этими словами разбушевавшийся враг психоанализа выхватил у моего адвоката бумаги. Он мельком пробежался по фальшивому письму от Фрейда и его уже совсем не пергаментное, а покрасневшее лицо расплылось в торжествующей улыбке:

– Ага! «Органическое поражение»! «Необходимость хирургического вмешательства»! Ха-ха. Это полная капитуляция шарлатана! Я это, с вашего позволения, оставлю себе. Вот, что, – доктор вернулся за стол и встал в торжественную позу, – я буду лечить вашего подопечного! На следующем психиатрическом конгрессе я предъявлю его здоровым. Его и еще одну бывшую пациентку этого, с позволения сказать, врача. Все ученое сообщество увидит, чьи методы эффективнее: разговоры доктора Фрейда или скальпель доктора Кристиана Иоана Вульфа! – и он ткнул в себя пальцем.

Я мысленно поздравил себя с первым успешно-пройденным этапом операции. Но слово «скальпель» резануло мой слух.

Доктор Вульф позвонил в колокольчик. Вошла медсестра-бульдог.

– Определите это в шестую палату и проведите предварительные процедуры.

5

Когда ничего не знаешь наперед, готовься к неожиданностям. Эта мудрая мысль пришла мне в голову, как всегда, слишком поздно. Вместо палаты, которая действительно была на втором этаже, меня первым делом повели в подвал, где меня ждала экзекуция под названием «душ Шарко». Это и была предварительная процедура. Как сказала медсестра, это для чистоты и для порядка. Строгий режим – основа душевного здоровья. Как я узнал позднее, душ Шарко использовался для успокоения нервных больных. Меня же перспектива водных процедур сильно возбудила, все мои запасы таблеток растворятся и утекут с водой. Я вежливо заметил, что у меня свежие порезы на руках, они могут открыться. Моя надсмотрщица рявкнула, что порядок есть порядок, что меня потом снова перевяжут, и еще раз предложила раздеться. Я отказался. Она дернула шнурок колокольчика, и через несколько минут в дверях появилось двое громил. На бульдожем лице появилась усмешка. Мне молча показали на вешалку и дверь душевой. Надсмотрщица не сомневалась, что

теперь я стану тих и послушен. Просчиталась. Через пять минут борьбы мы все четверо поняли, что снять одежду с человека без его желания не так-то просто. Несколько ссадин на голове и ребрах, вывернутые и связанные за спиной руки, но все равно, мой костюм остался на мне. Увы, кроме спущенных брюк. Медсестра больше не ухмылялась. Лицо было искорежено злобой. Громилы, тяжело дыша, достали из шкафа длинные палки с петлями для ловли бешеных собак. Мы еще немного поиграли в догонялки, но вскоре меня уже волокли на экзекуцию. И вот я стою на коленях под ледяным душем, на шее две петли, руки и ребра нестерпимо болят, в лицо мне плюются трое палачей, но мне весело, ведь победа на моей стороне. Господи, спасибо тебе за каучук, и сэру Макинтошу за его изобретение. Я дрожу весь мокрый, но, кажется, один из бинтов у меня сухой. «В борьбе обретешь ты счастье свое! Аминь!»

Руки мне развязали и сняли петли с шеи, только когда толкнули в палату. Как только за мной захлопнулась дверь, я сорвал мокрую одежду и начал осторожно разматывать бинты. Десяток пилюль с левой руки оказались сухими. Их я спрятал в подушку. Из-под бинтов правой руки я извлек только два размокших комочка. Из них я слепил одну полноценную таблетку. Бритву спрятал под матрас. Теперь можно и оглядеться. Моя палата была похожа на тюремную камеру. Единственное окно было обезображено решеткой. Оно выходило не на парадную сторону, а на задний двор. Решет-

ка испортила мне настроение. Побег через окно отменяется. А я ведь на это рассчитывал, когда разглядывал фасад клиники. И вдвойне обидно, что я не захватил с собой пилку. Сколько раз я слышал истории о побегах с ее помощью, мог бы вспомнить вовремя своих приготовлений. Ладно, все равно, чтобы перепилить решетку, нужны дни, а то и недели, а у меня столько времени нет. Долго горевать об упущенных возможностях мне не дали. Дверь распахнулась. Вошел доктор Вульф в сопровождении медсестры. Громилы остались за дверью.

Доктор заговорил тихо, с явной неприязнью:

– Мне сказали, что вы понимаете по-немецки, господин Тараканов. Это хорошо. Я буду говорить один раз. Советую вам прислушаться к моим словам. Ваша семья через поверенного только что заплатила за ваше лечение.

«Бедный Батори. Он, наверное, разорился. Надо обязательно ему вернуть деньги, когда я отсюда выйду с Авророй», – оптимистично подумал я.

– Поэтому вы будете находиться в моей клинике столько, сколько нужно. Здесь есть правила. Простые, но очень полезные для вашего здоровья: вы делаете все, что вам скажут. Такое правило. Вы видели людей перед зданием? Они могут гулять, потому что хорошо себя ведут и слушаются медсестер. Сейчас у вас есть выбор: или вы сейчас сами выпиваете это лекарство, или вам его введут насильно.

Доктор поставил передо мной на табуретку стакан воды

и какую-то таблетку. Видя, что я молчу и не двигаюсь, он щелкнул пальцами. Медсестра подала ему корявую, местами ржавую, жестяную воронку. Улыбаясь, этот палач показал ее мне.

– Это грубое приспособление. Часто во время кормления с ее помощью повреждаются зубы. А зубного врача у нас как раз и нет. Боль будет сопровождать вас все оставшееся время.

Я задумался.

– Ну же. У меня мало времени и много пациентов. Я вам не доктор Фрейд, – поторопил меня Вульф.

– Когда меня покормят? Я хочу есть.

– Неправильная реплика, – доктор махнул рукой, и громы вошли в палату.

– Не надо. Я все понял.

Таблетка растаяла во рту отвратительной горечью. Подержать ее за щекой, пока все не уйдут, не вышло, пришлось срочно запить водой. «Наверняка это снотворное», – мелькнула уже затуманенная мысль. Я обхватил подушку, чтобы помешать ее обыскать. Хотя бы попробовать. Сон ватным облаком навалился на меня. Звуки стали глухими и далекими, заодно потерявшими всякое значение. Я попытался выбраться из этой ваты, барахтался изо всех сил, но вскоре руки и ноги перестали двигаться. Меня как будто запеленали, плотно, словно младенца. Затем наступило ничто.

Вата странным образом гудела. Постепенно гул стал звон-

че. Еще звонче. На конец, он сгустился в слова. «Пора», – прозвучало откуда-то сверху. В нос ударил резкий запах. Я с трудом открыл глаза. Надо мной висела бульдожья морда медсестры. За ней склонились громилы. Я попробовал пошевелить руками и ногами. Не получилось. Один из громил взял меня за шкурку и привел в вертикальное положение. Оказалось, что я действительно замотан в смирительную рубашку.

– Доктор ждет вас. Аппарат готов. Прошу, без фокусов. Хотя какие в вашем положении фокусы? – сестра ухмыльнулась.

– Рано. Он еще сонный, – с сомнением сказала гора мускулов, что поддерживала меня за воротник.

– Ничего. Сейчас он получит заряд бодрости, – оскалась ответила ей вторая.

Меня бросили в кресло-каталку и вывезли из комнаты. Путешествие было недолгим. На лифте мы поднялись на третий этаж. Лифт был электрическим, Вульф шел в ногу с прогрессом. В коридоре стояла мертвая тишина. Я не слышал даже шагов своих сопровождающих. Но только дверь открылась, как на меня обрушилось жужжание динамо-машины. Доктор обрадовался моему прибытию, как будто сто лет не видал старого друга. Он был сильно возбужден.

– А вот и снова вы! Добро пожаловать в мою святая святых! Как говорил мой учитель, профессор Шнайдер из Швейцарии, надо ловить мышей, как только они завелись. Я

решил немедленно приступить к вашему лечению. Кстати, мой учитель однажды вылечил от эпилепсии одного русского. Ха-ха, тоже князя. Теперь моя очередь. Думаю, я добьюсь результата гораздо быстрее. Прогресс не стоит на месте. Вы любили в детстве историю про Франкенштейна?! Я обожал. Гальвани заставлял мертвую лягушку дергать лапками с помощью электричества, а Франкенштейн оживил токочеловека! Фантастика! Но мысль в целом правильная. Что мы есть? Клубок проводов с электричеством. Ваш Фрейд – идеалист, считает, что может лечить разговорами. Я же считаю, что если болит рука, надо лечить руку, если болит голова, надо лечить голову. Мозг. Знаете, вот тут есть кнопка, которая включает речь, – на этих словах он постучал по моему левому виску. – Если ее посильнее нажать, вы не сможете говорить, хотя будете понимать, о чем речь. Это центр Брокка. А чуть дальше есть другая кнопка. Если ее нажать, то говорить вы будете охотно, но понимать, что говорите или слышите, нет. Это центр Вернике. Я бы с удовольствием нажал вашему Фрейду на обе кнопки. Нет никаких сновидений, есть нервные электрические импульсы. Болезнь – это неправильные импульсы или неспособность нервов их передавать. Что такое импульсы? Это команды. Я учу правильно понимать команды. Я уже вылечил одного пациента от бешенства. Теперь он правильно понимает команды.

Вульф говорил увлеченно, как будто репетировал свою речь на психологическом конгрессе, но я плохо его слушал.

Все мое внимание было приковано к широко раскрытым глазам, с немигающим взглядом, в которых застыл ужас. Такие глаза я видел до этого всего один раз и уже не забуду никогда. Глаза коров на бойне в родительском имении. Эти глаза готовы были выскочить из орбит. Лица было почти не видно. Лоб стягивала широкая кожаная повязка с медными клеймами, к которым тянулись провода. Рот заткнут огромным кляпом с кожаным ремнем. Ремень крепился к изголовью толстого, грубого дубового кресла. Голое худосочное тело намертво было примотано к спинке, руки к подлокотникам, ноги к ножкам этого адского трона. На руках и ногах были медные браслеты. Доктор перехватил мой взгляд.

– А! Это. Это мой аппарат. Я его, шутя, называю «трон Франкенштейна». Очень эффективное средство от нервных болезней. А это пациент, который очень близок к выздоровлению. Да что я все говорю, да говорю. Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Правда?

Доктор резво подскочил к рубильнику и нажал на рычаг. Тело в кресле забилося в страшных конвульсиях. Оно дергалось с какой-то страшной, противоестественной скоростью и частотой. Животный страх охватил меня. Я пытался убежать. Только бы спастись отсюда. Только бы спастись. Забыл, зачем сюда проник с таким трудом, забыл про Аврору.

Я заверещал, как резанный:

– Не надо! Я пошутил! У меня нет эпилепсии! Я пошутил! Отпустите! Умоляю!

Но крепкие руки уже тащили меня к креслу. Ноги стали ватными, почти не слушались. Доктор смотрел на меня ласково.

– Кстати, когда мы вас вылечим, вам больше не понадобится это, – он достал из кармана мою бритву.

– Вам даже в голову не придет убить себя. Ха-ха. Расслабьтесь. Не нервничайте. Все будет хорошо.

6

Я очнулся в темноте. Было тихо и хорошо. Потом я начал различать стрекотание сверчков, светлый силуэт окна, край железной кровати, дверь... Я вспомнил, где нахожусь, и мне стало плохо. Я вспомнил, как пытался увернуться от кляпа. А медсестра сказала, что первые пациенты проходили процедуру без кляпа и откусывали себе языки. Вспомнил тошнотворный запах и вкус войлока во рту. Вспомнил свои слезы. Вспомнил свой страх. Вспомнил свои унижительные мольбы. От этих воспоминаний мне стало совсем плохо. Невероятная злоба захлестнула меня. Я понял, что покинуть эту больницу, смогу только после мести. Еще я понял, чем меня поразило тот взгляд собрата по несчастью. В его взгляде была не только боль, но и удивление. Вскоре я сам был полон удивления, испытав неизведанную прежде боль от электричества. Одно только воспоминание об испытанном шоке, заставило меня вцепиться зубами в подушку. Подушка. Я порылся в ней и нашел свои таблетки. Зачем они мне? Как они мне по-

могут? Только сейчас до меня дошло, что мои руки развязаны. На полу, в углу валялась моя плюшевая свинья. В окно светила луна, тень от решетки тянулась по всей палате. Так и подмывало завывать на равнодушное светило, заломив волчьей голову.

– Ну, что Серый, выть хочется?

Я вздрогнул. Голос был такой знакомый и такой родной. Я его не слышал уже тысячу лет.

– Обложили тебя, Серый, флажками. Как щенка сцапали.

Из темного угла вышла фигура в больничном халате, с дурацким колпаком на голове. От страха я натянул простынь на голову.

– Не обоссись только. Что за тряпка, посмотри на меня – безглаголиво продолжил голос.

Я опустил простынь и увидел его:

– Адский демон! Твою мать! Отец?! Как ты здесь оказался?

– Как оказался, как оказался. А ты не помнишь? Заверещал тогда ночью, когда мы с Грушей того... Мать прибежала... Как-то после охоты простудился, ревматизм стал мучить. Шурин микстуру одну предложил... А через годик меня в сумасшедший дом определили. По настоянию дрожащей супруги, по свидетельству дядек твоих. Такой сюжетец.

– Но тебя похоронили...

– Ну, похоронили. Что с того. Ладно, речь не обо мне, а о тебе. Обидно смотреть на тебя. Эх, Серый, Серый. Я хотел

вырастить из тебя матерого волка, а получилось мокрое место. Что с этим делать, вот в чем вопрос.

– Да пошел ты к черту, папаша! Это все из-за тебя. Мне доктор рассказал. Ты Грушу раком, да еще с хлыстом, а я ее сам хотел того...околачивать. Ты у меня любовь отнял. Поэтому я с тех пор такой грустный. Нет бы, маман по ночам своими затеями радовать. Я б тебе слова не сказал. Все были бы при своих. Ты при маман, я при Груше.

– Ишь, ты, губу раскатал. Грушу ему! Тебе скоро вообще девушки не понадобятся. Мозги окончательно прожарят, будешь, как мерин безмозглый, здесь на лужайке пастись.

Вот, зачем ты сейчас приперся? Зачем ты мою душу отравляешь думой, когда мне и так хреново? Изыди, галлюцинация!

Отец поежился, встал, запахнул обшарпанный халат и пошел обратно в темный угол. На полпути обернулся и произнес со своей вечной ухмылочкой:

– А ты повой, повой. Может, полегчает.

После этих слов тень поглотила его. Мне стало так плохо и одиноко, что я действительно завыл. Завыл сначала тихо, а потом громче, громче, и наконец, завыл в полный голос. Мне показалась, что от моего воя луна стала ярче. Вдруг я услышал, что кто-то мне подвывает. Собрат по несчастью. Я подошел к окну поближе и продолжил свою партию с удвоенной страстью. И тут в наш волчий хор начали вливаться новые голоса. Слева, справа, выше, ниже; яростные и жалостливые,

хриплые и звонкие. Были на все лады и тональности. Вскоре, казалось, что вся больница стала одной большой стаей. Послышался топот охранников. Сначала они просто стучали по дверям, но видя, что ничего не помогает, начали вламываться в палаты и избивать воющих. Хор постепенно умолкал. Пришла моя очередь, дверь распахнулась, на пороге появилась медсестра в сопровождении громилы. Я встретил их с широкой улыбкой:

– Здравствуйте, дорогие зрители и слушатели. Специально для вас и вашего богоугодного заведения всего один раз выступает знаменитый артист больших и малых театров, член РСДРП, князь Тараканов!

Я затынул, увертываясь от громилы, «Смело, товарищи, в ногу. Духом окрепнем в борьбе. В царство свободы дорогу грудью проложим себе!»

Салочки – замечательная игра! Можно играть и днем и ночью. Медсестра тоже захотела побегать. Пришлось перейти на плясовую. «Барыня, барыня! Барыня, сударыня!» Бег по палате стал быстрее. Я начал скакать, распевая «Эх, яблочко! Куда ты катишься!» Пел не долго. В палату прибежал еще один охранник. Он вступил в игру неожиданно, не спросив у меня разрешения. Он засалил меня подло, в спину, врезав со всего маху кулаком. Меня повалили на пол. Придавили коленом. Пришлось замолчать. Зачем все это я устроил? Зачем этот нелепый спектакль? И тут я понял зачем. В окно серебряным дождем откуда-то с третьего этажа полилась неж-

ная тихая песня: «Брудер майн, брудер майн...» Раньше веселее голоса я не слышал, теперь он был печальнее похоронного марша. Голос прерывался рыданиями, но продолжал... «мин херц Тристан...» Я собрал все силы и прокричал, даже не пытаясь вспомнить арию: «Изольда! Жди меня! Одна жизнь, одна смерть!» Я потерял сознание с чувством выполненного долга.

7

Утро влетело в окно веселым теплым ветерком. Я проснулся. Солнечные зайчики скакали по всей палате. За решеткой шелестела листва, щебетали птицы. Казалось, еще чуть-чуть чуть и зазвучит вальс Шопена. Но сейчас не время для благодущия. Я вымел прочь все это розовое настроение из головы. С мрачной решимостью я ждал завтрака. Только приведите меня в общую столовую. Ночной волчий концерт покажется вам милой шалостью. Я вам устрою бунт по случаю гнилого борща, метание тарелок, охоту на повара. Вы у меня получите восстание на броненосце «Потемкин». Точно получите! Ночь показала, что люди созрели для большого общего действия! Вместе даже психи – страшная сила. Я свергну с этой силой власть в больнице и вырвусь с Авророй на свободу!

Дверь открылась. Вошла медсестра. Не та, что была вчера, но лицо все тоже бульдожье. Специальная порода для психбольниц? Где их разводят? За ней выросли два мордovorота, тоже незнакомые. «Новая смена», – догадался я. Медсестра

прошествовала с подносом к моей тумбочке. Один громила сопровождал ее, другой остался в дверях. Передо мной поставили алюминиевую миску с какой-то похлебкой и алюминиевую кружку с водой. Гопля! Общий завтрак отменяется, а с ним и восстание на броненосце «Потемкин». Все пропало! «Человек предполагает, а Бог располагает», – как говорила няня, когда я хотел варенье, а мне приносили пюре. В замешательстве я поводил ложкой в жиже, которую мне представили как рагу. Медсестра повернулась к двери. План родился молниеносно. Это был даже не план, а порыв отчаяния.

– Что это за отрава?! Я эту гадость есть не буду! Меня от нее тошнит! Зовите вашего главного врача! Иначе я объявлю голодовку! Вы получите мой труп с судебным иском, а не выздоровление клиента!

Речь произвела впечатление. Медсестра на секунду остановилась, затем, не говоря ни слова, вышла.

Я ринулся к подушке, вытащил из нее снотворные пилюли и высыпал их большей частью в похлебку, а остаток в кружку с водой. Оставалось ждать и надеяться. Я ждал и надеялся, размешивая по очереди содержимое тарелки и кружки. Шанс есть. Малюсенький, но есть. Шанс, что Вульф придет. Что придет именно тогда, когда растворятся таблетки. Не придет Вульф, придумаю что-нибудь еще. Не знаю что, но придумаю. Обязательно придумаю. Обязан придумать. Обязан. Вошел Вульф. Я еле скрыл свою радость от его появления. Чего не скажешь о Вульфе. Он был крайне раздосадо-

ван. Вместо «доброе утро» он сразу начал говорить гадости и угрозы:

– А, вы, оказывается, злостный нарушитель спокойствия! Знаете, что у нас бывает со злостными нарушителями?

– Мое спокойствие целиком и полностью зависит от хорошего со мной обращения. Конкретно сейчас, от хорошего завтрака, а так же обеда и ужина, – парировал я. – Меня, что всегда будут кормить этими тюремными помоями?

Тарелка с похлебкой звякнула об стол от моего удара. – Моя семья платит достаточно за мое содержание, чтобы на столе у меня была приличная еда! За такие деньги мне фазанов можно приносить хоть каждый день!

– Фазаны для вас слишком тяжелая пища. Тяжелая пища вам противопоказана, она делает вас слишком нервным. Вам дают диетическое питание. Оно гораздо полезнее.

Я пошел в атаку. Все. Или пан, или пропал.

– А вы сами пробовали ваше полезное питание?! Пробовали? Оно отвратительно.

– Я полагаюсь на повара.

– Нет, вы попробуйте! Попробуйте прямо сейчас! Вы же ученый. Причем, настоящий. Вы не можете полагаться на чужое мнение, а только на личный опыт.

Грубая лесть сделала свое дело. Вульф засомневался. Уступить пациенту или не уступить? Показать твердость или объективность и великодушие?

– Ну, хорошо.

Он взялся за тарелку и брезгливо поднес ложку ко рту. Я жадно следил за ним. После первой пробы Вульф поспешил вынести вердикт.

– Вполне съедобно. Не вижу оснований для ваших претензий.

Одна ложка. Сколько в ней снотворного? Совершенно не достаточно даже для такой тщедушной особи, как Вульф.

– Съедобно?! – возмутился я. – Вы смеетесь надо мной?! Профессор, а давайте так: если вы съедите эту порцию целиком, то я все лечение буду тих и спокоен. Не издам ни единого возгласа возмущения. Вы не услышите от меня ни одной жалобы. Но если вы не сможете это съесть, то мой рацион будет улучшен. Согласны? Это отличный договор.

Вульф сделал шаг назад. Я испугался. Может я был слишком напорист? План провалится даже не начав исполняться.

– Профессор, разве я много прошу?!

Вульф пристально посмотрел на меня, словно пытался понять, что я задумал. От таких пронзительных взглядов у меня давно имелась отличная защита. Я состряпал максимально глупое выражение лица. В этом я был непревзойденный мастер. О пользе глупости я узнал раньше, чем прочитал Эразма Роттердамского. В гимназии о мою тупость разбилась не одна учительская атака.

Вульф заглотив наживку:

– Вы даете слово дворянина, что больше я вас не услышу?

– Да. Клянусь честью.

Доктор с торжественным видом приступил к похлебке. Диетическое питание явно не доставляло ему удовольствие, но он мужественно давился ради благой цели. В конце концов, он начал запивать водой каждую проглоченную ложку. Медсестра и санитары с сочувствием смотрели на шефа. Я – со злорадным возбуждением. Мне повезло, доктор оказался волевым человеком. На стол он поставил пустую тарелку.

– Отличное рагу, – еле сдерживая тошноту, уверил он меня. – Что ж теперь ваша очередь выполнять условия договора.

– Я восхищен, профессор. У меня последняя просьба: мы можем поговорить тет-а-тет? Мне очень нужно кое-что вам рассказать.

– У меня нет времени.

– Профессор, пожалуйста. Это ненадолго, но это очень важно. Это поможет в моем лечении.

– Я сам знаю, что поможет, а что не поможет. Все. Я и так потратил на вас слишком много времени, – упрямылся Вульф.

Пришлось прибегнуть к испытанному средству:

– Профессор, я не говорил об этом даже с Фрейдом. Хотя он изо всех сил пытался узнать мою тайну. Тайну моей семьи. Я не верил ему. Но вы другое дело. Я узнал вас, как человека слова. Вам я могу доверять. Буквально на два слова. Вы не пожалеете.

Тщеславие и жажда первенства сделали свое дело. Вульф

одним кивком головы дал согласие меня выслушать.

– Только, пожалуйста, один на один, – взмолился я искренне. – А то я стесняюсь. А еще лучше у вас в кабинете. Там, среди книг, в кабинетной тиши мне будет легче сделать признание. А потом я сам пойду в процедурный кабинет. Вашим санитарам не придется меня тащить туда силой.

Доктор зевнул и нетерпеливо махнул рукой.

– Хорошо. Пройдемте.

– А еще позвольте взять на процедуры мою свинку?

В коридоре он назидательно выговаривал медсестре:

– Видите, что можно добиться терпением и простой вежливостью? И не нужно всякий раз прибегать к силе.

Дойдя до кабинета, он попросил принести себе кофе.

– Так о чем вы хотели поговорить со мной? Вульф устало плюхнулся в кресло. « О чем с тобой поговорить? А черт его знает, о чем с тобой поговорить! Ишь, какой общительный », – я лихорадочно перебирал варианты, чем занять доктора, пока он не уснет.

– Я, профессор, вот по какому вопросу...

– Ну, же...

« Господи, по какому я вопросу?! Ну, засыпай же, Франкенштейн проклятый! »

– Как вам сказать...

– Скажите прямо. Мое терпение заканчивается. Если вы еще хоть минуту так промычите, то отправитесь на сеанс электротерапии прямо сейчас.

Это обещание быстро привело меня в чувство. Посиделки на электрическом стуле больше в мои планы не входили.

– Об этом я и хотел поговорить. Вы, профессор, вчера так интересно рассказывали про область мозга, которая отвечает за речь. Я подумал, а может, есть такое место в мозгу, которое того, управляет удовольствиями. Как вы думаете? Я хотел попросить...

Вошел санитар, принес кофе. Вульф приказал жестом мне заткнуться и обратился к этой горилле:

– Зайдите через пять минут. Отведете пациента на электротерапию.

Затем он снова повернулся ко мне, сонно хлопая глазками.

– Так о чем вы? Продолжайте. У вас пять минут.

«Без тебя знаю, что у меня пять минут! Что же ты не засыпаешь?» Глядя, как Вульф отхлебывает бодрящий кофе, я начал снова впадать в панику.

– Я о том, профессор, что может быть вы с помощью вашей чудо-машины возбудите мою зону удовольствия? Я, видите ли, в своей жизни никогда так настоящего удовольствия и не испытал. Об этом трудно признаться. Я даже Фрейдю не говорил. Сексуальное удовольствие прошло мимо меня. Может, до того, как вы вылечите меня от эпилепсии, проведете один сеанс...

– Вы хотите сказать, – Вульф, зараза, даже приободрился от такой темы, – что желаете получить с помощью моей ма-

шины ... оргазм?!

– Ну, да.

– Вы идиот. Я не знаю никакой зоны удовольствия. И не знаю, как ее найти. Хотя, если вы согласны на вскрытие вашей черепной коробки, то я готов ее поискать. Не обещаю, что найду, но обещаю, что очень постараюсь. Ха-ха.

– Вскрытие черепной коробки? Боюсь, это слишком высокая плата за удовольствие. А, может, сделаем по-другому. Доктор Фрейд говорил про эрогенные зоны на теле. Если их того... электричеством? Только ток сделать послабее...

– Фрейд, Фрейд. Заладили со своим Фрейдом...

Вульф наконец понял, что засыпает, и с удивлением посмотрел на чашку кофе.

– Ваш Фрейд – шарлатан.

На этих словах он и уснул, обмякнув в своем шикарном кожаном кресле.

Действовать нужно было стремительно. С минуты на минуту явятся санитары. Надо поменяться с доктором Франкенштейном одеждой, найти ключи от палат, порыться в картотеке и узнать, где держат Аврору. Я заметался по кабинету, начал вскрывать подряд все ящики. Но там было столько папок и бумаг, что рыться в них пришлось бы вечность. Тогда я ринулся к доктору. Обшарил карманы, но ключей от палат нигде не нашлось. Зато были два маленьких ключика, которые подходили к ящику стола и маленькому сейфу в ящике стола. В сейфе лежали флорины. Наверняка это плата за мое

неудачное лечение, подумал я, и с чистой совестью взял их. Я же уйду из больницы, за что же деньги? Шандор обрадуется, когда я ему верну всю сумму. Карманов, куда можно сунуть деньги, у меня не нашлось. Попытался раздеть Вульфа. Снял с него с грехом пополам халат. Понял, что в доктора переодеться не выйдет. Халат слишком мал. Снял свою долгополую смирительную сорочку с длинными, как у боярских шуб, рукавами и завязками на спине. Остался, в чем мать родила. Сорочка на Вульфа налезала с трудом. Вялые руки сонного человека не попадали в рукава. Я дергал докторишку с остервенением, он несколько раз ударился головой о свой прекрасный дубовый стол. Но проснуться после такой дозы не возможно. Время утекало катастрофически. Да, бог с ними, с завязками! Стянул на спине рукава и хватит! Пора подумать, что делать с тем, кто войдет. Я стал искать, чем оглушить гостя. Классического орудия убийства – тяжелого пресс-папье – не было. Императорского канделябра тоже. Стул неприподъемный, лампа легкая. Мой взгляд заметался по комнате в поисках нужного орудия. Безрезультатно. В отчаянии я тупо уставился на дверь, которая вот-вот откроется. Я знаю, что будет дальше. Стук в дверь. Входят санитары. Видят меня, доктора. Меня ловят. Сажают на электрический стул. Включают рубильник. Все, я пропал. Тушите свет.

Свет? Свет! Пожалуй, нас еще рано хоронить.

8

Даже обидно. Никто не оценит мою находчивость. Сани-

тар, когда вошел и увидел меня, долго пытался сформулировать вопрос, почему я голый и почему у меня в руке два провода. Наверно, если бы я ему дал несколько минут подумать, он смог бы спросить, что здесь происходит. Но мне надоело смотреть на его тупое и непонимающее лицо. Я нежно коснулся его проводами. Тушу сильно трянуло, она нелепо подергалась и упала на пол. Так громила ничего и не понял. Пару минут назад я разбил люстру, отодрал провод, идущий к ней, от потолка и стены, включил тумблер электричества и стал ждать.

Одежда санитаря была в два раза больше, чем мне нужно, но это лучше, чем куцый халатик доктора. К тому же, в его штанах и куртке было множество карманов, куда я распихал деньги. Ключей от палат у санитаря не было. Пришлось позвонить в колокольчик. Исполнительная медсестра не заставила себя ждать. Я тоже решил не тянуть время. Через секунду она уже лежала рядом с санитаром. Ключи у нее были. Парочку пришлось связать. Я их так тесно прижал друг к другу, что после того, как они очнутся, должны будут пожениться. В моей смиренной сорочке, без штанов и очков, Вульф уже не походил на чванливого профессора, каким был. Он выглядел, как типичный пациент своей клиники. Я бросил его в кресло каталку, которое предусмотрительно привез для меня санитар, и мы поехали навстречу передовым научным экспериментам. На коленях у него лежала моя тряпичная свинья, что делало Вульфа еще больше похо-

жим на идиота. Я решил не возиться с бумажками и не выяснять в какой палате Аврора. Просто буду открывать все двери на третьем этаже. Но сначала – процедуры, зарядка. Настроение у меня было приподнятое, какое-то головокружение от успехов.

Когда доктор был успешно водружен на «трон Франкенштейна», крепко стянут ремнями и заткнут кляпом, я пожалел, что поблизости нет фотографического аппарата, дабы запечатлеть эту картину. Я бы оставил дагерротип на память. Еще мне было слегка обидно, что доктор получит первый заряд бодрости без сознания. Не будет обмирать от страха в ожидании экзекуции, как я, просить о пощаде. Однако ждать, когда он проснется, у меня не было времени. Я нажал на рычаг. Стрелка на приборе измерения тока дернулась, доктор тоже. Достаточно. Сон, как рукой сняло. Доктор непонимающе вращал выпученными глазами.

– Еще раз здравствуйте, профессор! – поприветствовал я его. – Как вам, удобно? Ремни не жмут? Кляп не туго? Ну, ничего. Потерпите. Ради науки.

Вульф гневно заерзал на своем троне и замычал что-то угрожающее.

– Знаете, профессор, я считаю, что настоящий ученый должен на себе испытать свое изобретение. Вижу, вы со мной согласны. Что ж, приступим. Сейчас вылетит птичка.

Я опустил рычаг. На этот раз сеанс был чуть дольше. Мне самому стало жутковато от потустороннего жужжания элек-

тричества и трясущегося в конвульсиях доктора. Рука сама потянулась к рычагу. Вульф облегченно вздохнул.

– Я вижу, профессор, вы потрясены в буквальном смысле слова. Теперь вы понимаете, что чувствуют ваши пациенты. Интересно, от чего эта машина вылечит вас самого? Не знаете, есть в мозгу зона высокомерия? Думаю, за несколько сеансов мы вас избавим от этого недуга.

Я медленно потянулся к рычагу, Вульф что-то замычал.

– Что? Вы уже вылечились? Неужели? Так вас можно показывать на психологическом конгрессе. Можно сделать доклад о вашем чудесном выздоровлении. Вот только выглядите вы как-то непрезентабельно. Слюни пускаете.

Утолив жажду мести, я перешел к делу. Ослабил винт стягивающий кляп и вежливо спросил:

– А теперь, профессор, скажите, в какой палате содержится Аврора Ротшильд?

Но как только Вульф смог говорить, он начал бешено изрыгать проклятия в мой адрес:

– Мерзавец! Шайсен! Как ты смеешь, тупой идиот... я тебя...

– Вы, профессор, еще не выздоровели.

И не возвращая кляпа на место, я щелкнул рубильником. К жужжанию электричества добавилось клацанье Вульфа зубами. Когда я остановил машину, изо рта доктора шла кровавая пена.

– Так в какой палате Аврора Ротшильд?

– Вошемь.

– А?! Не понял?

– Вошемь! Во-шемь!

– Ах, восемь. У вас что-то с дикцией. Язык прикусили?

Как же вы будете выступать на конгрессе?

– Шкотина! Когда ваш поймают, я выжгу вам мозг!

– Какой вы, профессор, злой. Неисправимо злой. Но я не теряю надежды вас вылечить. Сейчас я поставлю реле на пять минут, ровно столько, сколько вы сами мне прописали, и пойду по своим делам, а когда вернусь, мы с вами оценим результат. Вам кляп поправить?

Я зашел за спинку трона, затянул ремни с кляпом и снова включил ток. Однако смотреть на конвульсии доктора мне было уже не интересно. Я летел навстречу своей любви.

Но сначала мне навстречу попала медсестра, она шла по коридору и подозрительно меня разглядывала. Я разволновался, вдруг у нее тоже есть ключи от процедурного кабинета. Не хватало мне преждевременной тревоги по всей больнице. Надо торопиться.

Я отпер дверь с цифрой «8» и игриво прикрыл лицо плюшевой свиньей, как маской.

– Ку-ку!

Не знал, что встреча с любовью может стать для меня страшным ударом. В следующий момент я оглушенный валялся на полу. Рядом со мной упала табуретка. Если бы не свинья, лежал бы я с проломленным черепом. Аврора скло-

нилась надо мной и деловито начала шарить по моим карманам. Я с трудом приподнялся на локте, она снова схватилась за табуретку.

– Аврора! Это же я.

Я снял дурацкую шапку санитара.

– Князь?

Аврора не сдержав радости, бросилась обнимать меня.

– Баронесса, задушите. Какая вы Изольда, вы скорее Кримхильда! Воительница.

– Да, я собралась спасти вас. Решила идти напролом. Я была так растрогана, что вы пришли за мной в больницу.

– Как я мог не прийти. Кстати, вы хорошо пели, с чувством. Это, вам.

Я протянул Авроре свинью. Моя воительница посмотрела на меня непонимающе. Под ее удивленным взглядом я разорвал игрушку по швам и достал платье медсестры.

– Немного мятое, но это лучше, чем халат пациентки. Преодевайтесь. Я отвернусь.

– Можете не отворачиваться. Это вам моя маленькая награда за подвиг. Первая.

Мне так много хотелось ей рассказать, но когда она скинула халат, я потерял дар речи. Голова закружилась, но это было не от удара табуреткой. Я упивался представшим зрелищем. Ради этого стоило пройти через любые испытания. На лице Авроры заиграла лукавая улыбка.

Дар речи ко мне вернулся только с последней застегнутой

пуговицей на платье.

– У меня для вас еще один сюрприз, – выдохнул я. – Вас этот палач в белом халате пытал током? Можете отыгратья.

– А, нет. Я сказалась больной. Попросила отсрочки. Этот чудной старикашка был так мил, что уступил моей просьбе. А что с ним?

– Прямо сейчас он дожаривается на электрическом кресле собственного изобретения. Я устроил ему сеанс ровно такой же, какой он прописал мне. Око за око. Но раз он вас не тронул, останется жить. Думаю, нам пора покинуть этот храм науки. Но перед этим надо сделать одно дело.

– Какое?

– Выпустить волков на свободу.

Я галантно распахнул перед Авророй дверь и вышел вслед за ней. Перед нами стоял полуголый Вульф в смирительном халате, за ним санитар и медсестра, та, которая встретила меня в коридоре. В руках санитара палка с петлей для ловли. Доктора било крупной дрожью, лицо его ежесекундно корежил тик, ноздри свирепо раздувались. Говорил мне отец-покойник: «Нельзя оставлять за спиной раненого зверя. Проверь и добивай».

– Не ожидали так быстро встретиться, больной? – с трудом, стуча зубами, проговорил доктор.

– Я вижу, процедура пошла вам на пользу. Вы прямо светитесь от счастья.

Из-за угла в конце коридора показался еще один санитар.

Это был старый знакомый. Он был в одних трусах и тер место электрического ожога. Я вытащил ключи из кармана и сунул Авроре.

– Открывай палаты. Ключ общий для всего этажа. Беги. Я задержу их.

Доктор понял мой план:

– Чего стоите? Хватайте этих бешеных!

Санитар шагнул в мою сторону. Я встал в боксерскую стойку, предлагая громиле честный поединок. Громила не принял мой благородный вызов и подло бросился на меня с палкой. Увернувшись от петли, я толкнул его что есть сил. Но не сдвинул эту тушу и на пару дюймов. Медсестра рванула за Авророй. Я ловко подставил карге подножку, она растянулась на полу. Надо было пнуть ее для профилактики, но у меня не поднялась нога на женщину. Вот бы где пригодилась моя опасная бритва. Сейчас бы взял эту дуру в заложницы и выиграл время. Но бритва осталась где-то в кабинете. Санитар сменил тактику. Теперь он просто хотел оглушить меня палкой. Попал пару раз, слава богу, не по голове. А то лежал бы я уже на полу, дергая ножками. Однако моя левая рука повисла плеткой. Подоспел второй санитар. Он явно жаждал мести, потому как хотел не столько поймать меня, сколько сразу избить. Двое на одного! Бокс быстро перешел в борьбу на полу. После яростного, но не продолжительного сопротивления, все было кончено. Один громила сидел у меня на спине и выкручивал руку, второй – лупил кулаками по че-

му попало. Медсестра пыталась надеть мне петлю на шею. Я завыл от боли. Но тут, неожиданно, мою руку отпустили, а через секунду прекратились удары. Раздался визг медсестры. Мое тело взлетело. Затем оно было аккуратно поставлено на ноги. Я оглянулся. Мне улыбался геркулес раза в полтора больше санитаров. В цирке такие гнут подковы. Он не напрягаясь сломал об колено палку для ловли и бросил ее вслед уползающей на карачках медсестре. Вытирая кровь с лиц, и, боязливо пятясь, отступали санитары.

– Первая палата открыта! – весело отрапортовала Аврора. – Держите оборону, иду за подкреплением! Сейчас здесь будет вся стая!

Она издала боевой волчий клич и побежала освобождать заключенных. Ей в ответ грянул по всей больнице страстный вой. Выли из всех дверей. Доктор испуганно поежился.

– Кажется, профессор, вы скоро вернетесь на свой «трон Франкенштейна», – приободрил я его.

– Это бунт. Я вызову полицию! – взвизгнул Вульф.

– Боюсь, к тому времени, когда она приедет, вы уже не сможете ничего ей объяснить. Где там, говорите, находится центр речи?

Доктор и его побитая команда медленно отступали. Мы, соответственно, наступали.

– Так и быть, профессор, не буду вас поджаривать. Бегите со своими недобитками. Бегите. Чего вы ждете?

Оказалось, доктор ждал подмоги. Она действительно при-

шла в виде еще двух санитаров и двух медсестер.

– А где Куртц и Фриц? – спросил доктор.

– Они бегут из другого корпуса, сейчас будут.

Наше наступление приостановилось. Завязалась драка. Три санитаров вцепились в моего соратника, как шавки в медведя. Периодически один из них отлетал, вопя и ругаясь от боли. Со мной бился тот самый санитар, которого я ударил током. Все-таки, какой злопамятный человек. Увидев, что чаша весов склоняется не в нашу пользу, медсестры расхрабрились и стали нападать на нас. Одна улучила момент и вцепилась мне в волосы. Ударить женщину я не мог, пришлось ущипнуть ее за грудь. Она взвизгнула и отступила. Покраснела еще, как будто я ей неприличное предложение сделал. Карга старая, кто тебе его сделает? На ее месте появились две другие. Пришлось отступать. Но отступали мы не долго. За нашими спинами раздался волчий вой в несколько голосов.

– Трое в бой! Один со мной! Открывать палаты второго этажа! – звонко командовала моя воительница.

Свежие силы подоспели вовремя, я совсем стал выдыхаться. Меня чуть было не взяли в плен. Теперь перевес был на нашей стороне. Особой яростью отличался один из вступивших в бой, у него были связаны смиренным халатом руки, но он пинался и кусался за троих. Противник дрогнул, стал отступать, отбиваясь палками. Победа была не за горами. И снова в конце коридора появились санитары. Видимо, те самые Куртц и Фриц, на которых возлагал надежду док-

тор. Понятно, почему. На их головах красовались шлемы, в руках были дубинки. Тяжеловооруженная пехота по сравнению с нами. Рано я торжествовал победу. Однако Куртц и Фриц не спешили пустить в ход свои дубинки. Пару секунд они постояли в нерешительности, вдруг развернулись и пустились наутек. К нам на всех парах мчалась разъяренная толпа освобожденных пациентов. В рядах противника началась паника. Доктор и его приспешники обратились в беспорядочное бегство. С гиканьем мы бросились в погоню. У самой лестницы пара медсестер и один санитар были настигнуты. Началась стихийная расправа. Из за этого на лестнице образовалась свалка. Это дало фору остальным беглецам. Санитары и медсестры меня не интересовали. Моя цель была доктор. Надо было не дать ему добраться до телефона. Когда мы с геркулесом пробились на второй этаж, было поздно. Доктор успел закрыться в своем кабинете. Причем не просто закрыться, а забаррикадироваться. Так что даже геркулес не смог выломать дверь. Слышно было, как доктор кричит в трубку на оператора, требуя соединить его с полицией. Нельзя было терять ни минуты. Я бросился назад, к своим.

– Сейчас здесь будет полиция! Надо бежать из больницы! Уходите! Бросайте вы этих несчастных. Слышите!

Те, кому была дорога свобода, бросились вниз, те, кому месть была дороже свободы, остались. Картина расправы слегка омрачила мне торжество победы. Однако спасти мучителей от разъяренных мучеников в мои планы не входило.

Я искал Аврору. Нашел ее на третьем этаже. В пустом коридоре она делала какие-то невероятные балетные па. Увидев меня, Аврора засмеялась.

– Это танец победы!

Затем она разогналась, взлетела в высоком прыжке и приземлилась прямо передо мной.

– Князь, вы заслужили это, – и одарила меня страстным поцелуем.

– Вы, Аврора, моя звезда пленительного счастья. Кстати, нам пора покинуть место битвы, докторишко успел вызвать полицию. Триумф отпразднуем позже.

9

–

Там, в палате, вы спрашивали, князь, хочу ли я отомстить? Да, хочу. Только не доктору. – Аврора говорила медленно, потягивая Токайское, удобно устроившись на диване. В гостиной Шандора Батори она снова стала томной светской львицей. Куда подевались: боевой кураж, азарт бегства, горящий взор, румяные щеки? Серая униформа медсестры сменилась шикарным шелковым платьем фрау Батори, слегка великоватым, но вполне подходящим. Сама фрау подавала нам кофе на подносе. Она с восторгом выслушала историю наших приключений и была готова, как и ее муж помогать «влюбленным голубкам» и дальше. Шандор находился в приподнятом настроении, особенно после того, как пере-

считал деньги, которые вернулись к нему с процентами. Видимо, в сейфе доктора лежали деньги не только за мое лечение. Время от времени Шандор важно поднимал палец и восклицал: «Я же говорил, что свинья принесет удачу!»

—

Я бы хотела отомстить человеку, который упек меня в эту клинику. Моему отцу.

После этих слов недобрая улыбка скользнула по ее прекрасному лицу.

— И поверьте, я знаю, как это сделать.

— Ради тебя я перегрызу горло любому, моя дорогая, — пылко откликнулся я. Некоторая доля в этой пылкости была результатом коньяка (Токай для меня слишком сладкий), но, в целом, я был искренен как никогда.

— Не сомневаюсь в... тебе... мой серый волк.

Я был благодарен ей и за то, что она перешла на «ты», и за лестное сравнение.

— Так вот, — продолжила она, — я попала в клинику, потому что случайно подслушала один очень важный разговор отца. Думаю, именно это стало каплей, переполнившей «чашу его терпения». Я собиралась с ним объяснить раз и навсегда, сказать, что я ухожу из семьи. Ждала этого домашнего тирана в его кабинете. Он вошел вдвоем с тем господином, что был в кафе. Забыла, как его зовут.

— Троицкий! — догадался я.

— Они напряженно о чем-то шептались. Мне стало неловко,

и я незаметно отступила за ширму, место, где мой отец ... оправляется. У него... а, неважно. Разговор шел не просто о деньгах. О деньгах отец и так говорит постоянно. Речь шла о забастовках на предприятиях отцовских конкурентов. В основном Нобилей. Где-то на юге России. Обязательно через месяц. Не позже. Отец очень интересуется нефтью в последнее время. Но если забастовки не заставят Нобилей остановить добычу нефти, то Троцкий должен предпринять крутые меры, вплоть до грабежа и диверсий. Троцкий назвал это «экспроприациями». Он сказал, что в партии есть специалисты в этом деле, но их сложно переманить на свою сторону. Отец отвечал, что именно поэтому дает столько денег. Еще Троцкий должен попасть в парламент, где должен лоббировать нужные отцу кредиты, военные и прочие заказы. Троцкий сказал, что это легко, так как партия социал-демократов в его руках.

– А ваш отец – хоть и злодей, но человек с размахом, – невольно восхитился Шандор.

– И как мы отомстим твоему отцу? – спросил я и тут же сам ответил, – Я могу сорвать сделку, сообщив о ней своим товарищам по партии. Троцкий врет, что партия в его руках. Там много людей, которые его ненавидят.

– Нет. Мы не просто сорвем сделку. Мы возьмем все себе. Я знаю, когда состоится передача денег.

– Это безумие! – воскликнул Шандор.

– Да. И здесь сидят достаточно безумные люди, чтобы

проверить это! – ответила Аврора.

Совсем недавно я бы придумал тысячу отговорок, чтобы не ввязываться в это дело. Опасная авантюра, серьезные враги. Сама мысль об этом пугала бы меня до колик. Я бы изворачивался, как червяк, а под конец сбежал бы или прикинулся больным, или запил.

Но теперь другое дело – я дрожал от возбуждения, как свора гончих перед охотой. Меня охватила какая-то кровавая радость.

10

«Т» не пришел на сеанс. Это в двойне досадно, потому что под давлением отца прервала сеансы и «Норма». И даже в тройне, потому что «С» резко регрессировал. Теперь он твердо уверен, что попал в самый центр политического заговора. На все мои вопросы он загадочно улыбался и говорил, что не может раскрыть мне тайну, так как дал слово молчать. На этом фоне «Т», даже со своим последним срывом и припадком, выглядел более здоровым пациентом. Меня, конечно, смущала эта внезапная эпилепсия, о которой он не упоминал до этого ни разу и полное отсутствие сопутствующих ей симптомов. Я надеялся все выяснить, когда придет «Т» с результатами врачебного обследования. «Т» не пришел. Врач, к которому я его направил, сказал, что к нему такой пациент не поступал. Одно из двух: или «Т» отвезли в какую-то другую клинику, или его эпилепсия носит

истерический характер. Последнее более чем вероятно. Мы вплотную подошли к разоблачению отца и его роли в ночных кошмарах. Возможно, припадок – это самонаказание за дурные мысли об отце. «Т» винит себя за то, что его родитель попал в больницу и там умер. Надо узнать, происходил ли такой припадок сразу после смерти отца. С другой стороны в болезни есть некоторое оправдание самого себя. «Я тоже болен, меня тоже надо пожалеть», – как бы говорит его припадок. К тому же, эпилепсия – наследственное заболевание, значит контрабандой просачивается очередное обвинение родителю – «я болен из за тебя». Однако, если я прав, и перенос эмоций с фигуры отца на фигуру врача свершился, то «Т» еще вернется на мою кушетку.

11

На следующий день меня так и подмывало забежать к доктору Фрейду, рассказать обо всем, что произошло. Но нет, в первую очередь дело. Мы договорились, что Шандор снимет нам с Авророй квартиру. Оставаться у него опасно, полиции известен его адрес. Я отправился за своими вещами. Представляю, как вытянутся лица товарищей, когда я им сообщу, что покидаю их дружную ячейку. Посмотрим, как они обойдутся без моих денег. Я нервничал только по поводу объяснений с Анной. Как ни как, какие-то чувства между нами были. Может, да. Может, нет. В конце концов, она легко найдет себе другую дойную корову. Я пересек двор под на-

шими окнами. Мне показалось, что шевельнулась занавеска. Вдруг заплаканная Анна сидит у окна и ждет меня? Однако представить заплаканную Анну у меня не получилось. Я легко взлетел вверх по лестнице. Дверь была открыта, я вошел. В следующий момент что-то обрушилось на мой затылок, кажется, собор святого Себастьяна. Я рухнул на пол, думал найти там осколки своего черепа. Не нашел, попытался подняться. Получил еще один удар и больше не вставал. «Смотри, не убей его, идиот!» – услышал я ровный голос своей бывшей примадонны. «Ага, заплаканная», – пронеслась сквозь боль насмешливая мысль. «Да я аккуратно», – донеслось откуда-то сверху. Голос принадлежал Авелю.

– Что такой злой? Расстроился, что тебе вина не принесли? – решил я разредить обстановку. В ответ получил еще один удар. «Кастет», – догадался я перед тем как потерять сознание. Сознание мне вернули, вылив на голову таз воды. Мокрого, меня подтащили к дивану и бросили на пол. Перед моим взором возникли сапоги Кобы. Все такие же грязные как и в первый день.

– Значит, ты продался Троцкому, – заговорили сапоги с акцентом.

– Нет, не значит, – ответил я и решил поговорить с Кобой лицом к лицу. Очередной удар вернул меня к лицемерию сапог. К сапогам подошли туфли.

– Где ты был весь вчерашний день?

– В психушке.

– Что?!

– В лечебнице доктора Вульфа для душевнобольных.

– Что ты там делал?

– Я ничего не делал. Со мной делали. Били электричеством.

– Подожди, Анна. Не перебивай. Не уводи разговор в сторону. Ты продался Иуда. Переметнулся. Говори.

– Конечно, продался. Троцкий пообещал тридцать серебрянников, он и продался, – гоготнул Авель. – Троцкий теперь много обещать может. Он же скоро будет при деньгах.

– Заткнись!!– хором крикнули Коба и Анна. – Авель, болван, я тебе язык когда-нибудь отрэжу.

– Ну, если наш князь продался Троцкому, значит он и так в курсе, – обиженно проворчал Авель.

И тут, лежа на полу, разглядывая сапоги Кобы и туфли Анны, я понял все. Возня вокруг «Правды», переговоры фракций и даже вся поездка в Вену – все это для отвода глаз! Главная цель – деньги Ротшильда! Мои товарищи просто узнали о передаче денег и следили за Троцким. Меня использовали, как подкидного дурачка. Послали к ренегату не для переговоров, а для слежки. Я же – единственный, кого он не знал.

Я перевернулся на спину и посмотрел на Анну снизу вверх. Такое ощущение, что надо мной нависла статуя. Она стояла руки в боки и смотрела на меня тяжелым чугунным взглядом. В этом взгляде не было ни капли любви. Теперь

она не играла.

– Я не понимаю, о чем вы. Я чист перед партией. Это вы что-то мне не договариваете. Дело ваше.

Я положил руки под голову, закинул ногу на ногу и с видом беспечного лежебоки стал ждать, что будет дальше.

– А, может, тебя просто придушить? – ласково спросил Коба, скручивая в веревку какую-то тряпку.

– Интересная мысль. А к Троцкому ты сам пойдешь? Или Авеля пошлешь? Придешь и спросишь про золото. Интересно, через сколько минут ваш друг исчезнет из города? Да он и не подпустит вас к себе. За милю вас учует. И плакали ваши денежки.

Коба в ответ промолчал. Он сверлил меня бешеным взглядом, но веревку крутить перестал. Я решил пойти ва-банк.

– А можно вопрос? Как вы собирались узнать время, когда банкир передаст золото Троцкому?

Немая сцена, как у Гоголя. Я еще полежал, понаслаждался произведенным эффектом, потом встал, отряхнулся.

– Ладно, я к Троцкому пошел. Кстати, я от вас съезжаю. Мне надо жить поближе к доктору. Здоровье пошаливает, знаете ли.

Я заявился к Троцкому. В моей разбитой голове созрела одна лихая мысль. Ее трудно было назвать планом, поскольку я даже не представлял последствий моего поступ-

ка. Но чутье подсказывало мне, что я прав. Троцкого, однако, не было. План пришлось отложить. Я накарябал на клочке бумаги записку: « Имею для вас пренеприятное известие. Встретимся в вашем любимом кафе, где вы любите ворковать с капиталистами в восемь вечера. Очень рекомендую быть. Князь Т.» Бумажку сложил вчетверо и сунул под дверь. Выйдя на улицу, я обнаружил, что товарищи оправились от контузии: Авель следил за мной, практически не прячась.

Мы договорились встретиться с Шандором в пять на Кернтнерштрассе у Захера. Если в кафе его не будет, значит за ним хвост. Для проверки подозрений он должен прогуляться по Цвайбакхаусу. В фешенебельном магазине, на фоне блестящей роскоши, и полицейские ищейки, и заговорщики будут бросаться в глаза своей серой убогостью. Если слежка подтвердится, то адрес надо оставить у крупье в Астории. Ставка на красное означает номер дома, ставка на черное – квартиру.

Я так долго учил Шандора отрываться от хвоста, что было бы позором самому привести за собой соглядатая. Показать Авелю свою новую квартиру в мои планы точно не входило. Потрогав шишку на затылке, я решил, что настало время отыграть за полученные удары.

Первым делом я зашел в трактир и на глазах у своего преследователя выпил кружку венского пива. Мне показалось, что у Авеля дернулся кадык. С собой я прихватил бутылку гевюрца и две фляжки крепчайшей, вонючей, деше-

вейшей сливовицы. В ближайшем парке, убедившись, что Авель не спускает с меня глаз, я откупорил вино и отхлебнул из бутылки. Затем, когда деревья меня скрывали, я слил часть вина на землю. На видном месте я уронил ополовиненную бутылку и пошел дальше, как будто не заметил пропажи. Сердце кровью обливалось, но что делать. Пройдя пол аллеи, краем глаза я заметил, что рыбка схватила наживку, Авель радостно подобрал бутылку и опустошил, не побрезговав. Строго говоря, это была еще не наживка, а прикормка. Дальше все пошло как по маслу. Я двинулся к Дунайскому каналу. Первую фляжку сливовицы я слил наполовину. Поиграл в пьяницу, что было мне несложно. Флягу оставил, даже не закрыв. Подогретый вином Авель приник к сливовице без каких-нибудь сомнений. Меня бы адская смесь уже давно свалила с ног, но Авель был не чета мне и крепко держался на ногах. Следующую фляжку я оставил полной на две трети. Авель воспринял находку как должное. Через пятнадцать минут он шел за мной, качаясь из стороны в сторону, пугая редких прохожих. Через двадцать минут это уже я следил за ним. Наступило время заканчивать комедию. Когда мой полностью пьяный товарищ остановился, чтобы промочить горло, я подобрал с земли кирпич и двинулся на него. Он заметил меня, отбросил бутылку и попытался вытащить из кармана кастет. Руки не слушались его, верное оружие не вынималось. Расстояние между нами сокращалось. Какая-то дикая радость охватила меня, из моей груди вырвался зве-

риный рык. Я рванул к своей жертве. Авель попытался убежать. Хватаясь руками за парапет, нелепо переставляя непослушные ноги, он сделал несколько шагов. Со всего размаху я обрушил кирпич на его затылок. Авель рухнул. Ну, все, мы квиты.

Шандор ждал меня в кафе. Никакой слежки за ним не было. Полиция приходила к нему в контору и сообщила о моем побеге. Предупредила, что со мной могут быть неприятности ввиду «буйного характера».

Квартира, которую нам с Авророй подобрал мой друг, оказалась превосходной. Из одного окна был хорошо виден дом и подъезд, где жил Троцкий, из другого – улица, которая к нему шла. В комнате для прислуги тоже было маленькое окно, выходящее во двор. Если непрошеные гости попробуют зайти с черного хода, они будут видны, как на ладони.

– И все-таки, это рискованно, снимать квартиру так близко от Троцкого. Он может вас увидеть и, заподозрив неладное, скрыться.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Важнее, чтобы мы видели его. Даже если он заметит нас, у него не будет времени что-либо предпринять. Операцию с такими деньгами трудно отыграть назад. Или переиграть. Через день все решится.

Подъехала Аврора. Если ее не заметил Троцкий, то вся остальная улица заметила. Ее императорское величество освятило своим присутствием скромный квартал Вены.

Упреки в неосторожности застряли у Шандора в горле, он замер в восхищении, когда Аврора впорхнула в квартиру. Она была великолепна. При полном параде. Явно побывала у парикмахера и портного. Была завита, надушена, возбуждена. Я заподозрил, что Аврора успела припудриться кокаином, но она быстро развеяла мои подозрения.

– Я и не знала, что грабить собственного отца так весело. Потрясающее ощущение. Никакого кокаина не надо. Вот бы доктор Фрейд удивился. Или не удивился. У вас тоже приподнятое настроение, я вижу. Это хорошо. Значит, вы справитесь с отцом, Троцким и их охранниками завтра.

– Какими охранниками? – встрепенулся Шандор.

– Один у отца точно будет. Это его слуга и телохранитель.

– Вы думаете, что и у вашего революционера будут охранники? – упавшим духом спросил потомок бесстрашных гусар Баториев.

– Да, – улыбаясь, ответил я. – Как минимум один. Ваш покорный слуга!

– Вы?!

– Да, я. Но Троцкий пока об этом не догадывается.

– Ты не устаешь меня удивлять, мой серый волк! Какое коварство! Как ты его убедишь взять тебя в охранники?

– Тут есть одна деталь. Деньги твоего папаши интересуют еще кое-кого.

– Кого?! – хором спросили Шандор и Аврора.

– Моих товарищей по партии. Каким-то образом они

узнали, что у Троцкого намечается крупная сделка, и приехали узнать, в чем дело. Сегодня я встречаюсь с нашим подопечным и расскажу ему об этом. Думаю, он возьмет меня в дело. Так мы узнаем, где и когда будет сделка. Вопрос в том, что предпринять? Что делать? Вечный русский вопрос.

– Ты что-нибудь придумаешь, – уверенно сказала Аврора и нежно погладила меня по голове. Ее пальцы задели огромную шишку на затылке, и мы вскрикнули одновременно. Я от боли, она от удивления и ужаса.

– Что это?!

– Ерунда, – как можно беспечнее ответил я, – один из товарищей попробовал мою голову на прочность. Кастетом. Она выдержала.

– Как ты пойдешь на встречу с Троцким? Может, этот человек с кастетом снова тебя подкараулит?

– Не подкараулит. Я тоже попробовал его голову на прочность. Она оказалась гораздо мягче моей. Сегодня он нам больше не помешает. Но ты права, за Троцким наверняка следят.

– А где вы встречаетесь? – задумчиво спросил Шандор.

– Флер де лиз.

– Отлично. Тогда, считайте, что вы уже освободились от хвоста. Положитесь на меня!

Вид у нашего адвоката был и торжественным и лукавым.

Троцкий явно нервничал. Увидев меня, скривился, как будто Пуришкевича увидел. Разговор начал без поклонов и приветствий, даже про свою всегдашнюю язвительность забыл:

– В чем дело? Что вам надо?

– А я думал, вы мне обрадуетесь. Шампанское закажете или вино. Шато «Ротшильд», например.

– Барон в ярости. Это вы помогли Авроре скрыться?

– Вы же знаете, что да.

– Барон таких вещей не прощает.

– У барона, как я понимаю, сейчас другие заботы.

Троцкий побледнел. Он посмотрел на меня пристально, пытаюсь угадать, что мне известно.

– Да, все мне известно, – опередил я его вопросы. – Все про ваши денежные дела с бароном. Просто мировой заговор какой-то.

– Это шантаж? Вы хотите своей доли?

Я уж не стал говорить, что хочу не доли, а всех денег.

– Что вы, милейший, я просто хочу вам помочь. Ваша проблема не во мне.

– А в ком?

– В ваших товарищах по партии. В ваших соратниках и соперниках.

– Вы им все рассказали?! – в отчаянии воскликнул Троцкий.

– В том то и дело что нет. Вас кто-то сдал задолго до наше-

го знакомства. Ваши внутрипартийные враги знали все заранее. Точнее не все. Они знали, что у вас появятся деньги, знали, что деньги появятся в результате какой-то сделки. Но с кем сделка, когда, где, а самое главное, в чем предмет сделки они не знали. Поэтому и приехали сюда выяснить. Возможно, они и сейчас за нами следят.

– Кто это они? Назовите их.

– Судя по тому, что они не хотят попадаться вам на глаза, вы их хорошо знаете. Меня давно удивило, что если весь сыр-бор в газете, то почему они не хотят поговорить с вами напрямую, а посылают меня.

– Ну же, не тяните.

Взвесив все «за» и «против», я решил сдать своих товарищей.

– Некто Авель.

– Пешка, – презрительно фыркнул Троцкий. – Жалкая, ничтожная личность.

– Некто Коба.

– А это уже серьезно. Коба – боевик, участвовал в «эксах». Значит, в случае чего, меня готовы устранить. Кто еще? Должен быть главный. Кто мозг группы?

– Анна Григорьевна Заречная.

– Нет. Только не эта, – застонал Троцкий.

– Что такое? Вы не поклонник ее таланта?

– Наоборот, я хорошо с ним знаком. У нее убийственный талант. Смерть Морозова в Ницце – ее рук дело. Она глав-

ный организатор устранил. Если Старик послал ее, значит решение на мой счет принято.

– Скройтесь.

– Я могу скрыться, но если барон узнает, что у меня возникли серьезные трудности, то просто отменит сделку. Он не должен ничего узнать.

– Если вы ему не расскажете, он и не узнает, – глубоко-мысленно заметил я.

– А вы? – Троцкий вцепился в меня глазами.

– А что я? Я – могила. Сказать по правде, я заинтересован в небольшой сумме денег. Поэтому надеюсь, что ваш план сработает.

– Знаете, что мы можем предпринять? – втирался я в доверие к Троцкому, как буржуазия к пролетариату, выставляя свои интересы за общие. – Если вы скажете мне, где и когда сделка, я отвлеку команду охотников на это время.

– Так они и так не знают, – недоверчиво покосился на меня Троцкий, как пролетарий на буржуя.

– Так узнают. Они или выследят вас, или просто схватят и заставят все рассказать. Я сталкивался с Кобой лицом к лицу. Он развяжет язык любому, а – нет, так отрежет.

Троцкий стал боязливо озираться. Я хотел запугать его еще больше, но фантазия моя оскудела. Тут я увидел официанта, который колет лед и тут же брякнул, не размышляя:

– Или вам голову раскроют ледорубом, когда вы меньше всего ожидаете.

Троцкий сморщился, как от боли, как будто ему уже вре-
зали по затылку.

– Перестаньте, – огрызнулся он. – Если они меня убьют,
то не получают денег.

– Ваша смерть только слегка осложнит их работу. Уже на
следующий день после вашего убийства, они придут к баро-
ну и предложат свои услуги. Барон не сможет отказаться, так
как они слишком много знают. Да и с чего ему отказываться?
Какая ему разница, кто исполняет его приказы?

Мой визави не знал, на что решиться. Он вцепился в свою
шевелюру обеими руками, тяжело вздохнул, потом начал
протирать пенсне, потом снова принялся ерошить волосы. В
общем, вел себя, как шахматист, который колеблется сделать
ход, потому что не может просчитать всю комбинацию.

– Послушайте, мы теряем время, – давил я. Если сейчас
поедете со мной и все расскажете, то у нас будет шанс обве-
сти их вокруг пальца. Нет, я умываю руки. Сколько вы про-
живете, не знаю.

– Хорошо, – выдавил из себя Троцкий.

– Тогда уходим отсюда.

Я бросил мелочь на стол, и мы поднялись. Вид у моего
нового соратника был не такой гордый, как в начале разго-
вора. Нетвердой походкой он двинулся к выходу. Я успел его
схватить за лацкан пиджака.

– Куда?! Через черный ход! За мной.

Только мы сделали пару шагов, как толстая старуха, кото-

рая сидела в паре столиков от нас, резко вскочила и замаха-
ла в окно шляпой. Тут же в двери ресторана появилась фи-
гура. Я узнал Кобу. Когда я перевел взгляд опять на старуху,
она что-то спрятала под шляпой и слишком резво для своих
лет рванула к нам. Остаться, чтобы похвалить Анну за грим
и игру, у меня желания не было. Еще меньше мне хотелось
узнать, что у нее в руке. А с Кобой я решительно не обща-
юсь. Так что мы побежали, забыв о гордости и приличиях.

Коридор. Слишком длинный коридор. Сзади шаги. Ужас-
но длинный коридор. Кухня. Повара, поварята, поварешки.
Я кричу: «Шандор!» Большой толстый шеф-повар молча ты-
кает огромным тесаком на маленькую неприметную дверь.
Мы влетаем в чулан. Пробираемся сквозь припасы, круша
все на своем пути. Еще одна дверь. Теперь это не припасы,
а отходы. Страшная вонь. Мы упираемся в дверь. Троцкий
дергает ее, она не открывается. Начинает дергать сильнее,
дверь на месте. Я догадываюсь толкнуть ее вперед. Наконец,
мы выбираемся на свежий воздух. Перед нами стоит пролет-
ка. В пролетке улыбается Шандор. «Аванти! Аванти!» – кри-
чу я ему. Он машет хлыстом. Мы заскакиваем в пролетку на
ходу. Я оглядываюсь назад. Из двери черного хода вывали-
вается Анна в костюме толстухи. Наши взгляды встречают-
ся. Если бы ее взгляд убивал, я был бы мертв раз десять. Но
я был жив. Кажется, она помахала мне шляпой на прощание.
Через секунду я узнал, что было у нее в руке. Это что-то те-
перь торчало в крыле пролетки, поблескивая лезвием. Анна

топнула ногой с досады. Рядом с ней появился запыхавшийся Коба. Он оббежал ресторан по улице. Раздался выстрел.

– Кажется, у них сдают нервы, – отметил я.

– У меня тоже, – упавшим голосом откликнулся Троцкий.

– А, по-моему, у нас все получилось! – весело заявил

Шандор, повернувшись к нам.

Смех вырвался у меня сам собой. Шандор был в черной, опереточной маске.

14

Скучный человек этот Троцкий. Даже не улыбнулся. Такое приключение пережил, а сидит в коляске понурый.

– Ну что, Лева, не весел, нос повесил? – пытался приободрить его я.

Троцкий только еще сильнее сморщился.

– Остановите. Мне надо отдышаться, подумать.

– Что тут думать, товарищ? Если скажешь, где завтра встреча и когда, мы пойдем с тобой. Съездим туда заранее, посмотрим пути отхода, в случае непредвиденных обстоятельств.

– Остановите. Мне надо отдышаться, подумать.

– Они за вас серьезно взялись. Вам без нашей помощи не справиться.

– Вы тоже за меня серьезно взялись, я смотрю, – огрызнулся Троцкий.

Кажется, наш друг приходит в себя, показывает зубы. По-

ра снова сбить с него спесь.

– Что ж, как скажете.

Я отвернулся от Троцкого.

– Шандор, останови. Товарищ хочет выйти. Он хочет сам в одиночку со всеми справиться. Он же Лев.

Коляска остановилась.

– До свидания, товарищ. Успехов в борьбе. Впереди у вас великие свершения. Идите домой, там вас ждут старые друзья по партии.

Троцкий остался сидеть в коляске. Я продолжил.

– Правда, чего вам бояться? Смело товарищи, в ногу. В случае чего сходите на консультацию к доктору Адлеру.

– Кладбище Фрайдхоф Наменлозен. В полночь.

– Что?

– Кладбище Фрайдхоф Наменлозен. В полночь. – Почти в истерике прокричал Троцкий.

– Не знал, что вы такой романтик.

– Я знаю, где это, отозвался Шандор. – Рядом с паровой станцией на Дунае.

Наш возничий спрыгнул с пролетки, за ним кулем вывалился Троцкий. Адвокат достал портсигар с фамильным гербом Батори на крышке и великодушно предложил Троцкому папиросу.

– Герцеговина Флор.

Тот отказался. Чиркнула спичка. Шандор сладко затаился и пустил дым в вечернее небо. Троцкий выглядел жалко.

Я понимал его: до сегодняшнего вечера он чувствовал себя ловкачом, который держит в руках все ниточки хитроумной операции, ему все удавалось, он был без пяти минут в дамках, и вот, все рухнуло. За ниточки дергали его. Он оказался пешкой, окруженной старшими фигурами. Да, я понимал его, но не сочувствовал. Я вспоминал его апломб и высокомерие, с которыми он встретил меня, и не без злорадства смотрел на его крушение. Я другое дело. С чувством глубокого удовлетворения я отмечал, что превращаюсь в нового человека. Смелого, уверенного в себе, решительного. Как будто я отнял силы у поверженного врага. Теперь я здесь хозяин положения!

Рядом с нами становилась неказистая повозка. Из нее выскочили два человека. Шандор не успел обернуться, как получил удар по голове. Затем раздался звук взведенного курка. Я повернулся. На меня смотрели дуло револьвера и какая-то цыганская рожа. Такая же картина возникла и перед Троцким. Редкие прохожие разбежались или сделали вид, что ничего не заметили. Из повозки медленно спустилась грузная фигура.

– А я недооценил вас, князек.

– А я вас, Евстратий.

Филлер медленно подошел к Троцкому.

– Ну, здравствуй, Давыдыч. Давненько не виделись.

Троцкий сжался в комок.

– Что, решил все без меня повернуть? Без своего род-

ного шефа? Думаешь, вырос? Можешь не делиться? Как ты рассчитывал от меня скрыться? Я ж знаю тебя, как облупленного.

«Вот тебе и пламенный революционер», – подумал я.

– Вы не при исполнении, – затравленно озираясь, отвечал Троцкий. – Вы давно частным образом действуете. На себя работаете, на домик свой в Финляндии.

Я с удивлением взглянул на шпика. А как меня, подлец, обрабатывал. Сибирью пугал!

– Я на домик работаю, а ты – на меня. Все, Лейба, поиграл в самостоятельность и буде. Вместе барона потрошить будем, – деловито подвел итоги, как оказывается, отставной шпик.

– В повозку его, – скомандовал Евстратий своим цыганам, а этих кончайте.

– Дяденька, дяденька, не надо! – заверещал я по-русски.

Евстратий, усмехаясь, повернулся ко мне. Цыган поглядел на хозяина, уловил его глумливое настроение и опустил пистоль.

– Дяденька, простите нас, мы больше не будем, – продолжил я плаксивым голосом, пытаюсь незаметно дотянуться до вожжей.

Тут где-то внизу, у колес нашей коляски послышалось рычание. Очнувшийся Шандор, как был на четвереньках, так на четвереньках и бросился в ноги к цыгану. В следующий момент они уже катались по земле, в пыли, как два сцепив-

шихся пса. Раздался выстрел. Все замерли. Задышающийся цыган отполз с места битвы. Пистолет был в его руке. Шандор остался лежать. Я, наконец, нащупал хлыст и решил... или героически закончить свою жизнь, как мой друг, или, скорее всего, воспользоваться его подвигом, стегануть лошадей и скрыться. Ну, чтобы его смерть была не даром. Какое-то мгновение, но очень долгое-долгое, как будто время застыло, меня мучила эта дилемма. Но оказалось, что Шандор еще не сказал своего окончательного слова. Он вдруг медленно восстал из пыли, как Феникс из пепла, и надвигаясь на своего убийцу, заорал:

– Я, Шандор Батори, из рода Батори. Во мне течет кровь Аттилы! Мои предки воевали всю Европу! Моя прапрапрабабка купалась в крови девственниц! Меня нельзя убить!

Далее он начал страшно ругаться по-венгерски. Цыгане застыли в мистическом ужасе. Да что цыгане, мы все замерли, пораженные его воскрешением. Первым очнулся я. Я прыгнул с коляски на цыгана, точнее на его руку с револьвером. Наемник Евстратия даже не сопротивлялся. Когда револьвер оказался в моей руке, два других уже целились в меня.

Улыбаясь и глядя в глаза Евстратию, я приставил дуло к голове Троцкого. Мы постояли так немного. Затем Евстратий, не опуская револьвера, заговорил:

– Я недооценил вас.

– Вы недооценили меня.

– В этом раунде ничья. Разъезжаемся.

– Разъезжаемся, – подтвердил я.

Так, не теряя друг друга из поля зрения, не опуская револьверов, мы сели в коляски и тронулись в противоположные стороны.

Ночь была теплой и ясной. Светили звезды и огни домов. Мягко шелестели деревья. Окружающая природа не обращала внимания на наши битвы. Какое-то время мы ехали молча, наслаждаясь тишиной и спокойствием. Затем Шандор достал из внутреннего кармана портсигар и долго разглядывал вмятину.

– Я догадался об этом, – сказал я ему, – но все равно, это была очень сильная сцена. Достойная Шекспира и мировых подмоштов.

Мы вернулись в свое логово глубоко за полночь. Аврора не спала, встретила нас с нескрываемой радостью.

– Что случилось? Почему так задержались? И где Троцкий? План не сработал? Его не удалось запугать? – забрасывала она нас вопросами, параллельно цепко разглядывая испачканный в пыли костюм Шандора.

– План сработал отлично. Троцкий был у нас в кармане, но возник еще один охотник за золотом.

Я рассказал про Евстратия и его нападение. В красках и лицах описал схватку Шандора с цыганом. Его смерть и воскрешение. Шандор в доказательство показал портсигар с вмятиной от пули, я вытащил трофейный револьвер. Глаза

Авроры блестяли.

– Но почему меня не было с вами?! Я столько пропустила! Что ж в следующий раз я не упусти такой возможности развлечься. Тем более этот следующий раз будет уже завтра! Нам нужен новый план.

Я запросил пощады и сна.

– Хорошо. Вы ложитесь спать. А я еще посижу, подумаю.

15

Все наше врачебное сообщество гудело. Новость, что в клинике Вульфа случился бунт с побегом, моментально облетела Вену. Сказать по правде, новость доставила мне некоторое удовольствие. Вульф не скрывал своей ненависти к психоанализу и лично ко мне. На каждом углу называл меня шарлатаном. Когда у меня забрали пациентку и перевели в клинику Вульфа, я испытал сильный укол ревности. Письмо отца пациентки, барона «Р» было полно несправедливых обвинений. Теперь он поймет, насколько был неправ. Кстати, я уверен, что Аврора приложила свою изящную ручку к случившемуся в клинике. Она на это способна. Необузданный и своенравный характер ее в сочетании с ранним умственным и половым развитием делает ее очень взрывоопасной. Она может быть одержима, целеустремленна и расчетлива одновременно. История ее типична для очень богатых семей. С одной стороны, исполнение любых прихотей, с другой – смерть боготворимой матери, любовницы и второй

брак отца. Любовь и обожание к отцу сменилось столь же сильной ненавистью. Меня она сразу записала в подельники отца, поэтому лечение шло туго и постоянно состояло из каких-то провокаций сексуального характера. Думаю, барон скоро столкнется с дочкой. Она не простит ему помещение в одиозную клинику, где методы далеки от гуманизма.

16

Крейсер зарывался в волны, вспарывал их и продолжал лететь сквозь шторм. Его орудия грозно смотрели в ночную темноту. Соленый шквал бил мне в лицо. Я начал спускаться в машинное отделение. Бронзовые перила уходили в полумрак. Чугунная ажурная лестница гулко отзывалась на мои шаги. Красный бархат стен был увит плющом. На стенах висели головы знаменитых адмиралов, чучела акул, рога, медвежьи лапы, волчьи уши. Машинное отделение оказалось огромным залом. Многочисленные приборы свисали с потолка как сталактиты. В середине зала возвышался, как какой-то мастодонт в клетке, двигатель. Он играл мощными стальными поршнями, как мускулами. Я подошел к нему, взялся за рычаг и рывком перевел его в положение полный вперед. Поршни начали двигаться все быстрее и быстрее. Сталь блестела сквозь масло. Машина задрожала от напряжения. Я оказался на капитанском мостике. Впереди мерцали огни города. Море стихло. Мрачные дворцы темнели на фоне серевшего неба, как могильные плиты. «Орудия,

приготовиться!» – скомандовал я. Жерла пушек задрались вверх. Каменные львы и сфинксы зарычали на нас, но испугались и спрятались в сад. Медный всадник ускакал. Наш крейсер подошел к самому блестящему дворцу. Восходящее солнце отражалось в его окнах. Позолота барочных украшений красиво поблескивала. Я поднял руку. «Залпом, из всех орудий, пли!» Раздался грохот канонады. Звон разбитого стекла. Я проснулся. За окном дребезжал трамвай. Аврора разливала кофе по миниатюрным чашкам и весело объясняла Шандору: «... этот кофе надо пить залпом!»

– Мне такой сон приснился, хоть сейчас к доктору Фрейду на кушетку, – сказал я вместо приветствия.

– Надеюсь, сон эротический, – хохотнула Аврора, подавая мне кофе.

– Доктор, говорил, что они все эротические.

– Лучше скажи, что мы будем делать не во сне, а наяву.

– Пока не знаю. Вяжемся в драку, а там посмотрим.

– Прекрасный план.

Я пригубил кофе и понял, почему его надо было пить залпом. Он был невероятно крепкий, да еще и с абсентом.

– Для бодрости. Дома у нас никогда не было абсента на завтрак. А так хотелось. – Аврора с невинным видом щебетала, пока я хлопал глазами, еле переводя дух.

– Я что подумала, может нам тоже вооружиться? Раз у наших врагов есть такие игрушки, почему нам нельзя.

Она картинно прицелилась в окно. Ее фигура с револьве-

ром вызвала у меня прилив умиления. Я едва не бросился ее расцеловать.

– Резонно, – согласился Шандор, не сводя восхищенного взгляда с Авроры.

Я демонстративно кхекнул, прерывая его нескромное внимание.

– Нам понадобится еще кое-что. Думаю, приготовить сюрприз всем, кто встанет у нас на пути. Шандор, вы хорошо знаете местность?

– Да, я там бывал несколько раз по печальным поводам. Впрочем, однажды вдова была очень даже хороша. Помню... Хотя всегда можно купить подробную карту.

– Что за сюрприз? – не удержала своего любопытства Аврора.

Я ответил.

– Зачем это тебе?! – хором воскликнули пораженные друзья.

– Пока сам не знаю. Но чутье подсказывает, что это может пригодиться.

– Я знал, что вы, князь, большой оригинал, но настолько... – то ли с ужасом, то ли с иронией проговорил Шандор. – Впрочем, это так похоже на старинные романы, что мне нравится.

– В таком случае, разделимся. Вы достаете то, что я попросил и пару револьверов в придачу, а я схожу посмотреть, что делается в стане врага. Надеюсь, он не сменил явочную

квартиру. Прятаться не в его стиле.

– Я с вами, – тоном, не терпящим возражений, заявила Аврора. – Я же должна знать врага в лицо.

Глядя на ее решительное лицо, я понял, что спорить бесполезно.

– Хорошо. Тем более Евстратий меня знает. Подобраться близко сможешь только ты.

Мы вышли из дома по одному. Сначала Шандор, потом Аврора, потом, после небольшого дежурства у окна, я. Мы воссоединились с Авророй у Альберты. На какое-то время я даже забыл, что мы на задании. Мы шли под руку, как обычные беспечные венцы. Однако логово Евстратия приближалось. Покружив по окрестностям, я еще раз убедился в осторожности старого шпика. Рядом с его домом не было ни единого места, где можно было устроить пункт наблюдения. Наоборот, он мог видеть любого, входящего во двор. Пришлось отправить на проверку одну Аврору. Я остался ждать в кафе на соседней площади. Выбрал столик в глубине зала, попросил газет. Не для того, чтобы узнать последние новости, а для того, чтобы скрыть за газетным разворотом лицо. Аврора должна была просто пройти мимо лавки, посмотреть, открыта ли та, и уйти. Минут за пять она должна обернуться. Пять минут пролетело моментально. Аврора не появлялась. Я начал тревожиться. Вдруг меня осенила страшная мысль – ее мог узнать Троицкий! Тогда ее обязательно схватят! Что я наделал! Я сам отправил ее на гибель! В невыносимых тер-

заниях прошли еще пять минут. Газета в моих руках дрожала как осиновый лист. В конце концов, я не выдержал и выскочил на улицу. На улице я столкнулся с ней нос к носу.

– Ну, слава Богу!

– Бежим! Кажется, за мной хвост!

Мы впрыгнули в первую попавшуюся пролетку и начали наперебой торопить степенного извозчика.

– Что случилось? Что случилось? – тараторил я. Моя шпионка не могла отвечать, она едва не задохнулась от бега. Мы проехали пару кварталов, Аврора отдышалась.

– Там человек пять стояло снаружи и ... столько же внутри. Цыгане и какой-то уголовный сброд.

– Ты все-таки полезла в самое логово! А если бы тебя схватили!?

– Но не схватили же! Хотя пытались! Там был Троцкий.

– Десять человек – это много. Если они вооружены, то, боюсь, нам не справиться. Надо что-то придумать.

– Да, надо.

Мы погрузились в раздумья.

– Можно все бросить, – упавшим голосом пролепетала Аврора.

– И что? Ты вернешься к отцу, я – к матери. Ты продолжишь нюхать кокаин, я – пить. Будем каждый раз клянчить деньги?

«И вернулся псе к своей блевотине» – вдруг вспомнилось мне. Нянечка причитала. Про кого она говорила? Неужели

про меня. Может про отца? Вряд ли. Значит, про меня.

– Знаешь, я один рассказ читал. В России, еще до того, как сюда приехал. Про собаку, которую бил хозяин. Забыл, как ее звали. Неважно. Потом она потерялась и в цирк попала. Научилась там трюкам, стала артисткой, к ней хорошо относились. Вдруг встретила прежнего хозяина и... вернулась к нему. К избиениям, издевательствам... Такая история. Не хочу, как эта псина закончить. Хочу как ...

– Волк? – попыталась угадать Аврора.

– Почему нет. Съем всех бабушек, схвачу Красную Шапочку, а там пусть дровосеки приходят. Посмотрим кто кого.

– Отличный план.

Я вспомнил, как звали собаку из рассказа, а самое главное, с кем я про нее читал.

– Кажется, у меня созрела одна идея. В нашем плане появился первый ход.

Лицо Авроры просветлело.

– Какой? Надеюсь, достаточно безумный?

– Совершенно безумный. Запутаем ситуацию, что сам черт не разберет. Враги наших врагов – наши друзья? Значит, пора повидаться со своими старыми друзьями.

– Столько человек на один сундук денег! Отлично. Я знаю, как запутать все еще сильнее.

Глаза Авроры снова заблестели. Лицо стало хитрющим, веселым и хищным. Она наклонилась ко мне, и влажный, горячий шепот зашекотал мне ухо.

– Плутовка! Я восхищен. – И от радости поцеловал ее прямо в губы.

17

Авель смотрел зло, Коба пристально и зло, Анна вообще на меня не смотрела. Она задумчиво смотрела в окно, пытаюсь разгадать, правда – мой рассказ или нет.

– Да это ловушка! Он хочет сдать нас охранке! Выслужаться хочет провокатор! – горячился Коба.

– Я его зарежу, и дело с концом, – отозвался Авель.

Анна молчала. Авель принял ее молчание за одобрение и полез за ножом. Я равнодушно скользнул взглядом по нему. Без приказа этот пес не укусит. Мое спокойствие выводило из себя кавказцев. Я продолжил говорить со спиной Анны:

– Да кому вы нужны? Какая ловушка? Подумайте. На кону сотни тысяч, а вы считаете, что Евстратий только и думает, как посадить вас в тюрьму? У вас мания величия. Что я вас уговариваю? Никто вас не заставляет. Раз боитесь, так не беритесь.

Я встал. Расчет был простой, заиграет оскорбленное самолюбие, закипит горячая кровушка. Не выдержит душа поэта позора мелочных обид.

– Ну, не хотите, как хотите. Я пошел.

– Сядь! – рявкнул Коба.

– А ты разрешения спросил гавкать? – небрежно бросил я на прощание и продолжил идти к выходу. Анна молчала.

У самой двери, я обернулся:

– Мне интересно, Анна, а что ты Старику доложишь? Как в ЦК объяснишь, что дала уйти Троцкому с деньгами?

Я взялся за скобку двери в некотором замешательстве. Потом подумал, что если они меня сейчас отпустят, то все равно явятся на кладбище. Куда денутся.

– Я тебе верю. Но ты как-то долго нас уговариваешь. Это подозрительно. – Впервые заговорила Анна. Голос ее был спокойный. Она повернулась. В ее лице не было ни единого намека на панику или раздражение. Взгляд был твердый, изучающий. – Тебе самому что-то надо. Видимо, долю. Я права?

Пришлось кивнуть.

– Все вы буржуи одинаковые.

– Я просто делаю тебе прощальное одолжение. Расквитаемся и разойдемся. Каждый своей дорогой.

– Договорились. Но если что-то пойдет не так, он выполнит свое обещание, – Анна кивнула в сторону Авеля.

– Отлично. Тогда встретимся на кладбище вечером, часов так в 11.

– Никуда ты не пойдешь. Останешься с нами.

– Почему?

– Еще выкинешь какой-нибудь фортель.

– Какой?

– Не знаю.

– Мне надо принять ванну, выпить чашечку кофе, – наиг-

ранно покапризничал я.

– Без кофе обойдешься. Ванну здесь можешь принять.

Я представил грязные носки Авеля, которые вечно там отмокали, и легко отказался от этой идеи.

Минут пятнадцать мы сидели молча. Коба ковырялся в револьвере, Абель в носу. Анна вернулась к созерцанию улицы. Вдруг она решительно встала.

– Мы едем на кладбище сейчас. Надо осмотреться при дневном свете.

– Я сам хотел это предложить, – подхватил Коба. – Если готовится ловушка, мы тебя прямо на этом кладбище и зароем, – сказал он, повернувшись ко мне.

– Я это уже слышал. Можешь не повторять.

Сборы заняли считанные минуты. Все трое оказались при оружии. Когда и где успели раздобыть? Возможно, я недооценил их. Сели в пролетку, подняли крышу. Все как в день их прибытия. На этот раз по сторонам не смотрел даже я. Мне было не до Вены. Шандор сказал, что я сразу узнаю укрытие, где будет спрятано для меня оружие. Что это может быть? Успеет ли Аврора сделать все, что задумала? От мыслей меня отвлекал Коба, он заметно нервничал с приближением к месту развязки: дергал ногой, постоянно вытирал ладонь о штаны и бросал на меня злобный, но тревожный взгляд.

– Где будет встреча?

– Откуда я знаю? Не я же ее о ней договаривался. Что

услышал, то и передал. Надеюсь, на месте разберемся. Кладбище не должно быть очень большим.

Кладбище действительно оказалось небольшим. Такое милое, уютное кладбище, хоть живи тут. Такое типично венское заведение. Ни тебе унылости родных погостов, ни угрюмости немецких. Как будто местные покойники отправлялись не в ад или рай, а на потусторонний горный курорт. На лицах мраморных ангелов играла улыбка, мадонны были соблазнительными, как нимфы. Памятники украшены легкомысленными виньетками. Редкая публика слонялась среди могил скорее охваченная любопытством, чем убитая горем. Они разглядывали плиты как старинные альманахи. Мы присоединились к зевакам. Над памятниками возвышались редкие родовые усыпальницы. Скоро я понял, почему Шандор хорошо знал это место, а так же, где он устроил убежище и спрятал оружие для меня. Родовая усыпальница Батори выделялась на общем фоне мрачным характером. Она была старше чем большинство местных памятников, мрамор был уже даже не зеленым, а черным от старости. Никаких милых ангелов. Над порталом возвышалась женщина с косой и в саване. Массивная кованая дверь запирала склеп, как будто сдерживала все силы ада, чтобы они не вырвались наружу. Однако в петле огромного замка торчала свежая гвоздика. Явный знак мне. Я сделал вид, что ничего не заметил и прошел мимо со скучающим видом. Авель и Коба следовали за мной по пятам. Коба заметно нервничал, обливался потом и

дергался. Авель рыскал глазами по могилам, но не по делу, а в поисках какой-нибудь оставленной недопитой бутылки. Анна бродила среди могил отдельно. То ли из за лирического настроения, то ли из за желания осмотреться и понаблюдать за мной со стороны. Пару раз я ловил на себе ее косые взгляды. Вдруг она поманила меня жестом. Я подошел. Анна молча указала на невзрачную, запущенную могилу. Дешевая плита из серого камня вся заросла травой. На плите еле заметная, надпись: Эльза Ротшильд (Шпильман) 1874 – 1897. Я не поверил своим глазам. Это могила матери Авроры? Могила жены богатейшего человека Европы?

– Ты знал, что она была актрисой? Актрисой варьете? Имя Эльзы Шпильман гремело. Точнее на афишах был ее сценический псевдоним – Зизи. Она как-то даже в Одессу приезжала. А потом вышла замуж и исчезла. Этот негодяй потешил свое тщеславие, заполучив в жены знаменитую красотку, и тут же запер ее в четырех стенах. И даже памятника ей приличного не поставил. Чванливый, высокомерный подонок. Ненавижу. Всю вашу жирную породу ненавижу. Думаете, что все можно купить?

Это Анна говорила уже мне. Классовая ненависть за неимением другого адресата излилась на меня. Я молча удалился. Зато теперь я понимал, почему Аврора так ненавидела своего отца. Он не сказал ей даже, где похоронил ее мать.

Солнце садилось, на улыбках ангелов и мадонн заиграли закатные блики, с Дуная потянуло свежестью, публика по-

степенно редела. Но тут появился кое-кто новый. Это был колоритный персонаж. Без шапки, в грязной ситцевой рубахе, выглядывающей из старого замызганного пальто, Всклокоченные черные с проседью волосы, смятое, острое лицо, ястребиный нос, худая сутулая фигура. Сначала я принял его за обычного бродягу, который ищет, чем поживиться. Но какая-то прицеливающаяся походка и цепкий взгляд насторожили меня. Может, это Евстратий выслал вперед себя человека для рекогносцировки местности? Все может быть. Я следил за ним и боялся, как бы он не унюхал чего-нибудь у усыпальницы Батори. Сначала он слонялся на некотором расстоянии, но постепенно ссужал вокруг нас свои круги. Наконец, он неловко столкнулся с Авелем, пытаясь дотянуться до бутылки. Абель грубо оттолкнул его и выругался на своем кавказском наречии. Бродяга не обиделся, попросил на ломанном немецком мелочи на выпивку, сказал, что у него тут лежит брудер и, не дождавшись ответа, откочевал прочь. Все, что нужно он узнал.

Абель решил пожаловаться на местные нравы Кобе:

– Нет, ты видел? Наглец!

– Он тебя облапал, чтобы проверить есть ли у тебя оружие, дурак.

Зазвенел колокольчик кладбищенского сторожа, призывающий публику оставить покойников в покое. Значит скоро девять часов. Мы вышли. Я предложил спуститься к Дунаю. Надо было посмотреть, что за пути отхода придумал

Троцкий. Через полчаса мы оказались на берегу у пристани. Последний пароход уже ушел. Первый рейс завтра будет в шесть. Мы без особого интереса полюбовались на реку в последних лучах заката. Пора было возвращаться. Приближение условного часа сделало всех мрачными и напряженными. Тревога стала разъедать и мое веселое азартное настроение. Я начал осознавать, что скоро предстоит схватка не на жизнь, а на смерть. Что я рискую не только своей шкурой, но и жизнью близкого человека. «Отставить мелкое малодушие!» – скомандовал я себе.

– Пора на спектакль! А то все пропустим! Третий звонок, господа товарищи. – Мой голос вывел всех из оцепенения. Мы двинулись вверх. С приближением к кладбищу мы стали часто останавливаться и замирая вслушиваться в ночь, но никаких посторонних шумов и голосов не было. Ворота, как и ожидалось, были закрыты. Неожиданно оказалось, что забор был нешуточной преградой. Перелезть его, особенно для Анны, было положительно невозможно. Апель с Кобой попытались отломать железный прут забора, используя какую-то дубину в качестве рычага. Время уходило. Из затеи ничего не вышло, кроме шума. Я стал сомневаться, что эти двое участвовали в эксках. Анна зашипела на них и пообещала пристрелить, если нас кто-нибудь услышит. Я вспомнил, где исчез бродяга и двинулся туда. Там, как я и предполагал, пара прутьев было аккуратно спилена. Я вернулся за своей нерадивой компанией. Когда мы, наконец, проникли

на кладбище, выявилась очередная проблема. Мои опасные заговорщики не взяли с собой фонари. Мы несколько раз на- талкивались на памятники, падали на могилы и больно уда- рялись о древние камни, пока Анна не нашла свечку. Авель с Кобой стали сваливать вину друг на друга. Анна прекрати- ла эту комедию, молча взведя курок. В наступившей тишине раздался скрип открывающихся ворот.

18

Сегодня с утра заходил Отто Ранк, принес удивитель- ные новости. В клинике Вульфа произошел массовый по- бег. Норма, которую заточил туда отец, сбежала. Барон Рот- шильд в гневе. По слухам, ей помог сбежать какой-то рус- ский князь. Уж не мой ли это «Т»? В таком случае, я его долго не увижу. Если это так, то в моем пациенте произошли удивительные перемены. Совсем недавно это был невротик, умеющий только жаловаться на свое бессилие и ничтоже- ство. Теперь же это целеустремленный, сверхактивный субъ- ект. Свойства эти присущи одержимым психопатам. Очеви- дно, ситуация с Нормой, оказалось для «Т» воспроизведени- ем его детской потери. Норма заняла в его сердце место мо- лодой няни. Ее потеря была для него невыносима. Подав- ленный кошмар выплеснулся в реальность, и это привело к взрывному эффекту. Однако мне не дает покоя некоторые моменты его воспоминаний: все случаи подавленной агрес- сии, которые он приписывал или своей фантазии или другим

субъектам. Утопленная собака, затравленная одноклассница, навязчивые мысли о дуэли. Возможно, в его детстве кроется еще одно событие, которое мы не смогли вытащить из «бессознательного».

19

Темноту прорезали лучи фонарей. Мы заметались в поисках укрытия. Лучи недолго порыскали по кладбищу и остановились, высвечивая точно те могильные плиты, за которыми мы прятались. Причем пара фонарей высветила нас со спины.

– Господа, будьте благоразумны, – раздался голос Евстратия. – Вы у нас на мушке, мы перестреляем вас как куропаток.

– Точнее, как крыс, – зло проскрипел из темноты голос Троцкого.

– Сам ты – крыса, – огрызнулся Коба. – Жандармская подстилка. Прислуга охранки.

– Я давно не работаю в Охранке, – снисходительно заметил Евстратий.

– Он не работает в охранке, – поддакнул Троцкий.

– То есть на подстилку ты не обиделся, – не удержалась и съязвила Анна.

Раздался выстрел. Нас осыпало мраморной крошкой. На укрытии Анны появилась выбоина. Эхо выстрела побежало вниз к Дунаю. Мы услышали шлепок затрещины.

– Нам не нужен лишний шум, – миролюбиво продолжил Евстратий.

– Так в чем же дело, – откликнулась Анна, – бери своих людей и уходи.

– Ерунда. Минута, другая стрельбы, потом выкопаем яму и дело с концом. Барон не расстроится, увидев, что мы решили свои проблемы.

Пока Троицкий брызгал ядом, Анна жестами велела Кобе и Авелю стрелять по фонарям. Но только Авель вынул руку из кармана с револьвером, как над его ухом раздался звук взведенного курка. То же самое услышал и Коба.

– Шнель.

Оба боевика поднялись из за своих укрытий с поднятыми руками. Авеля конвоировал тот самый бродяга, что при свете дня просил у него выпить.

– Анна Григорьевна, не заставляйте нас ждать. Просим. Просим.

– Бис! Бис!

– Мы ваши преданные поклонники. Не откажите в любезности, дайте вас лицезреть.

– Умоляем.

Анна затравленно встала. Фонари освещали ее, как свет рампы. Послышались издевательские аплодисменты.

– А где князь? Князек, вы там? Выходи, ваша светлость.

Похоронный марш проиграл в моей голове первые такты. Жаль, что все пошло не по плану. Не так я себе представлял

собственную кончину. Свет фонаря уперся в плиту, за которой я прятался, затем обошел меня и прицелился прямо мне в спину. Я встал.

Вдруг грохнул выстрел. Анну снесло пулей.

– Ты что творишь?! – заорал Евстратий. – Мне не нужен шум!

– А мне не нужны свидетели! – с наглым вызовом ответил Троцкий.

– Да я тебя... – успел рывкнуть бывший агент. Тут же я услышал звук удара. Чье-то громоздкое тело упало на землю.

– Твои друзья цыгане – это мои друзья цыгане. Не надо быть таким жмотом, поц, – голос Троцкого звучал язвительно и торжествующе.

– Комт зум энде! – скомандовал он.

Один из фонарей был поставлен на могилу, осветив бычью голову Евстратия. Затем у головы, блеснув в луче, появился нож. Через секунду я услышал мерзкий отвратительный звук. Это был свист воздуха из перерезанного горла. Кладбище, убийства – все это показалось мне каким-то нереальным. В голове загудело. Только не припадок.

Меня затошнило, но я успел патетически воскликнуть:

– Шекспир, черт побери!

Фраза не возымела никакого действия.

– Что вы там кричите, подойдите сюда, не бойтесь. – Скомандовал Троцкий.

Я молча сделал пару шагов. Троцкий повернулся к двум

боевикам. Они уже стояли на коленях с пистолетами у затылков.

– А теперь небольшое испытание для вас двоих. Я оставлю одному из вас жизнь.

Троцкий выдержал паузу.

– Но только в том случае, если один из вас убьет другого. Коба и Авель молчали.

– Ну, я жду.

Один из цыган разломил револьвер, высыпал из барабана все патроны кроме одного и сунул оружие под нос Авелю. Авель замычал какие-то кавказские ругательства и замотал головой.

– Я так и думал. Но вы, Коба, не такое тупое, упрямое, животное. Вы должны оценить мое великодушное предложение. Вы станете моей правой рукой. Мы такие дела провернем вместе! Выбирайте. Или грязная яма или великое будущее.

Коба взял револьвер. Медленно поднял его и направил в мою сторону.

– Нет. Коба, нет. Князя все готовы убить. Ха-ха. Это легко, понимаю. Нет. Предоставьте это мне. – Троцкий смеясь повернул руку Кобы в сторону Авеля. – Нет. Коба. Брата своего по оружию и по крови. Брата своего Авеля надо убрать. Или вы все еще верите в божью кару, Каинову печать и все такое? Бросьте, вы же не сопливый семинарист!

Револьвер дрожал в руке Кобы. Авель что-то сказал в ли-

цо своему другу, закрыл глаза и положил голову на могилу, как на плаху. Дуло револьвера ткнулось ему в ухо.

Я громко, что есть мочи завопил:

– Шекспир! Шекспир, твою мать!

Все удивленно на меня уставились. Удивление на лице Троцкого сменилось тревогой. Он пригнулся. Луч его фонаря заметался во все стороны, ощупывая темноту. И ту наконец-то раздался выстрел со стороны. Нужный мне выстрел. Один из фонарей с треском лопнул и погас. Я рванул в темноту.

– Взять его! – заорал Троцкий. – Убить всех, кого найдете! Две тени метнулись за мной.

Я бежал, спотыкаясь, к усыпальнице Батори. Но бежал не напрямую.

«Запомни, ты должен вывести преследователей к памятнику мадам Портиш», – вспоминал я указания Шандора. «Там я их встречу. Если не произойдет ничего экстраординарного. Главное, ты должен обежать памятник слева! И ни в коем случае не справа!» «Слева или справа?! Слева или справа?!» – я не мог вспомнить точно. Памятник уже показался впереди. «Слева или справа?» «Наступай только на крест!» – звучал в голове голос Шандора. «Что за кресты?!» – я никак не мог вспомнить. Память была темна, как кладбище. Силуэт памятника стал отчетливым. «Слева или справа?!» Он напоминал статую независимости. В правой руке у мадам Портиш горел факел. Настоящий факел. Я ока-

зался освещенным, раздался выстрел. Пуля отрикошетила очень близко. Я побежал справа от памятника. «А вдруг Шандор думал, что я побегу с другой стороны?» Поздно. С правой стороны я увидел небольшой кенотаф с крестом. Вспрыгнул на него, перелетел через ограду и исчез в темноте. Преследователи решили окружить меня, побежали с двух сторон памятника. Тот, что гнался за мной, уже настигал меня. Я слышал его дыхание. Вдруг раздался железный лязг, клацанье и дикий вопль! Один из наших сюрпризов сработал! Значит Шандор все-таки смог достать капканы. Меня он уверял, что это невозможная затея. В Австрии перевелись волки. Теперь я бежал строго к усыпальнице Батори. Со вторым преследователем ничего не случилось. Я догадался об этом по двум выстрелам в мою сторону. Никогда в жизни я так не спешил попасть внутрь склепа с покойниками! Тяжелая, оббитая кованым железом дверь, открылась легко и бесшумно. Только я хотел закрыть ее за собой, как в дверное кольцо вцепились с другой стороны. Я отчаянно задергал дверь на себя. Посыпались неперебиваемые венгерские ругательства. – Это я, – зашипел Шандор. Пришлось впустить.

– Здесь мы в полной безопасности, – прошептал Шандор, запирая огромный засов.

– Да, но деньги снаружи!

– Мертвым деньги не нужны.

– Мы еще не мертвы. К тому же там скоро появится Аврора!

– Что?!

– Таков план.

– Какой план.

– Который только что провалился. Где оружие?

Шандор посветил свечкой.

– Это оружие? – в панике воскликнул я. На могильной плите стоял открытый ящик со старинными дуэльными пистолетами.

– Сегодня день рождения императрицы, лавки закрылись очень рано. – вяло оправдывался мой компаньон. – Но они стреляют, вы могли убедиться в этом. Есть еще кое-что.

Шандор нырнул в темный угол склепа и вынырнул оттуда с мушкетом. Я застонал.

– Это из какого музея?

– Из частного, барона фон Метца. Правда, он мне одолжил его с условием, что я не буду пробовать из него стрелять. Это их фамильная реликвия. Но когда дело касается жизни и смерти... Шандор не успел закончить свою мысль, потому что мы услышали крики и ружейный выстрел.

– Это сторож.

В ответ гавкнул револьвер-бульдог. Наступила тишина.

– Вот и нет сторожа. Кстати, сколько времени?

Из кармана на свет были вытащены старинные серебряные часы.

– Фамильная реликвия Батори? – съязвил я. – Они ходят?

– Почти четверть двенадцатого, – гордо не обратил вни-

мания на мою колкость Шандор. – Сверим часы. Сколько на ваших.

Я достал свой золотой брегет.

– О! Какая редкая вещь. Тоже наследство? – вернул мне укол хозяин нашего убежища.

– На моих золотых без восьми минут одиннадцать.

Мы оба вздохнули.

– Как бы то ни было, пора действовать, – решительно сказал я. – Пистолеты заряжены?

– Ваш да. Я возьму мушкет.

Мы тихо выскользнули в темноту.

Факел в руке мадам Портиш догорал. Криков и стонов попавшего в капкан не было. Значит, свои его уже подобрали.

– Как-бы не попасть в собственные сети, – прошептал я.

– Не попадете, – успокоил меня Шандор. – Это был единственный капкан.

Я посмотрел на друга со значением.

– Что? В Австрии давно нет медведей. Разве что где-нибудь на окраине империи. В горах. Медвежьи капканы не в моде. Вам очень повезло, что ваш преследователь угодил в единственную ловушку на всем кладбище. Шаг в сторону и он был бы цел.

Послышался шорох. Мы вскинули наше оружие в направлении опасности.

– Выходи с поднятыми руками, кто бы ты ни был. Иначе мы изрешетим тебя! – скомандовал Шандор суровым, гром-

ким шепотом. Из за чугунной юбки мадам Портиш выглянула цыганская рожа. Вскоре испуг на этой роже сменился изумлением. Видимо, цыган разглядел наше оружие. Он вышел к нам не поднимая рук.

– Руки вверх или я стреляю! – Шандор не шутил.

– Ну, стреляй, – со смехом ответил цыган.

Оскорбленный потомок гордого рода Батори нажал на огромный спусковой крюк. Замок мушкета клацнул кремнем. Ничего не произошло.

– Это вы руки вверх, и идем к нашему атаману, – весело сказал цыган, поднимая револьвер. В ответ я тоже щелкнул пистолетом. Тоже в пустую. Моя попытка вызвала приступ хохота. Тут что-то зашипело, и раздался страшный грохот. Шандора отбросило на землю. Когда дым рассеялся, я увидел нашего врага целым и невредимым. Он только ошарашено стучал себя по оглохшему уху. Не теряя времени, я врезал по его голове дуэльным пистолетом. В качестве дубинки этот инкрустированный «лепаж» оказался очень даже не плох. Хватило одного раза, чтобы злодей принял горизонтальное положение. Я подобрал цыганский револьвер, потом своего товарища и двинулся прочь с места битвы. Скоро здесь будет вся шайка.

Угадал. Не успели мы пройти и пары могил, как услышали противный скрипучий голос Трощого:

– Князь, сделайте одолжение, перестаньте скакать по покойникам. К чему эти казаки-разбойники? Тем более с кап-

канами. Какие у вас странные фантазии. Идите на все четыре стороны. Я не буду вас убивать.

– Какой вы великодушный. Вот Евстратий вам доверился, и где он?

– Он получил, что заслуживал. Вы мне не нужны. Идите к своему Фрейду, жалуйтесь на трудное детство. Рассказывайте, как вас мама не любила.

Я оскорбился за вульгарно изложенное учение Фрейда и попробовал ответить колкостью на колкость:

–Интересно, что сказал бы доктор Адлер, узнав, как вы боретесь с детской ущербностью? Кстати о сверхкомпенсации. А что если вы не получите ее от барона? Вот будет смеху.

– Я ее получу. – Уже без всякой иронии в голосе ответил Троцкий.

Наш обмен репликами мог длиться еще долго, но его прервали самым обескураживающим образом. У ворот кладбища заиграла музыка. Я узнал ее с первых аккордов. Душераздирающая ария Надира в исполнении скрипучего патефона. Долгое время я сам мучил всех в доме, слушая ее по десять раз подряд, в финале фальшиво подпевая Собинову «где же ты, мое счастье». Троцкого ария не умилила.

– Кто там? Что за декадентство? Не кладбище, а проходной двор! Кого там несет?

– Господин Троцкий! Впустите. Я знаю, что вы здесь. Эй, ловцы жемчуга, ау!

Я узнал этот звонкий голос.

– Что вам надо? – со злым недоумением откликнулся интриган.

– Со мной отец.

– Проверь, – кинул через плечо Троцкий.

Бродяга шагнул в темноту. Через минуту мы услышали топот копыт и скрип колес.

– Что это? – прошипел мне в ухо Шандор.

– Это и есть план.

– Какой план?

– План спутать чужие планы. А там как пойдет.

Пользуясь замешательством, мы сменили дислокацию. Теперь мы видели, что происходит. Аврора весело прыгнула с катафалка. Приветственная реплика Троцкого была полна раздражения:

– Господи, выключите это нытье!

– А что вы предпочитаете, «Тореадора»? Или, может, быть Вагнера?

– Я предпочитаю, чтобы вас здесь не было.

– Грубо. Я все-таки дочь барона.

– Где он. Скоро он приедет?

– Он уже здесь.

– Где?

– Да вот же! – Аврора махнула в сторону катафалка. – Еще даже румянец не сошел. Прямо, как живой.

– Что за шутки?! – не удержался от крика демон револю-

ции.

– Какие шутки, сами посмотрите. Только осторожнее, цветы не помните. Я сама венки собирала.

Как хотел бы я быть там рядом! Посмотреть, как побелел Троцкий, как дрожат его руки, кривиться рот. Его фигурка бросилась к гробу, откинула крышку и в панике отпрянула назад.

– Как же не вовремя! Не мог подождать, старый шмак! Всего день! Мне нужен был всего день! Да что там день, всего пару часов! И подыхай, сколько захочешь!

Меня душил смех. Я уткнулся в плечо к Шандору, чтобы мое ржание не выдало наше место. Револьвер скакал в моей руке.

– Что случилось? Как это произошло! – Троцкий явно скатывался к истерике.

– Я его отравила. *Atropa belladonna*. Почти не мучился. Похрипел для порядка, побредил. Маму вспомнил и к ней отправился.

– Дура! Что ты наделала! А где деньги? Где мои деньги!

– Ваши деньги, останутся в нашей семье. Извините, что похоронила ваши надежды. Кстати, его похоронить бы, а то пахнуть начнет.

– Тебя замуруют в психлечебницу навечно!

– Уже пробовали.

– А знаете что?! Я похороню вас вместе с ним! Заживо! В одном гробу! Вы будете наслаждаться его тлением до самой

своей смерти! Я вам покажу, как меня дурить! Взять ее!

Цыгане бросились к Авроре.

– Что ж, мой выход. Держите этого умалишенного на мушке, – прошептал я, отдавая Шандору трофейный револьвер.

После пары шагов свет фонарей выхватил меня из темноты. Я торопился. Моя торопливость объяснялась не просто желанием спасти Аврору. С того момента, как Троцкий наставил на нее свой револьвер, в голове моей опять зазвенело. Пока легко, но я знал, к чему это шло. Этот тихий звон в пустой, гулкой голове, эта легкость в мыслях необычайная, предшествовали головокружению. А после головокружения начинался припадок. Сидя за могильной плитой, я с ужасом понял, что скоро стану бессмысленным куском мяса, которое дергается на земле, потешая бандитов и Троцкого. Мне во чтобы то ни стало надо было опередить этот припадок. Опередить собственное тело! Шандору я ничего не сказал, чтобы не наводить на него тоску и панику.

– Для социал-демократа вы слишком сильно любите деньги! – начал я насмешливо. – И слишком кровожадны.

– Князь. – Аврора сделала театральный реверанс в мою сторону.

– Баронесса, – ответил я поклоном.

Троцкий не оценил моей иронии.

– Я закопаю вас вместе! В гробу шутить будете! А деньги я достану, не сомневайтесь. Не у барона так у кого-нибудь еще. Например, у ваших родителей. Они наверняка не пожалеют

денег, если получат посылку с вашим пальцем.

– Вы импровизируете на месте. Ничего не знаете про мою семью. Они с удовольствием получают все мои десять пальцев, а потом с вас сдерут кожу на семейной живодерне. – Я говорил, все, что приходит в голову, плавно продвигаясь к Авроре. – Вы в панике. Остыньте, пламенный борец за справедливость.

– Не в вашем положении угрожать мне! – взвизгнул Троцкий. – Начинайте копать для них яму, – скомандовал он своим подручным.

Энтузиазм цыган заметно поубавился, с того момента, как до них дошло, что денег не будет. Действовали они вяло, хотя еще слушались своего нового хозяина.

– Коба, где вы? Помогите им. Надо быстрее покончить с этим. Нагрянем на дом к барону. Деньги наверняка еще там.

Из темноты вышел бывший подручный Анны.

– Коба, Коба. Где брат твой Авель? – не удержался я.

– Скоро ты его увидишь, – зло пробурчал кавказец, берясь за заступ лопаты.

Между мной и Авророй осталось всего пару метров и один бандит. Сшибаю его на землю, подхватываю свою Снегурочку и уношусь прочь в темноту. Я уже делал знаки Авроре, пуча глаза и кося ими в сторону побега, как вдруг из темноты, совершенно бесшумно выплыл огромный пистолет. Но даже огромный Маузер казался маленькой игрушкой в огромной лапе, которая показалась вслед за пистолетом.

Затем в круге света появилась вся фигура. Там, где я ожидал увидеть голову, находилась широченная грудь. Голова у человека-горы была выше.

– Голем! – радостно вскрикнула Аврора.

– Привет, Капустница, – нежным басом откликнулась гора.

«Голем? Капустница?» – промелькнуло удивление в моей голове.

– А меня тут живьем закопать хотят, – проворковала весело моя Снегурочка и его Капустница.

– Это они шутят. Сейчас они извинятся.

Троцкий сконфужено пробурчал извинения.

– Хозяин, все чисто, – сказала гора в темноту.

На свет фонарей вышла щуплая, по сравнению с Големом, фигурка барона.

– В чем дело? Что здесь происходит? Что за сборище? Почему мы слышали выстрелы? – стрелял он вопросами. – А ты что здесь делаешь? – повернулся барон к Авроре, причем его голос при виде ее поднялся сразу на пару тонов выше.

Ошарашенный Троцкий вперился взглядом в живого Ротшильда, поправляя удивленно пенсне.

– Что вы на меня уставились, как будто я Лазарь, из гроба восставший?

Троцкий ринулся к катафалку, откинул крышку гроба. Барон проследил за ним взглядом и тут же задохнулся от возмущения:

– Ты украла мою скульптуру для музея Тюссо! Ты совсем обезумела от наглости! Я тебя... Я тебя...

– Деньги при вас? – резко перебил его Троцкий. – Я хочу быстрее завершить этот цирк.

– Цирк – это, возможно, важнейшее из искусств в нынешнюю эпоху, – глубокомысленно заметил я, давясь от смеха. – Ну, может, еще синематограф.

Мое глубокомысленное замечание прошло незамеченным.

– Деньги при мне, – ответил барон. – Но, возможно, они так и останутся при мне. Вы слишком шумно повели дело, с трупами и свидетелями. Я начинаю сомневаться в рентабельности нашего предприятия. Боюсь, из-за вас у меня будут огромные издержки. А то и прямые убытки.

– Барон, поздно поворачивать назад. Лед тронулся, как говорят мои друзья по партии. Вы уже по уши ... в деле. Трупы есть и еще будут, но от свидетелей мы избавимся. – Троцкий небрежно махнул револьвером в мою сторону. – К тому же, – продолжил он, – я уже связался с нашим человеком в Баку. Там ждут от меня команды и денег.

– Как связались, так и развяжетесь. И не смейте мне говорить, что делать. Я сам буду решать быть мне в деле или нет.

– Барон, я не собираюсь вас уговаривать. Но без денег я отсюда не уйду. С вашего согласия, или без оного.

Тон Троцкого стал угрожающим.

– Вот как. Попробуйте взять! – в запальчивости вскрик-

нул Ротшильд.

– Взять! – скомандовал Троцкий своим бандитам.

Голем поднял маузер.

Тут началось то, что я и предполагал: хаотическая перестрелка с безумной беготней вокруг сундука барона. Единственно, что я не предполагал, так это результат перестрелки. В первый же момент, один из цыган сбил меня с ног, но повалился на меня он уже мертвый. Я едва мог поднять голову. Пули свистели и рикошетили во всех направлениях. Тявкали револьверы и бульдоги, им в ответ басовито гавкал Маузер. Судя по воплям и ругательствам на венгерском, в перестрелку тут же включился Шандор. Краем глаза я увидел хохолок Авроры. Шляпка ее слетела. Я с трудом высвободился из под трупа и пополз к ней. В голове уже отчаянно шумело. Стрельба слышалась как будто издалека, и словно мою голову обмотали ватой. В глазах то и дело вспыхивали зеленые искорки. Мне иногда казалось, что я полз внутри какого-то изумруда. Револьверные выстрелы становились все реже. Скрипнула кладбищенская дверь, кто-то решил бежать. Маузер ухнул еще пару раз, и наступила тишина.

– Кажется, чисто, хозяин, – пробасил Голем.

Я выглянул из за плиты. Голем стоял весь в грязи и крови, в спине торчала кирка. Дело рук Кобы, догадался я. Сам Коба удивленно смотрел на это все снизу вверх. Еще бы он не был удивлен: его лицо смотрело туда же, куда и жопа, подбородок упирался в лопатки, голова, соответственно, поверну-

та на 180 градусов. Для тупоголового боевика это слишком резкий поворот событий. Он не дышал. Голем свернул ему шею после предательского удара в спину. Прячась за своего слугу-великана, поднялся барон, он был просто в грязи.

С другой стороны побоища появился Шандор. Он хромал. Правая рука его висела плеткой, левая еле держала револьвер. Я оглянулся, Авроры не было видно. Я позвал ее. Тишина. И тут она появилась из темноты. Ее нежную шею обхватывала грязная мужская рука, в ее нежный висок упиралось дуло револьвера. Из за ее локонов выглядывало искаженное злобой лицо Троцкого.

– Всем еще раз здрасте. Ситуация понятна? – заговорил он, оскалась. – Деньги, или я вышибу мозги из этой прекрасной головки!

Барон молчал. Голем снова поднял маузер.

– Если ты ее тронешь, я порву тебя на кусочки голыми руками! – прорычал слуга Ротшильда.

– Я уже ее трогаю, – мерзко захихикал Троцкий.

– Убейте его! – смело крикнула Аврора.

Раздался сухой металлический щелчок. Шандор, стоявший с боку к бандиту и заложнице, в бешенстве нажимал на курок еще и еще. Но барабан был пуст. Троцкий начал дико смеяться.

– Ну, кто следующий?! Брось маузер! Я сказал!

Голем повиновался.

– Деньги барон.

Барон продолжал упрямо молчать.

– Отдайте ему деньги, барон, – попросил я, как можно спокойнее.

Троцкий взвел курок и поправил стволом локон Авроры.

– Наслаждайся, князь, последними секундами ее жизни.

Он продолжал говорить, но я его уже не слышал. Я поднял свой бесполезный дуэльный пистолет и нацелил его на негодея. Ярость пульсировала в моей голове. Я впился в его лицо взглядом. Он смеялся, глядя мне прямо в глаза. Губы дрожали. Открытая пасть обнажила желтые клыки. В этом было что-то... Что-то... Что-то волчьё! Волчий оскал!

И тут я вспомнил все!

Исчезли изумруды перед глазами.

Прекратился шум.

Наступила тишина. Абсолютная тишина.

Я перестал смотреть на звериную пасть.

Я видел только ее глаза. Глаза моей Авроры. Глаза моей

... Груши.

Они смотрели на меня сквозь слезы. Смотрели с любовью и нежностью.

Я знал, что сейчас будет. Сейчас она скажет: «стреляй».

Скажет, так нежно и ласково. Потом раздастся выстрел.

Я закрыл глаза и нажал на спусковой курок. Древний пистоль вспомнил, как проливать кровь и разродился страшным громом.

Когда я открыл глаза, передо мной никого не было.

Я стоял опустошенный. Что происходило вокруг, меня не волновало. Я только что побывал в аду и узнал, что там мне и место.

– Сколько можно ждать, князь?! – раздался звонкий серебряный голос, – вы подадите наконец руку даме.

Обливаясь слезами и мыча, как идиот, я бросился вперед. В канаве неуклюже барахтаясь, пыталась встать моя Аврора. Под ней, нелепо раскинув руки, и развязано раздвинув ноги, валялся Трощий. В нем не было ничего от поверженного демона. Вместо правого лаза зияла кровавая дырка. Я протянул руку. Она перехватила ее и по трупу выбралась на свет божий. Действительно светало. Занималась заря.

– А вы еще и стрелок.

Мы двинулись катафалку. Шли молча, только Шандор причитал всю дорогу:

– Это чудо! Это чудо! Помощь моих великих предков! Святое место!

У самого катафалка моя спасенная любовь повернулась ко мне:

– Дорогой, прихвати сундук, пожалуйста. Нам понадобятся деньги на мелкие расходы.

Барон неуверенно возразил. Он поднял маузер, направил его на нас, но Голем услужливо взял своего хозяина за руку и отнял с извинениями пистолет. Барон поник. Он грустно провожал нас взглядом, пока мы еле волокли тяжеленный сундук. Голем сказал, что у него болит спина и помочь отка-

зался. Одна странность бросилась мне в глаза по пути к катафалку: тело Заречной исчезло. Я вспомнил, что идя на дело, она впервые за все наше пребывание в Вене надела корсет. Тогда я не придавал этому значения.

– Господи, сколько же там? – пыхтя, вопрошал мой товарищ.

Увидев нас с поклажей, Аврора заметно повеселела.

– Считайте, что это мое приданное, князь.

Она одним пинком сбросила на землю гроб с восковой фигурой отца, освободив место для приданного.

– Брак – это большой труд, – пустился в нравоучения Шандор, когда мы, наконец, взвалили сундук на повозку.

– Прощай, Голем!

Аврора дернула вожжи, лошадь подумала-подумала, и тронулась в путь.

– Прощай, Капустница.

Мы проехали в предрассветном тумане, наслаждаясь тишиной и свежестью.

– А почему Капустница? – не выдержал я. – Дай угадаю. Твой Голем сентиментален. В желтом платице ты была похожа на бабочку.

– Я была похожа на гусеницу, – смеясь, ответила Капустница. – Ела все, что попадалось под руку!

ни в чем не бывало, точно ко времени. С порога заявил, что это наш последний сеанс. Я спросил почему. Он ответил, что вспомнил все. В его манере держаться не было ни грамма прежней нервозности. Он был серьезен и сосредоточен. Без всяких уговоров лег на кушетку и начал свой рассказ.

Старый сад в старом имении. Лето. Они с отцом стреляют по грушам из игрушечного лука. Рядом смеется молодая няня. Следующая картина: отец ставит няне на голову надкусанную грушу и целится из пистолета. Настоящего пистолета. Груша бледна, но улыбается. Выстрел. Няня истерично смеется. Отец доволен собой, значит попал. Следующая картина: пистолет дрожит в детской руке самого «Т». Груша больше не смеется. На ее голове новая надкусанная цель. «Т» плачет, пытается отказаться. Отец кричит. Называет мокрым местом. «Т» поднимает пистолет.

В этот момент на кушетке становится тихо. «Т» глубоко вздыхает и закашливается. Затем медленно глухим голосом продолжает:

«Груша смотрит на меня. Ласково что-то шепчет. Кажется, «не бойся». Я гляжу на нее сквозь слезы. Раздается выстрел. Все занавес. Вот так исчезла Груша из моей жизни. Я убил ее».

«Т» встал с кушетки и собрался уходить. Я спросил, при каких обстоятельствах он вспомнил эту историю. «При драматических», – ответил «Т» и вышел.

Страшная история. Много объясняет. Надо разобрать

этот случай по подробнее.

21

В Опатии сезон закончился. Холодно. С моря дует ледяной ветер. Но у нас огромный камин, в котором горит, наверное, пол окрестного леса. Я смотрю на пламя, как загнипнотизированный. У меня странное чувство. С одной стороны я больше не тварь дрожащая. В борьбе завоеванные трофеи: Аврора и богатство – тому доказательством. Но долгожданный триумф потерял смысл. Потому что с другой стороны я – убийца. Убийца самого близкого человека. Доктор прокричал мне вслед, что любой человек, который достаточно честен с самим собой, должен придти к такому же выводу.

Вдруг хлопает дверь. Холодный морской воздух врывается в зал. Пламя заметалось и приникло к бревнам, как хищный зверь. Вошла Аврора.

– У меня кое-что есть для нас.

Она разворачивает и бросает на пол огромную волчью шкуру.

– Давно хотела попробовать прямо на ней.

Она улыбается лукаво, как Джоконда, и начинает раздеваться.

КОНЕЦ